

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 32 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 20 сентября 2018 г.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”

В связи с возникшими в правоприменительной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности” (в редакции постановления Пленума от 3 ноября 2016 года № 41) следующие изменения:

1) пункт 1 дополнить абзацем следующего содержания:

“Обратить внимание судов на то, что гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, часть 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, часть 2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.).”;

2) дополнить пунктом 2¹ следующего содержания:

“2¹. При рассмотрении в порядке статьи 125 УПК РФ жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности суду необходимо тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения дела, что предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений.

Обратить внимание судов, что с учетом содержания диспозиции статьи 282 УК РФ к таким данным относится не только сам факт размещения в сети “Интернет” или иной информационно-телекоммуникационной сети изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам, содержащимся в данной статье, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения.”;

3) в пункте 8:

а) дополнить абзацем вторым следующего содержания:

“Размещение лицом в сети “Интернет” или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по статье 282 УК РФ только в случа-

ях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.”;

б) абзацы второй, третий, четвертый и пятый считать абзацами третьим, четвертым, пятым и шестым;

в) абзац третий изложить в следующей редакции:

“При решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети “Интернет” или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств деянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений.”;

4) дополнить пунктом 8¹ следующего содержания:

“8¹. Обратить внимание судов на то, что при правовой оценке действий, направленных на воз-

буждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам, судам следует исходить из характера и степени общественной опасности содеянного и учитывать положения части 2 статьи 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, то есть не представляющим общественной опасности, судам необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию.”;

5) пункт 23 дополнить абзацем шестым следующего содержания:

“При оценке заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности судам следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. При этом вопрос о том, являются те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 33 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 20 сентября 2018 г.

О признании не подлежащим применению абзаца третьего пункта 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 52 “О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам”

Руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, статьей 3 Федерального конституционно-

го закона от 4 июня 2014 года № 8-ФКЗ “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и статью 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Фе-

дерации”, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

В связи с принятием постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2018 года № 29-П “По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Альбатрос” признать не подлежащим применению абзац третий пункта 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от

30 июня 2011 года № 52 “О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Страховщик имеет право предъявить регрессное требование к лицу, управлявшему транспортным средством, но не включенному в число допущенных к управлению водителей по договору об обязательном страховании гражданской ответственности

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2016 г. № 39-КГ16-1*

(Извлечение)

ООО “Росгосстрах” обратилось в суд с иском к Ч. о возмещении ущерба в порядке регресса, указав, что 29 мая 2014 г. произошло дорожно-транспортное происшествие с участием принадлежавшего на праве собственности В. автомобиля под управлением Ч. и автомобиля под управлением его собственника С. Виновным в ДТП был признан Ч. Риск гражданской ответственности владельца автомобиля, которым управлял Ч., был застрахован по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в ООО “Росгосстрах”, однако в страховом полисе Ч. в числе водителей, допущенных к управлению транспортным средством, указан не был.

Впоследствии истцом в адрес Ч. была направлена претензия о возмещении ущерба в добровольном порядке, однако ответчик ущерб не возместил.

ООО “Росгосстрах” просило взыскать с Ч. в порядке регресса сумму в возмещение ущерба.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу вынесено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования ООО “Росгосстрах”, суд первой инстанции указал, что Ч., по вине которого произошло ДТП

и причинен ущерб, не был включен в число лиц, допущенных к управлению транспортным средством, в связи с чем у истца возникло право регрессного требования.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что оснований для взыскания с Ч. страхового возмещения в порядке регресса не имелось, поскольку он управлял автомобилем на основании генеральной доверенности и являлся страхователем по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 12 апреля 2016 г. не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (здесь и далее в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений, далее — Закон об ОСАГО) под страховым случаем понимается наступление гражданской ответственности владельца транспортного средства за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, влекущее за собой в соответствии с договором обязательного страхования обязанность страховщика осуществить страховую выплату.

В силу п. 2 ст. 15 указанного Закона договор обязательного страхования заключается в отношении владельца транспортного средства, лиц, указанных им в договоре обязательного страхования, или в отношении неограниченного числа лиц, допущенных владельцем к управлению транспортным средством в соответствии с условиями договора обязательного страхования, а также иных лиц, использующих транспортное средство на законном основании.

В п. 1 ст. 16 этого Закона предусмотрено, что владельцы транспортных средств вправе заключать договоры обязательного страхования с учетом ограниченного использования транспортных средств, находящихся в их собственности или владении.

Ограниченным использованием транспортных средств, находящихся в собственности или во владении граждан, признаются управление транспортными средствами только указанными страхователем водителями и (или) сезонное использование транспортных средств в течение трех и более месяцев в календарном году.

Об указанных обстоятельствах владелец транспортного средства вправе в письменной форме заявить страховщику при заключении договора обязательного страхования. В этом случае страховая премия по договору обязательного страхования, которым учитывается ограниченное использование транспортного средства, определяется с применением коэффициентов, предусмотренных страховыми тарифами и учитывающих водительский стаж, возраст и иные персональные данные водителей, допущенных к управлению транспортным средством, и (или) предусмотренный договором обязательного страхования период его использования.

Согласно пп. 2 и 3 ст. 16 Закона об ОСАГО при осуществлении обязательного страхования с учетом ограниченного использования транспортного средства в страховом полисе указываются водители, допущенные к управлению транспортным средством, в том числе на основании соответствующей доверенности, и (или) предусмотренный договором обязательного страхования период его использования.

В период действия договора обязательного страхования, учитывающего ограниченное использование транспортного средства, страхователь обязан незамедлительно в письменной форме сообщать страховщику о передаче управления транспортным средством водителям, не указанным в страховом полисе в качестве допущенных к управлению транспортным средством, и (или) об увеличении периода его использования сверх периода, указанного в договоре обязательного страхования. При получении такого сообщения страховщик вносит соответствующие изменения в страховой полис. При этом страховщик вправе потребовать уплаты дополнительной страховой премии в соответствии со страховыми тарифами по обязательному страхованию соразмерно увеличению риска.

Согласно подп. "б" п. 2 ст. 9 Закона об ОСАГО коэффициенты, входящие в состав страховых тарифов, устанавливаются в зависимости от: наличия или отсутствия страховых выплат, произведенных страховщиками в предшествующие периоды при осуществлении обязательного страхования гражданской ответственности владельцев данного транспортного средства, а в случае обязательного страхования при ограниченном использовании транспортного средства, предусматривающем управление транспортным средством

только указанными страхователем водителями, наличия или отсутствия страховых выплат, произведенных страховщиками в предшествующие периоды при осуществлении обязательного страхования гражданской ответственности каждого из этих водителей.

Пунктом 2¹ этой же статьи установлено, что для случаев обязательного страхования гражданской ответственности граждан, использующих принадлежащие им транспортные средства, страховыми тарифами устанавливаются также коэффициенты, учитывающие, предусмотрено ли договором обязательного страхования условие о том, что к управлению транспортным средством допущены только указанные страхователем водители, и, если такое условие предусмотрено, их водительский стаж и возраст.

Указанием Банка России от 19 сентября 2014 г. № 3384-У "О предельных размерах базовых ставок страховых тарифов и коэффициентах страховых тарифов, требованиях к структуре страховых тарифов, а также порядке их применения страховщиками при определении страховой премии по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств" определены коэффициенты страховых тарифов в зависимости от предыдущих страховых выплат — от 0,5 до 3, а также от стажа и возраста водителей — от 1 до 1,8 (пп. 2, 4 Приложения 2).

Таким образом, при ограниченном использовании транспортного средства только определенными договором водителями количество таких водителей, их водительский стаж, возраст, предшествующие страховые выплаты в отношении каждого из этих водителей имеют существенное значение для определения степени страхового риска и, соответственно, размера страховой премии, а, следовательно, указание этих водителей в договоре страхования, страховом полисе обязательно вне зависимости от того, является ли тот или иной водитель собственником транспортного средства либо управляет им на ином основании, а также от того, заключался ли договор страхования этим лицом либо другим лицом.

Как было установлено судом, Ч. в заявлении о заключении договора обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства указал ограниченное использование автомобиля, а именно управление им только водителями С. и Б., в то время как себя в качестве водителя он не указывал. На основании данного заявления страховщиком был рассчитан страховой тариф и выдан полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в котором сам Ч. не значился.

Предусмотренного законом сообщения о дополнении списка лиц, допущенных к управлению транспортным средством, о включении в их число Ч., а также об уплате обусловленной этим обстоятельством дополнительной страховой премии впоследствии страховщику не поступало.

В соответствии со ст. 14 Закона об ОСАГО, а также с п. 76 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденных постановлением Правительства РФ от 7 мая 2003 г. № 263 (действовавших на момент возникновения спорных отношений), страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу в размере произведенной страховщиком страховой выплаты, если указанное лицо не включено в договор обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством (при заключении договора обязательного страхования с условием использования транспортного средства только указанными в договоре обязательного страхования водителями).

Таким образом, в силу закона страховщик имеет право регресса к лицу, управляющему транспортным средством, но не включенному в число допущенных к управлению водителей по договору ОСАГО.

Размер ущерба в этом случае определяется по общим правилам, в том числе предусмотренным ст. 1089 ГК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Указанный в ч. 1 ст. 17 Федерального закона “О защите конкуренции” порядок заключения договоров не распространяется на имущество, распоряжение которым осуществляется в соответствии со специальным законодательством о размещении нестационарных торговых объектов на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 13 февраля 2018 г. № 304-ЭС17-15428*

(Извлечение)

Предприниматель эксплуатировал три нестационарных торговых объекта на основании договоров аренды земельных участков от 30 июня 2006 г., от 29 июля 2007 г., а также распоряжений уполномоченного органа муниципального образования (далее — администрация). Стороны подписали соглашение о расторжении указанных договоров с 1 ноября 2015 г.

Предприниматель (владелец) и администрация (уполномоченный орган) 2 ноября 2015 г. заключили договоры на размещение нестационарных торговых объектов согласно схеме размещения нестационарных торговых объектов на территории муниципального образования. Срок действия указанных договоров согласован сторонами на один год.

Администрация направила предпринимателю извещение от 19 августа 2016 г. о предстоящем расторжении договоров со 2 ноября 2016 г. в связи с истечением срока их действия.

Предприниматель 29 августа 2016 г. направил администрации предложение о заключении с ним без проведения аукциона на срок пять лет новых договоров на размещение нестационарных торговых объектов на прежних местах и проекты договоров, ссылаясь на п. 24 Порядка размещения нестационарных торговых объектов на территории города Омска, утвержденного постановлением администрации города Омска от 23 декабря 2014 г. № 1812-п “О размещении нестационарных торговых объектов на территории города Омска” (далее — Порядок размещения НТО).

Администрация письмом от 29 сентября 2016 г. отказалась от предложения предпринимателя, указав, что срок действия договоров на размещение нестационарных торговых объектов истек 2 ноября 2016 г., а согласно подп. 3 п. 45 Порядка размещения НТО, действовавшему на момент обращения предпринимателя с заявлением на заключение договоров по размещению нестационарных торговых объектов (1 ноября 2015 г.), срок действия названных договоров был установлен от одного до пяти лет.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о понуждении администрации заключить договоры на размещение нестационарных торговых объектов.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, установив, что действие договоров на размещение нестационарных торговых объектов прекратилось, а действующим законодательством не установлена обязанность уполномоченного органа заключить новый договор на размещение нестационарных торговых объектов без проведения аукциона. При этом суд, ссылаясь на положения Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”, ст.ст. 30—30² Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) и ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), указал, что понуждение к заключению договора не допускается, поскольку администрация в соответствии со ст. 421 ГК РФ свободна в заключении договора.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился арбитражный суд округа, ссылаясь на п. 1 ст. 11, ст.ст. 421, 425, 445, 606, 608, 610, 621 ГК РФ, ст. 46 ЗК РФ, ст. 17¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции) и разъяснения, изложенные в п. 4.5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 “Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды”, отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил заявленные требования. Суды исходили из того, что не име-

ется оснований, предусмотренных п. 1 ч. 10 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, для отказа арендатору в заключении договора аренды на новый срок.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 13 февраля 2018 г. отменила постановления судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Указанный в ч. 1 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции порядок заключения договоров не распространяется на имущество, распоряжение которым осуществляется в соответствии с Земельным кодексом РФ, Водным кодексом РФ, Лесным кодексом РФ, законодательством Российской Федерации о недрах, законодательством Российской Федерации о концессионных соглашениях, законодательством Российской Федерации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве (ч. 2 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции). Таким образом, правоотношения сторон по размещению на территории муниципального образования нестационарных торговых объектов не подлежат регулированию, установленному Законом о защите конкуренции. Размещение нестационарных торговых объектов осуществляется по правилам, предусмотренным специальными федеральными законами, которыми устанавливаются соответствующие юридические основания для размещения таких объектов на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Согласно п. 1 ст. 39³⁶ ЗК РФ размещение нестационарных торговых объектов на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется на основании схемы размещения нестационарных торговых объектов в соответствии с Федеральным законом “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”.

Статьей 10 данного Закона установлено, что размещение нестационарных торговых объектов осуществляется только на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в соответствии со схемой размещения нестационарных торговых объектов. Схема размещения нестационарных торговых объектов утверждена постановлением администрации города Омска от 4 августа 2014 г. № 1041-п “Об утверждении схемы нестационарных торговых объектов на территории города Омска”, а Порядок размещения НТО — постановлением администрации города Омска от 23 декабря 2014 г. № 1812-п “О размещении нестационарных торговых объектов на территории города Омска”, вступившим в силу с 1 января 2015 г.

Согласно п. 5 названного Порядка размещения НТО право на заключение договора на размещение нестационарных торговых объектов, указанного в схеме размещения нестационарных торговых объектов, определяется по ре-

зультатам торгов, проводимых в форме аукциона. Данное требование не распространяется на размещение нестационарных торговых объектов, указанных в пп. 24, 27, подп. 4 п. 36 Порядка размещения НТО. Аукцион по продаже права на заключение договора на размещение нестационарных торговых объектов проводится в соответствии с установленным порядком проведения аукциона по продаже права на заключение договора на размещение нестационарных торговых объектов на территории города Омска.

Согласно п. 24 Порядка размещения НТО владельцы нестационарных торговых объектов, размещенных в местах, установленных схемой размещения нестационарных торговых объектов, имеющие действующие договоры аренды земельных участков, заключенные до вступления в силу Порядка размещения НТО, имеют право на заключение договоров на размещение нестационарных торговых объектов без проведения аукциона по продаже права на заключение договора на размещение нестационарных торговых объектов. Договоры аренды земельных участков от 30 июня 2006 г. и от 29 октября 2007 г., предоставленных предпринимателю на основании распоряжения администрации для размещения нестационарных торговых объектов, срок действия которых истек 26 декабря 2015 г., расторгнуты по соглашению сторон с 1 ноября 2015 г. Договоры на размещение тех же нестационарных торговых объектов заключены 2 ноября 2015 г. без проведения аукциона на 1 год.

В соответствии с подп. 3 п. 45 Порядка размещения НТО (в редакции, действовавшей на момент заключения договоров 2 ноября 2015 г.) срок действия договоров на размещение нестационарных торговых объектов установлен от 1 года до 5 лет.

Действующая с 14 января 2016 г. редакция постановления администрации города Омска от 23 декабря 2014 г. № 1812-п не влечет обязанности администрации по продлению договоров на пять лет, так как новая редакция этого постановления не имеет обратной силы и не распространяется на ранее заключенные договоры, а также сохраняет ранее установленный порядок на размещение нестационарных торговых объектов на территории города Омска, согласно которому право на заключение договора на размещение нестационарных торговых объектов, указанного в схеме размещения нестационарных торговых объектов, определяется по результатам торгов, проводимых в форме аукциона.

Таким образом, какое-либо преимущественное право на заключение новых договоров на размещение нестационарных торговых объектов без участия в аукционе у предпринимателя отсутствует; истец вправе участвовать в аукционе на право заключения договоров на размещение нестационарных торговых объектов согласно схеме размещения.

2. Оспаривание сделок по отчуждению принадлежащих подконтрольной должнику компании долей в уставном капитале общества, являющихся сделками за счет должника, осуществляется в рамках дела о банкротстве должника

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 марта 2018 г. № 305-ЭС17-17342

(Извлечение)

Д. являлся акционером компании, владеющим 70-процентным пакетом акций. Компания являлась единственным участником бюро. Бюро и компания являлись участниками общества с долями по 50%.

В феврале 2015 г. бюро и компания продали свои доли участия в обществе К. и П. в размере 10% и 90% соответственно.

В ноябре 2015 г. арбитражный суд первой инстанции принял заявление от Д. о признании его банкротом и возбудил производство по делу о банкротстве должника. Решением суда первой инстанции Д. признан банкротом, и в отношении него открыта процедура реализации имущества.

Кредиторы Д., чьи требования включены в реестр требований кредиторов и превышали 10% общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, обратились в арбитражный суд с заявлением о признании указанных сделок недействительными и о применении последствий их недействительности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по заявлению кредиторов прекращено применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Суды исходили из того, что заявленные требования не подлежат рассмотрению в деле о банкротстве, поскольку оспариваются сделки, совершенные без участия должника и не в отношении его имущества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 12 марта 2018 г. отменила названные судебные акты и направила заявление на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 61¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом РФ, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве. В деле о банкротстве физического лица по правилам главы III¹ Закона о банкротстве возможно оспаривание сделок, совершенных не ранее вступления в силу правовых норм, регулирующих банкротство граждан (Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ “Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и го-

рода федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”).

В п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” перечислены виды сделок, совершенные не должником, а другими лицами за счет должника, которые могут быть признаны недействительными. Заявление об оспаривании сделки должника подается в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, и подлежит рассмотрению в деле о банкротстве должника (п. 1 ст. 61⁸ Закона о банкротстве). Заявление может быть подано в том числе и конкурсным кредитором, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10% общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц (п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве).

Таким образом, заявление кредиторов об оспаривании сделок, совершенных другими лицами за счет должника, подлежало рассмотрению в деле о банкротстве Д. на предмет соответствия сделок положениям Гражданского кодекса РФ, в том числе правовым нормам, запрещающим осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (ст. 10 ГК РФ).

Судебная коллегия полагает, что суды при квалификации сделок по отчуждению долей в обществе необоснованно ограничились буквальным содержанием перечня, установленного в п. 2 вышеназванного постановления Пленума.

Перечень не исчерпывающий, и в нем даны лишь некоторые виды сделок, общим признаком которых является их направленность на уменьшение имущественной массы должника посредством действий не самого должника, а иных лиц.

Кроме того, без внимания судов и судебной оценки остались доводы кредиторов о том, что, учитывая долю участия Д. в компании и структуру уставного капитала общества, Д., по существу, прикрывался корпоративной формой юридического лица (компанией и бюро) для владения и управления своим ликвидным имуществом — мажоритарной долей участия в обществе. Величина встречного предоставления по сделкам, как и сам факт возмездности отчуждения долей в обществе, не раскрыты заинтересованными лицами, что в совокупности со статусом покупателей долей (родственников Д.) и предбанкротным состоянием последнего дало кредиторам достаточные основания полагать, что вследствие исполнения сделок, воля на совершение которых формировалась Д., имущество не вышло из-под его фактического контроля, следовательно, данные сделки совершены за счет Д. исключительно с целью причинения вреда кредиторам (в том числе и за счет уменьшения стоимости самой компании).

1. Приказ Минприроды России от 30 декабря 2016 г. № 720 “Об утверждении перечня полезных ископаемых и (или) территорий, в отношении которых в 2017 году не допускается подача заявок на получение права пользования участком недр в целях геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений твердых полезных ископаемых или углеводородного сырья, проводимого за счет собственных (в том числе привлеченных) средств заявителей, в порядке, предусмотренном разделами 4 и 5 Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения), утвержденного приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 10 ноября 2016 г. № 583” признан недействующим со дня принятия определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ

*Определение Апелляционной коллегии
Верховного Суда РФ
от 9 ноября 2017 г. № АПЛ17-354*

(Извлечение)

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее — Минприроды России) приказом от 30 декабря 2016 г. № 720 утвердило перечень полезных ископаемых и (или) территорий, в отношении которых в 2017 году не допускается подача заявок на получение права пользования участком недр в целях геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений твердых полезных ископаемых или углеводородного сырья, проводимого за счет собственных (в том числе привлеченных) средств заявителей, в порядке, предусмотренном разделами 4 и 5 Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения), утвержденного приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 10 ноября 2016 г. № 583 (далее — Приказ № 720).

Акционерное общество “Росгеология” (далее — Общество), являющееся недропользователем и осуществляющее геологоразведочные работы на территории Российской Федерации, обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением, в котором просило признать Приказ № 720 недействующим, ссылаясь на то, что оспариваемый акт не прошел государственную регистрацию нормативных правовых актов, предусмотренную Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, и не был опубликован официально для всеобщего сведения в нарушение п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и

вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти”, а также противоречит ст. 14 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 “О недрах” (далее — Закон о недрах), пп. 4.7, 5.7 Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения), утвержденного приказом Минприроды России от 10 ноября 2016 г. № 583 (далее — Порядок).

Решением Верховного Суда РФ от 30 июня 2017 г. в удовлетворении административного искового заявления о признании Приказа № 720 недействующим Обществом отказано.

В апелляционной жалобе Общество, не соглашаясь с таким решением, просило его отменить ввиду несоответствия выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела и принять по делу новое решение — об удовлетворении административного иска.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ 9 ноября 2017 г. решение суда отменила по следующим основаниям.

Отказывая Обществу в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции указал в решении, что Приказ № 720 является организационно-распорядительным актом, не имеющим нормативного характера, утвержденный им перечень содержит конкретные наименования полезных ископаемых (янтарь, нефрит, уголь каменный, уголь бурый, фосфаты и соли калийные природные, углеводородное сырье) и территорий, в отношении которых в 2017 году не допускается заявительный (упрощенный) порядок получения права пользования участками недр в целях геологического изучения, и не может рассматриваться как нарушающий права административного истца на пользование недрами.

С таким выводом Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ согласиться не может, так как он не соответствует обстоятельствам административного дела и сделан с нарушением норм процессуального права.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 марта 2015 г. № 5-П “По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Газпром нефть” разъяснил, что под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, а под правовой нормой — общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, содержащемуся в постановлении от

29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части”, существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Как следует из п. 1 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219, Приказ № 720 принят уполномоченным органом — федеральным органом исполнительной власти (Минприроды России), обладающим полномочиями по нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности. Его издание предусмотрено п. 1.18 Порядка.

Оспариваемый акт содержит правовые нормы, обязательные для неопределенного круга лиц, которые могут являться пользователями недр в силу ч. 1 ст. 9 Закона о недрах, закрепляющей, что пользователями недр могут быть субъекты предпринимательской деятельности, в том числе участники простого товарищества, иностранные граждане, юридические лица, если иное не установлено федеральными законами.

Приказ № 720 рассчитан на неоднократное применение в 2017 году и направлен на урегулирование общественных отношений, связанных с использованием недрами в целях геологического изучения. Оспариваемый акт фактически вводит запрет на подачу соответствующих заявок на определенных территориях и в отношении конкретных видов полезных ископаемых, тем самым ограничивая права всех заинтересованных лиц на пользование недрами.

При этом Приказ № 720 не затрагивает оперативные и другие текущие вопросы организации деятельности Минприроды России, как ошибочно указал суд первой инстанции в обжалуемом решении.

Таким образом, Приказ № 720 является нормативным правовым актом.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Согласно подп. “г” п. 2 ч. 8 ст. 213 КАС РФ при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта суд обязан выяснить, соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих правила введения нормативных правовых актов в действие, в том числе порядок их опубликования, государственной регистрации (если государственная регистрация данных нормативных право-

вых актов предусмотрена законодательством Российской Федерации) и вступления их в силу.

Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 в пп. 8, 9, 10 предусмотрено, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат обязательному официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в течение 10 дней после дня их государственной регистрации подлежат официальному опубликованию в “Российской газете” или на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru). Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний.

Обязательность государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций, имеющих межведомственный характер, независимо от срока их действия закреплена в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009. Государственная регистрация таких актов осуществляется Минюстом России (пп. 10, 11).

Поскольку Приказ № 720 затрагивает право пользования недрами субъектами предпринимательской деятельности, в том числе гражданами Российской Федерации, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, иностранными гражданами, он подлежал государственной регистрации в Минюсте России.

Однако из материалов дела следует, что Приказ № 720 не был зарегистрирован в Минюсте России и официально не опубликован в установленном порядке в нарушение ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, а также приведенных выше положений Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 и постановления Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009.

В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании норма-

тивных правовых актов полностью или в части” разъяснено, что при рассмотрении дела по существу суду надлежит выяснять порядок принятия нормативного правового акта, в частности предусмотренные правила введения нормативных правовых актов в действие, в том числе правила их опубликования. Если суд установит, что при издании оспариваемого нормативного правового акта были нарушены требования законодательства хотя бы по одному из оснований, влекущих признание акта недействующим, он вправе принять решение об удовлетворении заявления без исследования других обстоятельств по делу, в том числе содержания оспариваемого акта.

С учетом изложенного Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ решение Верховного Суда РФ от 30 июня 2017 г. отменила и приняла по административному делу новое решение, которым административное исковое заявление акционерного общества “Росгеология” удовлетворила, признав недействующим со дня принятия настоящего определения приказ Минприроды России от 30 декабря 2016 г. № 720 “Об утверждении перечня полезных ископаемых и (или) территорий, в отношении которых в 2017 году не допускается подача заявок на получение права пользования участком недр в целях геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений твердых полезных ископаемых или углеводородного сырья, проводимого за счет собственных средств (в том числе привлеченных) средств заявителей, в порядке, предусмотренном разделами 4 и 5 Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения), утвержденного приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 10 ноября 2016 г. № 583”.

2. Подпункт “а” п. 9 Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, утвержденных приказом Минстроя России от 25 декабря 2015 г. № 938/пр, в части, допускающей в качестве основания для отказа во внесении изменений в реестр и возврата заявления несоответствие заявления и документов требованию, установленному подп. “г” п. 5 данного нормативного правового акта, — отсутствие судебных споров по вопросу определения лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, сведения о котором указаны в заявлении, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

Решение Верховного Суда РФ от 29 сентября 2017 г. № АКПИ17-704, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 декабря 2017 г. № АПЛ17-467

(Извлечение)

Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 25 декабря 2015 г. № 938/пр утвер-

ждены Порядок и сроки внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации (далее — Порядок). Нормативный правовой акт зарегистрирован в Минюсте России 8 апреля 2016 г., регистрационный номер 41716, размещен на “Официальном интернет-портале правовой информации” (www.pravo.gov.ru) 12 апреля 2016 г. и опубликован в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти 30 мая 2016 г., № 22.

Согласно подп. “а” п. 9 Порядка основанием для отказа во внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации и возврата заявления является несоответствие заявления и документов требованиям, установленным пп. 2 и 3, подп. “г” и “д” п. 5 Порядка.

Подпунктом “г” п. 5 Порядка предусмотрено, что в ходе рассмотрения заявления и документов органом государственного жилищного надзора осуществляется проверка заявления и документов на предмет соблюдения такого условия, как отсутствие судебных споров по вопросу определения лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, сведения о котором указаны в заявлении.

ООО “СМАРТ СЕРВИС”, осуществляющее предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами, обратилось в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующим подп. “а” п. 9 Порядка в той части, в которой он предусматривает в качестве основания для отказа во внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации и возврата заявления несоответствие заявления и документов требованию, установленному подп. “г” п. 5 Порядка, ссылаясь на его противоречие ч. 7 ст. 14 и ч. 19 ст. 18 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ “О лицензировании отдельных видов деятельности”.

В судебном заседании представитель административного истца уточнил заявленное требование и просил признать недействующим подп. “а” п. 9 Порядка в той мере, в которой он позволяет органу государственного жилищного надзора отказывать во внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации при наличии судебных споров по вопросу определения лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, сведения о котором указаны в заявлении, даже в тех случаях, когда прежняя управляющая организация, передавшая техническую документацию на многоквартирный дом и иные связанные с управлением таким домом документы вновь выбранной управляющей организации, не участвует в таких судебных спорах в качестве стороны.

Верховный Суд РФ 29 сентября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворил по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 198 ЖК РФ изменения в реестр лицензий субъекта Российской Федерации вносятся органом государственного жилищного надзора после получения сведений, указанных в ч. 2 этой статьи, в порядке и сроки, утвержденные

федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Таким федеральным органом исполнительной власти является Минстрой России, которое вправе самостоятельно принимать нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности (п. 1, п. 5.2, подп. 5.2.102 Положения о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1038).

Оспариваемый нормативный правовой акт принят Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации во исполнение полномочия, возложенного на него федеральным законом.

Соблюдение процедуры принятия нормативного правового акта и полномочия административного ответчика по его изданию ранее были предметом проверки Верховного Суда РФ, о чем имеется вступившее в законную силу решение от 20 сентября 2016 г. № АКПИ16-731.

В соответствии со ст. 192 ЖК РФ деятельность по управлению многоквартирными домами осуществляется управляющими организациями на основании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, выданной органом государственного жилищного надзора на основании решения лицензионной комиссии субъекта Российской Федерации (ч. 1). К отношениям, связанным с осуществлением лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами, применяются положения Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” с учетом особенностей, установленных данным Кодексом (ч. 5).

Федеральный закон “О лицензировании отдельных видов деятельности”, как следует из его ч. 1 ст. 1, регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

Для целей поименованного Федерального закона в силу его п. 1 ст. 3 лицензирование включает в себя деятельность лицензирующих органов по формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а лицензиат — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие лицензию.

Пунктом 15 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110, предусмотрено, что лицензирующий орган формирует и ведет реестр лицензий субъекта Российской Федерации в порядке, установленном ст. 21 Федерального закона “О лицен-

зировании отдельных видов деятельности”, с учетом особенностей лицензирования предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, установленных Жилищным кодексом РФ.

Таким образом, порядок формирования и ведения реестра лицензий субъекта Российской Федерации, включая внесение в него изменений, является предметом регулирования как Жилищного кодекса РФ и изданных в соответствии с ним нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, так и Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”.

Порядок определяет условия, последовательность и сроки внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации (п. 1), следовательно, не должен противоречить названным и иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Доводы административного истца о противоречии оспариваемой части подп. “а” п. 9 Порядка ч. 7 ст. 14 и ч. 19 ст. 18 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” лишены правовых оснований, поэтому не могут повлечь удовлетворение административного иска.

Приведенными взаимосвязанными положениями Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” предусмотрен исчерпывающий перечень оснований для отказа в переоформлении лицензии, а именно:

— наличие в представленных соискателем лицензии заявлении о предоставлении лицензии и (или) прилагаемых к нему документах недостоверной или искаженной информации;

— установленное в ходе проверки несоответствие соискателя лицензии лицензионным требованиям;

— представление соискателем лицензии заявления о предоставлении лицензии на указанный в п. 38 ч. 1 ст. 12 данного Федерального закона вид деятельности и прилагаемых к этому заявлению документов, если в отношении соискателя лицензии имеется решение об аннулировании ранее выданной лицензии на такой вид деятельности.

По своему содержанию оспариваемая часть подп. “а” п. 9 Порядка, сформулированная как отсылочная норма, не устанавливает оснований для отказа в переоформлении лицензии.

Вместе с тем исходя из ч. 7 ст. 213 КАС РФ при проверке законности положений нормативного правового акта, которые оспариваются, суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении о признании нормативного правового акта недействующим, и выясняет обстоятельства, указанные в ч. 8 данной статьи, в полном объеме. К числу таких обстоятельств относится соответствие оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу (п. 3 ч. 8 ст. 213 КАС РФ).

Из положений чч. 1, 2 и 4 ст. 195 ЖК РФ следует, что сведения о лицензировании деятельности по управлению многоквартирными домами, лицензиатах, осуществляющих или осуществлявших данный вид деятельности, содержатся кроме прочего в реестре лицензий субъекта Российской Федерации, который должен иметь раздел со сведениями об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат. Подобные сведения являются открытыми, общедоступными и подлежат размещению на официальном сайте органа государственного жилищного надзора в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, за исключением сведений, доступ к которым ограничен законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 255-ФЗ “О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации” с 1 мая 2015 г. информация, указанная в ст. 195 ЖК РФ, подлежит размещению в определенной федеральным законом государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства.

В соответствии с п. 11 ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ “О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства” приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации № 504, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации № 934/пр от 30 декабря 2014 г. определен адрес официального сайта государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” — www.dom.gosuslugi.ru.

В случае изменения перечня многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, в связи с заключением, прекращением, расторжением договора управления многоквартирным домом лицензиат в течение трех рабочих дней со дня заключения, прекращения, расторжения указанного договора обязан разместить эти сведения в системе, а также направить их в орган государственного жилищного надзора (ч. 2 ст. 198 ЖК РФ).

По смыслу изложенных норм содержание реестра лицензий субъекта Российской Федерации предполагает, что указанные в нем сведения, в том числе о лицензиате, об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми он осуществляет, должны иметь достоверный и актуальный характер и обновляться своевременно при заключении, прекращении или расторжении договора управления многоквартирным домом.

Федеральный законодатель установил, что изменение перечня многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, в связи с заключением, прекращением,

расторжением договора управления многоквартирным домом обуславливает объективную необходимость внесения соответствующих изменений в реестр лицензий и упоминаемую систему.

В силу ч. 3 ст. 161 ЖК РФ способ управления многоквартирным домом выбирается на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и может быть выбран и изменен в любое время на основании его решения. Решение общего собрания о выборе способа управления является обязательным для всех собственников помещений в многоквартирном доме.

Частями 4 и 5 этой же статьи предписано, что орган местного самоуправления в порядке, установленном Правительством РФ, проводит открытый конкурс по отбору управляющей организации, если в течение года до дня проведения указанного конкурса собственниками помещений в многоквартирном доме не выбран способ управления этим домом или если принятое решение о выборе способа управления этим домом не было реализовано. Открытый конкурс проводится также в случае, если до окончания срока действия договора управления многоквартирным домом, заключенного по результатам открытого конкурса, не выбран способ управления этим домом или если принятое решение о выборе способа управления этим домом не было реализовано.

В течение десяти дней со дня проведения открытого конкурса орган местного самоуправления уведомляет всех собственников помещений в многоквартирном доме о его результатах и об условиях договора управления этим домом. Собственники помещений в многоквартирном доме обязаны заключить договор управления этим домом с управляющей организацией, выбранной по результатам открытого конкурса, в порядке, установленном ст. 445 ГК РФ.

Частью 7 ст. 162 ЖК РФ предусмотрено, что управляющая организация обязана приступить к выполнению договора управления многоквартирным домом не позднее чем через тридцать дней со дня его подписания, если иное не установлено договором.

Согласно ч. 9 ст. 161 ЖК РФ многоквартирный дом может управляться только одной управляющей организацией.

Жилищный кодекс РФ, Федеральный закон “О лицензировании отдельных видов деятельности”, Положение о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами не предусматривают, что наличие какого-либо судебного спора, связанного с определением лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, должно быть препятствием, влекущим невозможность внесения в установленных законом случаях изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации.

Утверждения Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации о том, что оспариваемое нормативное положение направлено на защиту неопределенного круга лиц, проживающих в многоквартирных домах, на предотвращение злоупотребления

правом со стороны недобросовестной управляющей компании, а наличие судебного спора по вопросу определения лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, не позволяет конкретизировать управляющую компанию, наделенную законным правом осуществлять управление домом, не основаны на требованиях Жилищного кодекса РФ и Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности”.

Жилищный кодекс РФ, как и приведенные нормы Федерального закона, не устанавливают обязательных судебных процедур признания или подтверждения права на управление многоквартирным домом, возникшего у лицензиата в установленном законом порядке, например, в случаях принятия решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о выборе способа управления, проведения открытого конкурса по отбору управляющей организации и последующего заключения договора управления многоквартирным домом.

Реализация любым заинтересованным лицом права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции Российской Федерации, сама по себе не означает недействительность таких решений, результатов конкурсов, договоров, пока в порядке соответствующего судопроизводства подобное обстоятельство не будет установлено вступившим в законную силу решением суда.

Оспариваемое нормативное положение не преследует установленную законом цель, а фактически направлено на сохранение в реестре лицензий субъекта Российской Федерации недостоверных сведений о лицензиате, управляющем многоквартирным домом, в нарушение требований ч. 10 ст. 161 ЖК РФ не обеспечивает свободный доступ к информации об основных показателях финансово-хозяйственной деятельности управляющей организации, об оказываемых услугах и о выполняемых работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, о порядке и об условиях их оказания и выполнения, об их стоимости, о ценах (тарифах) на ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг, в соответствии со стандартом раскрытия информации, утвержденным Правительством РФ.

Согласно названной норме Жилищного кодекса РФ и принятого в целях ее реализации постановления Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 731 “Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами” обязанность по раскрытию соответствующей информации возложена на организации, осуществляющие деятельность в сфере управления многоквартирными домами на основании заключенных в соответствии со ст. 162 ЖК РФ договоров управления многоквартирным домом.

Подпункт “а” п. 9 Порядка в оспариваемой части не соответствует подобным установлениям, так как, допуская названный отказ во внесении актуальных изменений в реестр лицензий, в

качестве правового последствия такого отказа сохраняет обязанность по раскрытию информации за управляющей организацией, деятельность которой по управлению многоквартирным домом (или домами) окончена или прекращена в установленном законом порядке.

На основании ч. 2³ ст. 161 ЖК РФ при управлении многоквартирным домом управляющей организацией она несет ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за оказание всех услуг и (или) выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме, за предоставление коммунальных услуг в зависимости от уровня благоустройства данного дома.

Оспариваемые положения нарушают права таких управляющих организаций, в том числе административного истца, фактически и юридически прекратившего осуществление деятельности по управлению указанным в административном иске многоквартирным домом.

Недостоверные сведения реестра лицензий о лицензиате, об адресе многоквартирного дома или адресах многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми он осуществляет, могут повлечь нарушение прав как управляющей организации, прекратившей управление многоквартирным домом (домами), так и вновь избранной в установленном законом порядке управляющей организации, с которой заключен договор управления, а также собственников помещений многоквартирного дома, осуществляющих оплату соответствующих услуг и выполняемых работ.

Кроме того, содержание оспариваемого нормативного положения, как следует из объяснений лиц, участвующих в деле, представленных материалов, вызывает неоднозначное толкование и не позволяет определить, применяется данное основание для отказа во внесении изменений в реестр и возврата заявления только в отношении лицензиата, договор управления многоквартирным домом с которым был заключен, или оно подлежит применению и в отношении иных лицензиатов в связи с прекращением или расторжением ранее заключенных с ними договоров управления, учитывая, что согласно п. 13 Порядка повторное обращение с заявлением о внесении изменений в реестр признается только за лицензиатом, представившим вступивший в силу судебный акт, подтверждающий его право управлять многоквартирным домом, сведения о котором указаны в заявлении. Отсутствует в оспариваемой норме и указание на субъектный состав спорного правоотношения, связанность упоминаемых в норме судебных споров с одним из возможных способов управления многоквартирным домом, предусмотренных ч. 2 ст. 161 ЖК РФ.

Таким образом, оспариваемое нормативное положение в системе установленного правового регулирования по своему содержанию не отвечает общеправовому критерию определенности,

что также не позволяет признать его соответствующим требованиям Жилищного кодекса РФ.

При таких обстоятельствах и в силу п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признав недействующим со дня вступления решения суда в законную силу подп. “а” п. 9 Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, утвержденных приказом Минстроя России от 25 декабря 2015 г. № 938/пр, в части, допускающей в качестве основания для отказа во внесении изменений в реестр и возврата заявления несоответствие заявления и документов требованию, установленному подп. “г” п. 5 данного нормативного правового акта, — отсутствие судебных споров по вопросу определения лица, правомочного осуществлять управление многоквартирным домом, сведения о котором указаны в заявлении.

3. Пункт 6.1.3 Порядка организации внутрихозяйственного охотустройства, утвержденного приказом Минприроды России от 23 декабря 2010 г. № 559, в части, предусматривающей в проекте планирования создания охотничьей инфраструктуры такие объекты, как дома охотников, иные остановочные пункты, лодочные пристани, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 октября 2017 г. № АКПИ17-715,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом Минприроды России от 23 декабря 2010 г. № 559 утвержден Порядок организации внутрихозяйственного охотустройства (далее — Порядок). Нормативный правовой акт зарегистрирован в Минюсте России 4 мая 2011 г., регистрационный номер 20646, и опубликован в “Российской газете” 18 мая 2011 г., № 104.

Согласно п. 6.1.3 Порядка во взаимосвязи с его пп. 6 и 6.1 при осуществлении внутрихозяйственного охотустройства разрабатывается проект планирования создания охотничьей инфраструктуры (охотничьи базы, дома охотников, егерские кордоны, иные остановочные пункты, лодочные пристани, питомники диких животных, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства).

Местная общественная организация “Кондопожское районное общество охотников и ры-

боловов” обратилась в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующим п. 6.1.3 Порядка в части, предусматривающей разработку при осуществлении внутрихозяйственного охотустройства проекта планирования создания таких объектов охотничьей инфраструктуры, как дома охотников, иные остановочные пункты, лодочные пристани, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства, ссылаясь на его противоречие ст. 53 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и распоряжению Правительства РФ от 11 июля 2017 г. № 1469-р.

Верховный Суд РФ 16 октября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Пунктом 17 ст. 32 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов отнесено установление порядка организации внутрихозяйственного охотустройства.

В ч. 14 ст. 39 названного Федерального закона закреплено, что внутрихозяйственное охотустройство осуществляется в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Согласно п. 1, подп. 5.2.51.8 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404 и действовавшего на день издания оспариваемого нормативного правового акта, Минприроды России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области охоты, и самостоятельно принимает порядок организации внутрихозяйственного охотустройства.

Аналогичное полномочие Минприроды России в настоящее время предусмотрено Положением о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219 (п. 1, подп. 5.2.90).

Таким образом, Порядок утвержден уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Порядок принятия, государственной регистрации и опубликования нормативного правового акта соблюдены и не оспариваются административным истцом.

Анализ п. 6.1.3 Порядка, предусматривающего в проекте планирования создания охотничьей инфраструктуры такие объекты, как охотничьи базы, дома охотников, егерские кордоны, иные остановочные пункты, лодочные пристани, питомники диких животных, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства, позволяет сделать вывод, что его содержание воспроизводит действовавшую до 1 января 2017 г. редакцию ч. 1 ст. 53 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

Между тем ст. 3 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 206-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования использования лесов и земель для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства”, введенного в действие с 1 января 2017 г., внесены изменения в Федеральный закон “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. В частности, его ст. 53 изложена в новой редакции, в соответствии с которой к охотничьей инфраструктуре относятся предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства объекты, в том числе охотничьи базы, питомники диких животных, вольеры, другие временные постройки, сооружения, объекты благоустройства, перечень которых утверждается Правительством РФ.

Во исполнение требований Федерального закона Правительством РФ издано распоряжение от 11 июля 2017 г. № 1469-р, утвердившее перечень объектов, относящихся к охотничьей инфраструктуре. В данный перечень включены: вольер, питомник диких животных, ограждения для содержания и разведения охотничьих ресурсов в полувольных условиях и искусственно созданной среде обитания; егерский кордон; охотничья база.

Редакция оспариваемого пункта Порядка не приведена в соответствие с указанным действующим правовым регулированием, которое не относит к охотничьей инфраструктуре такие объекты, как дома охотников, иные остановочные пункты, лодочные пристани, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства.

Доводы административного ответчика о разъяснительном характере оспариваемого пункта являются несостоятельными, так как действующее законодательство Российской Федерации,

включая Федеральный закон “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, не наделяет Минприроды России полномочиями по установлению перечня объектов, относящихся к охотничьей инфраструктуре, или разъяснению положений ст. 53 приведенного Федерального закона.

При изложенных обстоятельствах Верховный Суд РФ административное исковое заявление местной общественной организации “Кондопожское районное общество охотников и рыболовов” удовлетворил, признал недействующим со дня вступления решения суда в законную силу п. 6.1.3 Порядка организации внутрихозяйственного охотустройства, утвержденного приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 559, в части, предусматривающей в проекте планирования создания охотничьей инфраструктуры такие объекты, как дома охотников, иные остановочные пункты, лодочные пристани, кинологические сооружения и питомники собак охотничьих пород, стрелковые вышки, тир, кормохранилища, подкормочные сооружения, прокосы, просеки, другие временные постройки, сооружения и объекты благоустройства, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства.

4. Пункт 41 Инструкции о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1), утвержденной приказом МВД России от 18 июля 2014 г. № 595, в той части, в какой данный пункт допускает принятие руководителем (начальником), наделенным в установленном порядке правом рассмотрения документов, представляемых кандидатом, решения об отказе кандидату в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации для обучения по очной форме только на основании полученных данных о наличии у родственников кандидата судимости, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 27 марта 2017 г. № АКПИ17-46,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 “О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации” утверждена Инструкция о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1) (далее — Инструкция). Нормативный правовой акт зарегистрирован в Минюсте России 22 сентября 2014 г.

Пунктом 41 Инструкции предусмотрено, что в случае получения в результате проверки достоверности сообщенных кандидатом сведений данных о наличии у родственников кандидата судимости решение в каждом конкретном случае принимается индивидуально руководителем (начальником), уполномоченным принимать решение по документам, с учетом тяжести совершенного преступления, степени родства, взаимоотношений и частоты общения, материальной или иной зависимости кандидата, характера предстоящей службы в органах внутренних дел.

С., которой было отказано в приеме на службу в органы внутренних дел, обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим п. 41 Инструкции, ссылаясь на его противоречие ст. 32 Конституции Российской Федерации и ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Верховный Суд РФ 27 марта 2017 г. признал административное исковое заявление подлежащим удовлетворению в части по следующим основаниям.

Граждане Российской Федерации в силу ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.

Одним из видов федеральной государственной службы является служба в органах внутренних дел, которая осуществляется в соответствии с основными принципами построения и функционирования системы государственной службы Российской Федерации, установленными Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (п. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Правовые основания, в соответствии с которыми гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел, определены в пп. 1, 2, 4—9 ч. 1 ст. 14, пп. 1—5 ч. 5 ст. 17 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В частности, такими основаниями являются: признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным по решению суда, вступившему в законную силу; осуждение его за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно наличие судимости, в том числе снятой или погашенной; отказ от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей по замещаемой должности связано с использованием таких сведений; несоответствие требованиям к состоянию здоровья сотрудников органов внутренних дел, установленным руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел; близкое родство или свойство (родители, супру-

ги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с сотрудником органов внутренних дел, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; выход из гражданства Российской Федерации; приобретение или наличие гражданства (подданства) иностранного государства; представление подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу в органы внутренних дел, а также случаи, если гражданин имеет вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на его постоянное проживание на территории иностранного государства; является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу; неоднократно в течение года, предшествовавшего дню поступления на службу в органы внутренних дел, подвергался в судебном порядке административному наказанию за совершенные умышленно административные правонарушения; подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности принятия на службу преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом; не согласен соблюдать ограничения и запреты, исполнять обязанности и нести ответственность, если эти ограничения, запреты, обязанности и ответственность установлены для сотрудников органов внутренних дел федеральным законом.

Приведенными нормами Федерального закона право поступления на службу в органы внутренних дел обусловлено возрастными ограничениями (чч. 1—4 ст. 17), соответствующими квалификационными требованиями (ст. 9), способностью по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел (ч. 1 ст. 17), прохождением в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, психофизиологических исследований (обследований), тестирования, направленных на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами (ч. 6 ст. 17), оформлением личного поручительства (ч. 7 ст. 17), проведением мероприятий по профессиональному психологическому отбору (ч. 5 ст. 9, ч. 2 ст. 19).

Для поступления на службу в органы внутренних дел гражданин лично представляет в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган, подразделение документы, указанные в ст. 18 названного Федерального закона. Зачисление в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внут-

ренных дел для обучения по очной форме в должности курсанта, слушателя является поступлением на службу в органы внутренних дел (ч. 2 ст. 17).

Частью 4 ст. 19 поименованного Федерального закона предусмотрено, что по результатам рассмотрения документов, представленных гражданином для поступления на службу в органы внутренних дел, с учетом заключения военно-врачебной комиссии, результатов психофизиологических исследований (обследований), тестирования, направленных на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, профессионального психологического отбора, уровня физической подготовки и личного поручительства уполномоченным руководителем принимается одно из следующих решений:

1) о заключении с гражданином трудового договора с условием об испытании, предусмотренном ст. 24 данного Федерального закона;

2) о допуске к участию в конкурсе на замещение должности в органах внутренних дел;

3) о заключении с гражданином контракта;

4) о направлении гражданина для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме;

5) об отказе гражданину в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме.

Изложенные законоположения не определяют в качестве самостоятельного основания для принятия решения об отказе гражданину в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме полученные данные о наличии у родственников кандидата судимости. Отсутствуют подобные предписания и в других федеральных законах или иных нормативных правовых актах.

Между тем оспариваемая норма по смыслу ее содержания допускает принятие соответствующим руководителем (начальником) органа внутренних дел такого решения в отношении конкретного кандидата только исходя из наличия подобных сведений, в том числе и в ситуации, когда отсутствуют установленные федеральным законом объективно оправданные основания для его принятия.

Оспариваемое нормативное положение наделяет соответствующее должностное лицо, по сути, неограниченной дискрецией и позволяет при прочих одинаковых условиях наличие у родственников кандидата судимости либо использовать для принятия отрицательного для кандидата решения, либо нет. Однако это не согласуется с требованием правовой определенности и принципом равного доступа к государственной службе.

Применительно к данным выводам лишены правовых оснований утверждения МВД России о том, что оспариваемый пункт направлен на более полный сбор сведений о возможных факторах риска в отношении гражданина (кандидата), их оценку с учетом наличия контактов с близкими родственниками, имеющими неснятую или непогашенную судимость.

Постановлением Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 утверждены Правила профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (далее — Правила), согласно подп. “г” п. 7 которых факторами риска, подлежащими выявлению в ходе комплексных обследований, являются кроме прочего противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость.

Согласно Правилам психологический отбор в органах внутренних дел Российской Федерации проводится формируемыми комиссиями (п. 9), а выявление факторов риска, указанных в подп. “г” п. 7 Правил, осуществляется специалистами кадровых подразделений с применением специализированных технических устройств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде (п. 10), результаты проведенного комплексного обследования отражаются в заключении, которое должно содержать вывод о категории профессиональной пригодности (пп. 18, 19). Заключение учитывается руководителем (начальником), наделенным в установленном порядке правом рассмотрения документов, представляемых кандидатом при принятии решений, предусмотренных ч. 4 ст. 19 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (п. 27).

Таким образом, все возможные факторы риска выявляются в специальном порядке. Кроме того, к упоминаемым административным ответчиком факторам риска относятся именно противоправные контакты с любыми лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость, а не наличие у родственников кандидата судимости.

Учитывая названные обстоятельства, п. 41 Инструкции о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1), утвержденной приказом МВД России от 18 июля 2014 г. № 595, подлежит признанию недействующим со дня вступления решения суда в законную силу в той части, в какой данный пункт допускает принятие руководителем (начальником), наделенным в установленном порядке правом рассмотрения документов, представляемых кандидатом, решения об отказе кандидату в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования системы МВД России для обучения по очной форме только на основании полученных данных о наличии у родственников кандидата судимости. В остальной части административное исковое заявление оставлено без удовлетворения.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 “Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа”, п. 3.1.3 и подп. 11 п. 4.5 утвержденного им Порядка, в той мере, в какой они допускают отклонение работником аппарата суда, ответственным за прием документов в электронном виде, поданных в федеральные суды общей юрисдикции обращений без приложения доверенности или ордера на исполнение поручения, выдаваемого соответствующим адвокатским образованием, представителями, полномочия которых оформлены в соответствии с ч. 6 ст. 53 ГПК РФ и ч. 5 ст. 57 КАС РФ в форме устного или письменного заявления представляемого лица, а также представителями (законными или уполномоченными), документы о полномочиях которых имеются в материалах соответствующего дела, при отсутствии у суда сведений о наличии подобных полномочий у конкретного лица, а также положения п. 3.2.4 Порядка, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2017 г. № АКПИ17-581, вступившее в законную силу

6. Пункт 1 постановления Правительства РФ от 30 апреля 2013 г. № 384 “О согласовании Федеральным агентством по рыболовству строительства и реконструкции объектов капитального строительства, внедрения новых технологических процессов и осуществления иной деятельности, оказывающей воздействие на водные биологические ресурсы и среду их обитания”, п. 1, подп. “б” п. 2, подп. “б” п. 3, п. 4, подп. “б” п. 5, п. 8 утвержденных им Правил в части установления требования о согласовании Федеральным агентством по рыболовству деятельности водопользователей по договорам водопользования, согласованным Федеральным агентством по рыболовству в соответствии с подп. “б” п. 22 постановления Правительства РФ от 12 марта 2008 г. № 165 “О подготовке и заключении договора водопользования”, а также деятельности, связанной с эксплуатацией построенных, реконструированных объектов капитального строительства, деятельности, связанной с использованием внедренных новых технологических процессов, на строительство, реконструкцию, внедрение которых уже было получено согласование Федерального агентства по рыболовству, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 октября 2017 г. № АКПИ17-713, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февраля 2018 г. № АПЛ17-524

7. Пункт 7.12 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, в части непредоставления лицам, участвующим в гражданском деле, права на изготовление судом копий протоколов судебных заседаний на основании письменного ходатайства данных лиц признан не противоречащим действующему законодательству, поскольку он не предполагает отказ суда в изготовлении копии протокола судебного заседания по гражданскому делу на основании письменных ходатайств и за счет лиц, участвующих в деле, их представителей.

Кроме того, признан не противоречащим федеральному законодательству абз. 10 п. 12.6 Инструкции, устанавливающий, что снятые сторонами и иными лицами, участвующими в гражданском деле, их представителями за свой счет копии с материалов судебного дела, в том числе с помощью технических средств, судом не заверяются

Решение Верховного Суда РФ от 11 октября 2017 г. № АКПИ17-589, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. № АПЛ17-474

8. Пункт “в” приложения № 1 к Методике определения минимального объема объектов аквакультуры, подлежащих разведению и (или) содержанию, выращиванию, а также выпуску в водный объект и изъятию из водного объекта в границах рыбоводного участка, утвержденной приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 15 марта 2017 г. № 124, в части, устанавливающей значение минимального ежегодного удельного объема изъятия объектов аквакультуры, выращиваемых при осуществлении пастбищной аквакультуры, для подзоны Приморье Японского моря в размере 1000 кг/га при продолжительности периода (цикла) их выращивания не более 6 лет, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 октября 2017 г. № АКПИ17-678, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. № АПЛ17-498

9. Пункт 3 Изменений, которые вносятся в Правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2016 г. № 1419, в части установления императивного порядка оплаты услуг по передаче электрической энергии признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 октября 2017 г. № АКПИ17-706, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. № АПЛ17-499

10. Подпункт “а” п. 30 Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 ноября 2017 г. № АКПИ17-728, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 6 февраля 2018 г. № АПЛ17-523

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. В тех случаях, когда хищение совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних лиц, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества, а не грабеж

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2017 г. № 5-УД17-34

(Извлечение)

По приговору Щербинского районного суда г. Москвы от 15 апреля 2014 г. (с учетом внесенных изменений) Г. осуждена по ч. 1 ст. 161, п. “г” ч. 2 ст. 158, п. “а” ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹ УК РФ.

Дело в отношении Г. рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства.

По приговору суда, с учетом внесенных изменений, Г. признана виновной и осуждена за покушение на незаконный сбыт наркотических средств, за кражу из сумки, находившейся при потерпевшем, за грабеж и за кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору.

В апелляционном порядке дело не рассматривалось.

В кассационной жалобе осужденная Г. просила о пересмотре состоявшихся в отношении ее судебных решений, указывая, что суд необоснованно квалифицировал ее действия по хищению денег из магазина “Продукты” как грабеж, поскольку ее умысел был направлен на тайное хищение имущества, который она и реализовала.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 мая 2017 г. изменила приговор и переквалифицировала действия осужденной по преступлению, совершенному 4 декабря 2013 г., с ч. 1 ст. 161 на ч. 1 ст. 158 УК РФ по следующим основаниям.

Как следует из материалов дела, в описательно-мотивировочной части приговора указано, что 4 декабря 2013 г. Г., имея умысел на тайное хищение чужого имущества, из корыстных побуждений, с целью личного обогащения, находясь в

помещении магазина, тайно похитила из коробки, находящейся около кассы, денежные средства, после чего с похищенным имуществом бросилась бежать, однако ее преступные действия стали очевидны для М., но последний по независящим от него обстоятельствам не смог пресечь действия осужденной, поскольку последняя скрылась с места совершения преступления.

Указанные действия Г. квалифицированы судом как грабеж.

По смыслу закона открытым хищением чужого имущества является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершившее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий.

Между тем из описательно-мотивировочной части приговора усматривается, что действия осужденной были направлены на тайное хищение имущества, которое она и совершила. Однако, указав при описании действий осужденной, что М. видел, как осужденная совершила хищение денег, суд тем не менее не установил и не указал в описательно-мотивировочной части, осознавала ли сама осужденная данный факт, тогда как это обстоятельство имеет значение для квалификации действий осужденной.

Таким образом, описание преступного деяния в описательно-мотивировочной части приговора, постановленного в отношении Г., противоречит квалификации ее действий судом.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия осужденной по преступлению, совершенному 4 декабря 2013 г., с ч. 1 ст. 161 на ч. 1 ст. 158 УК РФ.

2. Рассмотрение дела судом апелляционной инстанции в отсутствие осужденного, который ходатайствует о своем участии в судебном заседании, свидетельствует о нарушении его права на защиту и влечет отмену апелляционного определения

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2018 г. № 18-УД17-98

(Извлечение)

По приговору Адлерского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 17 апреля 2013 г. Т. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. рублей без ограничения свободы. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком три года.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 29 мая 2013 г. приговор изменен и Т. назначено наказание в виде реального

лишения свободы: постановлено считать его осужденным по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. рублей без ограничения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 24 июня 2013 г. внесены изменения в апелляционное определение от 29 мая 2013 г.: в резолютивной части указана в качестве исправительного учреждения колония общего режима.

Постановлением президиума Краснодарского краевого суда от 4 декабря 2013 г. апелляционное определение от 29 мая 2013 г. в отношении Т. изменено: местом отбывания наказания определена исправительная колония общего режима.

Дело рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства.

В кассационной жалобе и дополнении к ней адвокат в защиту интересов осужденного просил об отмене апелляционных определений и постановления суда кассационной инстанции. В обоснование просьбы адвокат приводил доводы о нарушении права осужденного на защиту на стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции. В частности, утверждал, что в материалах уголовного дела отсутствуют сведения о том, что осужденный в установленном законом порядке был извещен о поступлении в суд апелляционного представления прокурора и получил его копию.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 17 января 2018 г. отменила апелляционные определения и постановление президиума в отношении Т., уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

В силу требований ч. 1 ст. 389¹¹ УПК РФ, регламентирующей порядок назначения и подготовки заседания суда апелляционной инстанции, стороны в обязательном порядке извещаются о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 7 суток до дня судебного заседания.

Согласно ст. 389¹² УПК РФ в судебном заседании суда апелляционной инстанции участие оправданного, осужденного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, признается обязательным в случаях, если данное лицо ходатайствует о своем участии в судебном заседании или суд признает участие данного лица в судебном заседании необходимым.

По данному уголовному делу эти требования закона в полном объеме не были выполнены.

Как усматривается из материалов уголовного дела, после провозглашения 17 апреля 2013 г. приговора осужденному было разъяснено право его апелляционного обжалования, и согласно расписке от 17 апреля 2013 г. Т. изъявил желание участвовать в заседании суда апелляционной ин-

станции, а также воспользоваться помощью адвоката, назначенного ему судом в порядке ст. 51 УПК РФ.

Государственный обвинитель — помощник прокурора принес апелляционное представление от 17 апреля 2013 г. на приговор, посчитав его несправедливым вследствие чрезмерной мягкости назначенного Т. наказания.

В возражениях на апелляционное представление от 29 апреля 2013 г. адвокат, действующий в защиту интересов осужденного, не соглашаясь с изложенными в нем доводами, просил об оставлении приговора без изменения.

Апелляционное представление на приговор и возражение адвоката осужденного, а также уголовное дело по обвинению Т. по ч. 4 ст. 159 УК РФ направлены в Краснодарский краевой суд для решения вопроса о назначении судебного заседания суда апелляционной инстанции, о чем в адрес заинтересованных лиц 13 мая 2013 г. были направлены извещения.

Вместе с тем в материалах дела отсутствуют сведения о вручении осужденному или получении им копии апелляционного представления и возражений на него, а также извещения о направлении уголовного дела в Краснодарский краевой суд. О том, что копия апелляционного представления не была вручена осужденному, свидетельствует и тот факт, что письмо с копией апелляционного представления, адресованное осужденному, возвращено в суд и находится в материалах уголовного дела.

При назначении дела к слушанию суд апелляционной инстанции постановил вызвать в судебное заседание участников процесса, в том числе осужденного.

Телеграмма (с уведомлением) о назначении слушания дела в отношении Т. в судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда 29 мая 2013 г. в 10 час. 05 мин. была направлена по адресу осужденного 21 мая 2013 г. Однако данных о том, что телеграмма вручалась осужденному, а также сведений о том, что судом рассматривался вопрос об отложении дела для получения от него сведений о явке (или неявке) в судебное заседание, в материалах дела не содержится.

Уголовное дело рассмотрено 29 мая 2013 г. судебной коллегией по уголовным делам Краснодарского краевого суда в апелляционном порядке в отсутствие осужденного и автора возражений — адвоката Ф. Для защиты интересов осужденного судом в этот же день был назначен адвокат Л.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия пришла к выводу о том, что рассмотрение уголовного дела в отсутствие осужденного, несмотря на заявленное им ходатайство об участии в судебном заседании, является нарушением права обвиняемого на защиту, поскольку лишило его возможности довести до суда свою позицию по делу. Допущенное судом нарушение является существенным.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Размещение лицом в сети “Интернет” материала, ранее признанного судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 282 УК РФ только при наличии у лица прямого умысла на возбуждение ненависти и вражды

*Постановление президиума
Верховного Суда Республики Татарстан
от 22 апреля 2015 г.*

(Извлечение)

По приговору Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 2 декабря 2014 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Б. осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Б. признан виновным в том, что 31 мая 2011 г. умышленно, с целью возбуждения ненависти и вражды, а также унижения достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, принадлежности к социальной группе, распространил на своей странице “ВКонтакте” сети “Интернет”, доступной для других пользователей сети, фотоальбом из 35 изображений, который по состоянию на 19 сентября 2014 г. находился на этой странице.

Решением суда от 1 июня 2010 г. этот материал признан экстремистским. Согласно заключению специалиста материал содержит призывы к экстремистской деятельности, к насильственным действиям по мотивам национальной, расовой, религиозной розни; имеются высказывания, выражающие негативное отношение к группам лиц; высказывания, в которых создаются положительные образы скинхедов, лиц, ассоциирующихся с фашистской идеологией, нарушителей правопорядка.

В кассационной жалобе адвокат в защиту осужденного просил судебные решения отменить и производство по делу прекратить за отсутствием в действиях осужденного состава преступления, поскольку никакого умысла на возбуждение ненависти и вражды он не имел, такую цель не преследовал.

Президиум Верховного Суда Республики Татарстан 22 апреля 2015 г. удовлетворил кассационную жалобу по следующим основаниям.

Согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстре-

мистской направленности” указал, что преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть или вражду. Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов преступлением или административным правонарушением, предусмотренным ст. 20.29 КоАП РФ, должен разрешаться в зависимости от направленности умысла.

Осужденный пояснил, что увидел в открытом доступе в сети “Интернет” смешные картинки со стихами, сохранил их на своей страничке для себя, чтобы прочитать, не знал, что это запрещенный материал, а когда узнал, удалил, не прочитав до конца. Ссылки на этот альбом для того, чтобы ознакомиться другие, не делал.

Вопрос об умысле осужденного на возбуждение ненависти и вражды судом не исследовался, доказательства такого умысла в приговоре не приведены, отсутствуют они и в материалах дела. Вернувшись со службы, Б. устроился на работу, поступил в институт и, как он пояснил суду, никакие экстремистские течения не поддерживает, в подобных организациях не состоит.

Согласно показаниям оперуполномоченного ни к какой экстремистской ячейке Б. не принадлежит, активной деятельности не ведет.

Наличие умысла на возбуждение ненависти и вражды — необходимого элемента состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, явилось лишь предположением, что повлекло применение судом уголовного закона, не подлежащего применению.

При таких обстоятельствах президиум отменил приговор и апелляционное постановление в отношении Б., уголовное дело в отношении него производством прекратил за отсутствием состава преступления, признав за ним право на реабилитацию.

2. Разрешая вопрос о возможности замены оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания, следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, данные о снятии или погашении взысканий, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения

*Постановление президиума
Калужского областного суда
от 23 августа 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Зюзинского районного суда г. Москвы от 2 апреля 2014 г. Ш. осужден за совершение 29 преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ

по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено пять лет шесть месяцев лишения свободы.

По постановлению Сухиничского районного суда Калужской области от 8 ноября 2016 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) отказано в удовлетворении ходатайства осужденного Ш. о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В кассационной жалобе Ш. просил состоявшиеся судебные решения отменить, поскольку, по его мнению, суд не учел сведения, положительно его характеризующие, в том числе наличие поощрений и раскаяние в содеянном, в то же время необоснованно принял во внимание взыскания, наложенные во время его содержания в следственном изоляторе.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2017 г. кассационная жалоба Ш. вместе с материалом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Калужского областного суда.

Президиум Калужского областного суда 23 августа 2017 г. кассационную жалобу удовлетворил по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении ходатайства Ш., суд учел, что “Ш. во время отбывания наказания допускал нарушения режима содержания, за которые имел взыскания, требования режима содержания и правила внутреннего распорядка вы-

полнял частично”, что свидетельствует об отсутствии у Ш. желания исправиться.

Вместе с тем из материала, в том числе характеристики, представленной администрацией исправительного учреждения, усматривается, что Ш. с апреля 2016 г. изменен вид исправительного учреждения на колонию-поселение, где он трудоустроен, за время отбывания наказания овладел профессией станочника деревообрабатывающих станков, имеет 11 поощрений за добросовестное отношение к труду, принимает участие в общественной жизни колонии, посещает мероприятия воспитательного характера, поддерживает связь с семьей, вину в совершенном преступлении признал, характеризуется положительно.

Представитель администрации исправительного учреждения в судебном заседании поддержал ходатайство осужденного Ш.

Приведенные выше обстоятельства требовали оценки суда для решения вопроса о возможности замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Данные, отрицательно характеризующие осужденного, свидетельствующие о том, что он не встал на путь исправления, судом не установлены и в решении не приведены, ссылки в постановлении на взыскания, которые погашены, противоречат требованиям закона.

Учитывая изложенное, президиум Калужского областного суда отменил состоявшиеся судебные решения и передал материал на новое рассмотрение¹.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания за покушение на убийство не может превышать десяти лет лишения свободы.

Мнение потерпевшего о назначении виновному лицу строгого наказания не может учитываться при определении вида и размера наказания.

По приговору суда (оставленному судом кассационной инстанции без изменения) М. осужден по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к четырнадцати годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ — к одиннадцати годам лишения свободы, по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ — к девяти годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно — к двадцати одному году лишения свободы.

Осужденный М. в надзорной жалобе просил о пересмотре судебных решений и смягчении наказания по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывая, что максимальное наказание в виде лишения свободы за данное преступление при наличии смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, — активного способствования раскрытию

преступления — с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ не может превышать десяти лет лишения свободы. Кроме того, из содержания приговора следует, что суд назначил ему более строгое наказание, основываясь на просьбе потерпевшей, что не соответствует требованиям закона.

Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения в части назначенного осужденному М. наказания по следующим основаниям.

Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК РФ).

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников), при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или

¹По постановлению Сухиничского районного суда Калужской области от 21 сентября 2017 г. Ш. заменено наказание в виде лишения свободы на более мягкое наказание в виде ограничения свободы на неотбытый срок три месяца двадцать пять дней.

размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Из материалов дела усматривается, что суд первой инстанции обстоятельствами, смягчающими наказание осужденных, признал активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Таким образом, осужденному М. за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. "а", "ж", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ могло быть назначено наказание, не превышающее десяти лет лишения свободы, однако ему было назначено одиннадцать лет лишения свободы.

Кроме того, при назначении наказания осужденному суд считал чрезмерно мягким окончательный срок наказания в виде лишения свободы, который государственный обвинитель просил назначить подсудимому с учетом обстоятельств дела, учитывая при этом просьбу потерпевшей, настаивающей на суровом наказании, и принял решение о назначении более строгого окончательного наказания.

Между тем в силу ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ в их взаимосвязи при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного лица, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

Однако мнение потерпевшего о суровом наказании виновных лиц не включено законодателем в перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, который расширительному толкованию не подлежит.

При таких обстоятельствах ссылка суда на назначение М. сурового наказания с учетом просьбы потерпевшей является неправомерной и подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение и смягчил осужденному М. наказание, назначенное по ч. 3 ст. 30, пп. "а", "ж", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, до девяти лет одиннадцати месяцев лишения свободы, по пп. "ж", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ — до тринадцати лет девяти месяцев лишения свободы, по п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ — до восьми лет девяти месяцев лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. "а", "ж", "з" ч. 2 ст. 105, пп. "ж", "з" ч. 2 ст. 105, п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначил М. двадцать лет лишения свободы.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 77-П17*

2. Срок давности уголовного преследования за вымогательство исчисляется с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

Установлено, что в один из дней января-февраля 2000 г. Б. в целях осуществления единого умысла с соучастниками преступления незаконно потребовал от потерпевшего Г. ежемесячной безвозмездной передачи денежных средств, угрожая в случае невыплаты применением насилия и

уничтожением его имущества. Потерпевший воспринял угрозы реально и с указанного времени и до июня 2005 г. ежемесячно передавал осужденному по 5000 руб.

За указанные действия Б. осужден по приговору суда от 23 июня 2014 г. по п. "а" ч. 3 ст. 163 УК РФ.

Осужденный Б., оспаривая приговор в части осуждения по эпизоду вымогательства денежных средств у потерпевшего, утверждал, что срок давности следует исчислять с того момента, когда потерпевшему были предъявлены требования о выплате денежных средств, т.е. с января-февраля 2000 г.

Президиум Верховного Суда РФ оставил приговор в части осуждения Б. по п. "а" ч. 3 ст. 163 УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшего Г.) без изменения по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности за особо тяжкое преступление, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло пятнадцать лет.

Преступление, предусмотренное п. "а" ч. 3 ст. 163 УК РФ, относится к категории особо тяжких, срок давности за которое не истек.

По данному делу установлено, что осужденные после предъявления требований получали денежные средства от потерпевшего путем вымогательства до июня 2005 г.

Срок давности привлечения к уголовной ответственности за вымогательство (преступление, посягающее в том числе на отношения собственности и иные имущественные отношения) в данном случае подлежит исчислению с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 186-П16*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

3. Лицо, представившее расписку, подтверждающую частичное погашение долга перед контрагентом, не вправе впоследствии ссылаться на незаключенность между ними договора займа.

К. обратился в суд с иском к М. об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование заявленных требований истец указал, что 14 февраля 2014 г. между В. и М. заключен договор займа, согласно которому М. передана денежная сумма в размере 3 677 211 руб. со сроком возврата не позднее 30 апреля 2014 г.

В обеспечение исполнения обязательств по договору займа В. и М. в тот же день заключили договор залога принадлежавшей последнему двухкомнатной квартиры. Общая залоговая стоимость квартиры определена в размере 9 млн. рублей.

24 июля 2014 г. между В. и К. заключен договор уступки прав, в соответствии с которым В. передал К. в полном объеме права (требования) по договору займа от 14 февраля 2014 г.

Уведомление об уступке прав (требований) по договору займа вручено ответчику 6 августа 2014 г. Возражений новому кредитору должником не предъявлено.

Поскольку заемщик своих обязательств не исполнил и не возвратил сумму займа в установ-

ленный договором срок, истец просил суд обратиться взыскание на указанную квартиру.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что ответчиком не исполнено обязательство по возврату займа, исполнение которого обеспечено договором залога квартиры. Заложная квартира была продана с торгов. Частичное удовлетворение от продажи имущества получили истец К., а также ряд других кредиторов М.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции после проведения торгов, указал, что истец в нарушение ст. 56 ГПК РФ не представил доказательств, с достоверностью подтверждающих, что ответчику были переданы денежные средства в размере 3 677 211 руб. во исполнение договора займа от 14 февраля 2014 г., а потому оснований для обращения взыскания на предмет залога, обеспечивающий исполнение указанного договора займа, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Пунктом 1 ст. 810 ГК РФ предусмотрена обязанность заемщика возвратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа.

Исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором. Недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства, если иное не установлено законом (пп. 1 и 3 ст. 329 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В силу приведенных выше норм права юридически значимым обстоятельством, от которого зависело правильное разрешение спора, являлось, в частности, установление того, был ли заключен договор займа, в том числе передал ли В. деньги М. Также суду следовало установить, имелась ли на момент вынесения судом решения задолженность М. перед К., поскольку только в этом случае возможно обратиться взыскание на заложенное имущество.

Истцом в материалы дела представлена расписка, подписанная М., в которой ответчик подтверждает погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К. и обязуется погасить всю задолженность в срок до 1 июня 2017 г. В судебном заседании суда апелляционной инстанции ответчик подтвердил подлин-

ность указанной расписки и пояснил, что она составлена после 26 июля 2016 г.

Суд апелляционной инстанции, оценивая названную расписку, указал, что она не содержит сведений о получении ответчиком займы денежных средств.

При этом суд не применил правило, согласно которому сторона, подтвердившая каким-либо образом действие договора, не вправе ссылаться на незаключенность этого договора (“эстоппель”).

Данное правило вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ).

На момент написания расписки в июле 2016 г. правило “эстоппель” было закреплено в п. 3 ст. 432 ГК РФ.

В расписке М. подтвердил погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К., а потому суду апелляционной инстанции, принявшему данную расписку как доказательство, надлежало дать ей оценку с учетом правила “эстоппель”, чего сделано не было.

Определение № 5-КГ17-94

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

4. Злоупотребление доверием потребителя при предоставлении ему информации о товаре недопустимо.

Н. обратился в суд с иском к торговой компании о защите прав потребителя, в обоснование которого указал, что по предложению представителя ответчика, прибывшего в квартиру истца, последним был приобретен прибор Биомедис стоимостью 30 800 руб. Ранее в результате телефонного разговора между Н. и представителем торговой компании (ответчика) истцу было предложено пройти медицинское обследование в частной клинике, по итогам которого сообщено о возможности наличия онкологического заболевания и рекомендовано лечение на общую сумму 384 800 руб. Истец, находясь под впечатлением от данной информации, заключил с прибывшим в его квартиру курьером договор купли-продажи ряда препаратов. Подписывая данный договор, истец предполагал, что покупает лекарственные средства. В дальнейшем выяснилось, что ему были назначены биологически активные добавки. После посещения муниципальной поликлиники истцу стало известно об отсутствии оснований для постановки указанного диагноза, проведения процедур посредством прибора Биомедис и употребления приобретенных под влиянием обмана препаратов, о чем было незамедлительно сообщено ответчику с предложением добровольно вернуть денежные средства и получить товар обратно. Претензия истца осталась без ответа.

Н. просил суд взыскать уплаченные за товар 414 800 руб., неустойку за отказ удовлетворить требования покупателя в добровольном порядке в сумме 400 000 руб., компенсацию морального вреда 70 000 руб., судебные расходы.

Разрешая спор и отказывая Н. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстан-

ции, исходил из того, что биологически активные добавки приобретены истцом по собственному волеизъявлению, при этом вся необходимая и достоверная информация о товаре была доведена до его сведения ответчиком.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, признала, что выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обжалование обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

Как следует из п. 2 ст. 10 ГК РФ, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

В соответствии со ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах, сроке годности товаров, а также сведения о необходимых действиях потребителя по истечении указанного срока и возможных последствиях при невыполнении таких действий, если товары по истечении указанных сроков представляют опасность для жизни, здоровья и имущества потребителя или становятся непригодными для использования по назначению.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя спе-

циальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Как разъяснено в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при определении разумного срока, предусмотренного п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, в течение которого потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков, необходимо принимать во внимание срок годности товара, сезонность его использования, потребительские свойства и т.п.

Продавец несет ответственность по договору за любое несоответствие товара, которое существует в момент перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным только позднее, а также за любое несоответствие товара, которое возникает после передачи товара покупателю и является следствием нарушения им любого своего обязательства, включая нарушение любой гарантии того, что в течение того или иного срока товар будет оставаться пригодным для обычных целей или какой-либо конкретной цели либо будет сохранять обусловленные качества или свойства.

Продавец несет ответственность в случае, если несоответствие товара связано с фактами, о которых он знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю.

Юридически значимым обстоятельством, имеющим существенное значение для правильного разрешения данного спора, являлось выяснение судом вопроса о том, была ли Н. предоставлена информация об основных потребительских свойствах товара, обеспечивающая возможность его правильного выбора, при которых он смог бы оценить необходимость и объективную нуждаемость в данных биологически активных добавках.

Именно от выяснения указанного обстоятельства зависело решение судом вопроса об удовлетворении или отказе в удовлетворении исковых требований Н.

Определение № 4-КГ16-40

5. Потребитель вправе отказаться от исполнения договора подряда в случае, когда исполнителем нарушены сроки выполнения работ или когда стало очевидным, что она не будет выполнена в срок. При этом исполнитель не вправе требовать оплаты и возмещения расходов, если потребитель не принял выполненную работу.

Ю. обратился в суд с иском к обществу о расторжении договора подряда, взыскании уплаченной во исполнение этого договора денежной суммы в размере 5410 тыс. рублей, а также о взыскании неустойки в размере 1200 тыс. рублей.

Судом установлено, что 28 февраля 2012 г. между Ю. как заказчиком и обществом как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался своими силами и средствами выполнить работы на принадлежащем истцу объекте недвижимости.

Названные работы включали разработку и согласование проекта, оформление разрешительной документации для получения технических условий, установку и наладку трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение.

Общая стоимость работ по договору составила 12 600 тыс. рублей, которые заказчик обязался выплатить подрядчику в следующем порядке: предоплату в размере 35% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания договора; оплату в размере 20% от общей стоимости работ заказчик выплачивает после подписания сетевой организацией технических условий на технологическое присоединение объекта в течение 10 рабочих дней с момента выставления счета и передачи этих технических условий заказчику; оплату в размере 25% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания им актов выполненных строительно-монтажных работ; сверка расчетов и окончательные расчеты по договору производятся после получения актов разграничения балансовой принадлежности, технологического присоединения и допуска в эксплуатацию, а также после заключения договора с энергоснабжающей организацией.

Условиями договора подряда предусмотрено, что подрядчик обязуется выполнить все предусмотренные договором работы в течение 90 рабочих дней с момента заключения этого договора и приступить к выполнению работ после поступления согласованной сторонами суммы предоплаты.

18 апреля 2012 г. Ю. выплатил обществу денежные средства в размере 4410 тыс. рублей (35% от общей цены работы) в качестве предоплаты по договору подряда.

13 августа 2012 г. истец выплатил ответчику еще 1 млн. рублей, что составляет 7,94% от общей цены работы.

24 августа 2012 г. ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» выдала истцу технические условия для присоединения к электрическим сетям.

Решением суда иски требования удовлетворены, постановлено расторгнуть заключенный сторонами договор подряда, взыскать с общества в пользу Ю. уплаченные по договору 5410 тыс. рублей, неустойку в размере 1200 тыс. рублей и судебные расходы — 27 500 руб.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что обществом были существенно нарушены условия заключенного с истцом договора подряда, поскольку первый этап работ, состоявший в получении технических условий для присоединения к электрическим сетям, был выполнен подрядчиком по истечении срока, предусмотренного договором подряда для выполнения всего комплекса работ. Суд также указал, что ответчиком не представлено доказательств извещения истца о готовности технических условий и передачи ему этих условий путем оформления актов сдачи-приемки в порядке, предусмотренном договором подряда.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества уплаченной Ю. по договору денежной суммы, а также неустойки и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что предоплата по договору подряда вносилась истцом с нарушением предусмотренных договором сроков, в том числе за пределами установленного договором срока выполнения подрядчиком всего комплекса работ, что свидетельствует о согласии истца с изменением условий договора подряда о сроках выполнения работ. Кроме того, судебная коллегия указала, что заключенный сторонами

договор подряда не предусматривал безусловное обязательство подрядчика по отдельности передавать результат каждого этапа работ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Судом апелляционной инстанции оставлено в силе решение суда в части расторжения договора, основанное на существенном нарушении подрядчиком сроков выполнения обязательств.

Пунктом 4 ст. 453 ГК РФ предусмотрено, что в том случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 Кодекса лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязан возратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

Из приведенных правовых норм следует, что в случае нарушения равноценности встречных предоставлений сторон на момент расторжения договора сторона, передавшая деньги либо иное имущество во исполнение договора, вправе требовать от другой стороны возврата исполненного в той мере, в какой встречное предоставление является неравноценным.

Отменяя решение суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции исходил из того, что во исполнение договора подряда истец передал ответчику денежные средства, а ответчик выполнил работы по получению технических условий для подключения принадлежащего истцу объекта к электрическим сетям.

При этом суд апелляционной инстанции не оценил равноценность предоставленного обществом исполнения (получение технических условий для присоединения к электрическим сетям) уплаченной Ю. денежной суммы в размере 5410 тыс. рублей с учетом всего объема работ, предусмотренных договором, и общей цены договора.

В нарушение приведенных выше правовых норм данный вопрос судом апелляционной инстанции был оставлен без какой-либо оценки.

Кроме того, судом апелляционной инстанции фактически не рассмотрены доводы о правомерном отказе истца от исполнения договора вследствие его существенного нарушения ответчиком.

Так, договором подряда предусматривалось выполнение ответчиком следующих работ: разработка и согласование проекта, оформление разрешительной документации для подключения технических условий, установка и наладка трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение, в том числе по-

лучение справки о выполнении технических условий, оформление актов разграничения балансовой принадлежности и разграничения эксплуатационной ответственности, оформление акта допуска в эксплуатацию, оказание необходимого содействия в подписании договора с энергопоставляющей организацией.

По условиям договора весь комплекс работ должен был быть выполнен ответчиком в течение 90 дней с момента заключения договора подряда, при этом подрядчик приступает к выполнению предусмотренных договором работ после поступления суммы предоплаты, предусмотренной этим договором.

Из установленных судом обстоятельств следует, что предварительная оплата произведена истцом 18 апреля 2012 г., а следовательно, с этого момента ответчик, не предъявивший каких-либо претензий истцу и не поставивший вопрос о расторжении договора, должен был приступить к работе и выполнить ее в установленный договором срок — 90 дней.

В соответствии с пп. 1—3 ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случая наступившей во время просрочки невозможности исполнения.

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков.

Должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что с момента внесения истцом предусмотренной договором предоплаты просрочка кредитора по отношению к ответчику отсутствовала.

Ответчик к работе приступил и, как посчитал установленным суд апелляционной инстанции, выполнил только начальный этап работ по получению технических условий за пределами 90 дней, предусмотренных для выполнения всего комплекса работ по договору.

Истец заявил, что вследствие просрочки должника исполнение потеряло для него интерес.

Судом апелляционной инстанции этому обстоятельству оценка не дана, вопрос о применении положений п. 2 ст. 405 ГК РФ не обсуждался.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции применил также положения ст. 28 Закона о защите прав потребителей, предусматривающей, что, если исполнитель нарушил сроки выполнения работы (оказания услуги) — сроки начала и (или) окончания выполнения работы (оказания услуги) и (или) промежуточные сроки выполнения работы (оказания услуги) или во время выполнения работы (оказания услуги) стало очевидным, что она не будет выполнена в срок, потребитель по своему выбору вправе в том числе отказаться от исполнения договора о выполнении работы (п. 1).

При отказе от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги) исполнитель не вправе требовать возмещения своих затрат, произведенных в процессе выполнения работы (оказания услуги), а также платы за выполненную работу (оказанную услугу), за исключением случая, если потребитель принял выполненную работу (п. 4).

Требования потребителя, установленные п. 1 названной статьи, не подлежат удовлетворению, если исполнитель докажет, что нарушение сроков выполнения работы (оказания услуги) произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потребителя (п. 6).

Суд первой инстанции указал, что вины потребителя как в нарушении срока выполнения всей работы, так и в нарушении срока получения технических условий с момента внесения предоплаты не имеется, ответчик существенно нарушил срок выполнения работы, в том числе и по получению технических условий, а следовательно, истец был вправе отказаться от договора без возмещения подрядчику затрат на их выполнение.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества в пользу Ю. денежной суммы, а также неустойки и отказывая в удовлетворении исковых требований в этой части, суд апелляционной инстанции выводы суда первой инстанции о применении к спорным правоотношениям положений Закона о защите прав потребителей под сомнение не поставил.

В таком случае выводы суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика переданной истцом этому обществу во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки не соответствуют как положениям ст. 405 ГК РФ, так и приведенным выше положениям Закона о защите прав потребителей.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Ю. о взыскании с общества переданной во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие существенных нарушений условий этого договора со стороны подрядчика.

При этом суд апелляционной инстанции не учел, что суд первой инстанции принял решение о расторжении заключенного между Ю. и обществом договора подряда именно в связи с существенным нарушением подрядчиком условий этого договора о сроке выполнения работ, в этой части решение суда ответчиком не оспаривалось и оставлено в силе судом апелляционной инстанции.

В соответствии с ч. 1 ст. 195 ГПК РФ решение должно быть законным и обоснованным.

Согласно ч. 1 ст. 196 Кодекса при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Как разъяснено в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении”, решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права.

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59—61, 67 ГПК РФ), а также тогда, ко-

гда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

В силу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 названного Кодекса каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Факт надлежющего исполнения обязательств, равно как и отсутствие вины в неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательства, по общему правилу, доказывается обязанным лицом (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Решение суда апелляционной инстанции об отказе в иске о взыскании уплаченной по договору подряда денежной суммы и неустойки основано на выводе об исполнении ответчиком части работ по получению технических условий и о принятии этого исполнения истцом.

Между тем каких-либо доказательств этого суд апелляционной инстанции не привел, в частности доказательств того, что полученные истцом технические условия ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» являются результатом работ ответчика и что они были приняты истцом в качестве таковых.

Напротив, истцом представлены доказательства того, что он заключил замещающую сделку с третьим лицом, осуществившим тот комплекс работ, который должен был выполнить ответчик, в том числе и получение технических условий.

Однако, как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, этим доказательствам суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных выше норм процессуального права оценки не дал.

Определение № 4-КГ17-5

6. Отказ продавца предоставить покупателю автомобиля оригинал паспорта транспортного средства, который покупатель (заемщик) по условиям автокредитования обязан предъявить в банк, влечет для продавца наступление предусмотренной Законом о защите прав потребителей ответственности.

Р. обратилась в суд с иском к обществу (продавцу), официальному дилеру о защите прав потребителей, указав в обоснование заявленных требований, что заключила с обществом договор купли-продажи автомобиля, в счет частичного исполнения обязательств по которому уплатила сумму в размере 202 тыс. рублей, недостающая денежная сумма в размере 807 тыс. рублей перечислена банком на основании заключенного с истцом кредитного договора. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору между Р. и банком также заключен договор залога приобретенного транспортного средства, по которому на истца возложена обязанность не позднее 10 рабочих дней с даты заключения договора передать залогодержателю оригинал паспорта транспортного средства (далее — ПТС). Вместо оригинала ПТС Р. от общества была получена его копия, из которой следовало, что собственником автомобиля значится данное общество. На неоднократные просьбы вручить оригинал ПТС ответчик отвечал отказом, полагая, что он вправе удерживать у себя ПТС в течение 30 ра-

бочих дней в соответствии с условиями заключенного договора купли-продажи.

Заочным решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично: с общества в пользу Р. взыскана неустойка в размере 540 005 руб., страховая премия по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в размере 6484 руб., страховая премия по договору страхования транспортного средства в размере 59 390 руб., расходы по оплате круглосуточной аренды автостоянки в размере 13 940 руб., сумма компенсации морального вреда в размере 5000 руб., штраф в размере 312 410 руб., а всего 937 230 руб. На общество возложена обязанность передать Р. оригинал ПТС на приобретенный автомобиль.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части взыскания с общества неустойки, страховых премий по договорам страхования, расходов по оплате круглосуточной автостоянки, в указанной части постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано. Решение суда изменено в части взысканного в пользу Р. штрафа, его размер снижен до 2500 руб. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части и отказывая в удовлетворении названных требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Закон о защите прав потребителей в части взыскания неустойки не подлежит применению, поскольку рассматриваемые правоотношения урегулированы ст. 464 ГК РФ, предусматривающей право покупателя отказаться от товара вследствие неисполнения продавцом обязанности передать документы, относящиеся к товару. Также судебная коллегия указала, что убытки, понесенные истцом в связи с заключением договоров страхования и оплатой стоянки, не обусловлены действиями ответчика и совершены Р. добровольно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Согласно п. 1 ст. 456 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи.

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю ее принадлежности, а также относящиеся к ней документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором (п. 2 ст. 456 ГК РФ).

В силу п. 59 постановления Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежаще-

го качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации” при передаче товара покупателю одновременно передаются установленные изготовителем комплект принадлежности и документы, в том числе сервисная книжка или иной заменяющий ее документ, а также документ, удостоверяющий право собственности на транспортное средство или номерной агрегат, для их государственной регистрации в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Как указано в ст. 464 ГК РФ, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (п. 2 ст. 456), покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи. В случае, когда принадлежности или документы, относящиеся к товару, не переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором.

Приведенная правовая норма предоставляет покупателю право при соблюдении указанных в ней условий отказаться от товара, при ненадлежащем исполнении продавцом обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов, но не предусматривает каких-либо мер гражданско-правовой ответственности, подлежащих применению к продавцу в случае причинения покупателю убытков данными действиями.

Закон о защите прав потребителей регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

В указанном Законе недостаток товара (работы, услуги) определен как несоответствие товара (работы, услуги) или обязательным требованиям, предусмотренным Законом либо в установленном им порядке, или условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или целям, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

В пп. 1 и 2 ст. 4 Закона о защите прав потребителей установлено, что продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), качество которого соответствует договору. При отсутствии в договоре условий о качестве товара (работы, услуги) продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), соответствующий обычно предъявляемым требованиям и пригодный для целей, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется.

Согласно п. 1 ст. 20 названного Закона, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, т.е. в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать срок пять дней.

Пунктом 3 ст. 23¹ Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что в случае нарушения установленного договором купли-продажи срока передачи предварительно оплаченного товара потребителю, продавец уплачивает ему за каждый день просрочки неустойку (пени) в размере 0,5 процента суммы предварительной оплаты товара. Неустойка (пени) взыскивается со дня, когда по договору купли-продажи передача товара потребителю должна была быть осуществлена, до дня передачи товара потребителю или до дня удовлетворения требования потребителя о возврате ему предварительно уплаченной им суммы. Сумма взысканной потребителем неустойки (пени) не может превышать сумму предварительной оплаты товара.

Данная норма устанавливает меру гражданско-правовой ответственности (неустойку) за неисполнение продавцом обязанности по передаче покупателю предварительно оплаченного товара.

Поскольку положения ст. 464 ГК РФ не предусматривают меру гражданско-правовой ответственности продавца перед потребителем, они не являются специальной нормой, регулирующей правоотношения покупателя и продавца в случае причинения последним убытков при ненадлежащем исполнении им обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о невозможности применения к возникшим по данному спору правоотношениям положений п. 3 ст. 23¹ Закона о защите прав потребителей ввиду урегулирования их нормой специального закона признан Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ неправильным.

Отсутствие ПТС является недостатком переданного Р. товара, препятствующим использованию товара по прямому назначению, что влечет право истца требовать устранения данного недостатка в соответствии с положениями названного Закона, а в случае неустранения данного недостатка и невыполнения требований потребителя в порядке и сроки, предусмотренные Законом, — корреспондирующую указанному праву обязанность ответчика нести установленную ст.ст. 20, 23¹ Закона о защите прав потребителей ответственность.

Определение № 41-КГ16-44

7. Пятьдесят процентов определенной судом суммы штрафа за нарушение прав потребителя взыскиваются с ответчика в пользу потребителя и обратившегося в суд в его защиту общественного объединения потребителей.

Общественное объединение по защите прав потребителей, действуя в интересах К., обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее — ИП), указав следующее. К. заключил с ответчиком договор розничной купли-продажи дверей на сумму 450 630 руб. и дого-

вор оказания услуг на доставку, сборку, монтаж дверей на сумму 44 655 руб. Расчет по договорам К. произвел в полном объеме. Полагая, что заказанный товар ответчиком поставлен не в полном объеме, а также имеют место недостатки по его качеству, истец направил в адрес ответчика претензию об устранении недостатков. Требование об устранении недостатков исполнено не было, ввиду чего истец просил возложить на ответчика обязанность устранить недостатки, взыскать неустойку в сумме 495 285 руб., компенсировать моральный вред в размере 50 тыс. рублей, возместить судебные расходы на оплату услуг представителя в размере 20 тыс. рублей, а также взыскать штраф.

Ответчик иск не признал, указывал, что проведён весь оплаченный объем работ по монтажу и установке дверей в доме К., за исключением установки трех комплектов наличника, одного доборного элемента в проем и декоративной планки с карнизом, все недостатки были устранены в течение срока, согласованного с К., однако последний уклонился от подписания акта выполненных работ без указания причин. ИП предъявил встречный иск к К. о возложении обязанности подписать двусторонний акт выполненных работ к заключенному между ними договору на оказание услуг, а также возмещении расходов на оплату государственной пошлины в размере 300 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, первоначальные исковые требования удовлетворены: на ИП возложена обязанность устранить недостатки выполненных работ, с него в пользу К. взыскана неустойка за нарушение сроков устранения недостатков 495 285 руб., сумма компенсации морального вреда в размере 50 тыс. рублей, судебные расходы в размере 20 тыс. рублей, а также штраф в размере 247 642 руб.; в пользу организации взыскан штраф в сумме 123 821 руб.; в доход Российской Федерации взыскана государственная пошлина в размере 8852 руб. В удовлетворении встречных исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные постановления в кассационном порядке и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, в частности, следующее.

В п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей определено, что при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Если с заявлением в защиту прав потребителя выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, 50% суммы взысканного штрафа перечисляются указанным объединениям (их ассоциациям, союзам) или органам.

Данная норма не предусматривает возложение на ответчика дополнительной ответственности за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в случае, когда с заявлением в защиту прав последнего выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы мест-

ного самоуправления, а лишь регулирует распределение в таком случае подлежащей к взысканию суммы штрафа.

Между тем суд взыскал с ответчика в пользу потребителя штраф в размере 50% от присужденной к взысканию суммы и одновременно с этим дополнительно взыскал сумму, равную половине от присужденного потребителю штрафа, в пользу общественного объединения по защите прав потребителей, таким образом, судом в общей сложности взыскан штраф в размере 75% от суммы, присужденной ко взысканию, что противоречит требованиям действующего законодательства.

Определение № 18-КГ16-66

Разрешение споров, связанных с защитой нематериальных благ

8. Право на компенсацию морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, признанного судом незаконным, возникает как у лиц, в отношении которых судебным решением было санкционировано его проведение, так и у иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску.

С. обратилась в суд с иском к Минфину России, управлению Федерального казначейства по субъекту Российской Федерации о компенсации морального вреда, указав, что в ее жилище был произведен обыск, впоследствии признанный судом незаконным. Учитывая, что неправомерно произведенное следственное действие причинило ей нравственные страдания, а также нарушило ее права на неприкосновенность собственности, частной и семейной жизни, истец полагала, что она имеет право на получение соответствующего возмещения вреда за счет казны Российской Федерации.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

Отказывая в удовлетворении требований С., судебные инстанции исходили из того, что в отношении истца каких-либо незаконных следственных действий не проводилось. Кроме того, истцом не представлено доказательств наличия причинно-следственной связи между незаконным производством обыска и перенесенными нравственными страданиями, на которые она ссылалась при обращении в суд.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

В соответствии со ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В развитие указанного конституционного положения ст. 3 ЖК РФ также закрепляет правило о том, что никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных названным Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или обще-

ственной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности” органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 указанного Федерального закона проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния или о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

На основании ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Из содержания названных конституционных норм следует, что действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, причинившие вред любому лицу, влекут возникновение у государства обязанности этот вред возместить, а каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц наделяется правом требовать от государства справедливого возмещения вреда.

В силу ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Согласно п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 этой статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 данного Кодекса.

В соответствии со ст. 150 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1).

Нематериальные блага защищаются в соответствии с данным Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (п. 2).

Согласно п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 и ст. 151 данного Кодекса.

Как указано в абз. 2 ст. 151 ГК РФ, при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В силу п. 1 ст. 1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Для применения такой меры ответственности, как компенсация морального вреда, юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенес физические или нравственные страдания в связи с посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага, при этом на причинителя вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины.

Судом установлены факт проведения органами следствия обыска в жилище истца, неправомочность указанных действий, а также то, что согласно показаниям свидетеля истец претерпела нравственные страдания.

Таким образом, суд фактически установил юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения возникшего спора, однако сделанные им выводы являются ошибочными.

Ссылаясь на то, что каких-либо незаконных следственных действий в отношении С. не проводилось, а также на отсутствие причинно-следственной связи между незаконным производством обыска в жилище супруга истицы — А. и нравственными страданиями истицы, суды не учли, что нравственные страдания С. испытывала по поводу нарушения незаконным обыском своих личных неимущественных прав — права на жилище и неприкосновенность частной жизни.

Вывод судов об отсутствии причинно-следственной связи между незаконным обыском в жилище А. и перенесенными истицей нравственными страданиями также является ошибочным, поскольку такой обыск проводился в отношении жилища, принадлежащего в том числе истцу.

Не была принята во внимание судами и правовая позиция Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего в своих решениях, что обыск в жилище относится к числу тех следственных действий, которые существенным образом ограничивают конституционные права лица, в том числе права на неприкосновенность жилища и тайну частной жизни. Поскольку обыск в жилище, как правило, в равной мере ограничивает права как лиц, в отношении которых судебным решением санкционируется его проведение, так и иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску, судебная защита прав и законных интересов, являющаяся гарантией реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, должна быть обеспечена пострадавшим лицам обеих категорий. Иное нарушало бы закрепленные Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность жилища (ст. 25) и частной жизни (ст. 23), а также право на судебную защиту (ст. 46).

Определение № 47-КГ17-6

Разрешение споров, связанных с трудовыми отношениями

9. Выплата работнику выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства в случае прекращения деятельности его работодателя — индивидуального предпринимателя действующим законодательством не предусмотрены.

Такие гарантии могут быть определены условиями трудового договора, заключенного между работником и индивидуальным предпринимателем (работодателем).

Р. обратилась в суд с иском к Ф. о признании увольнения незаконным, взыскании выходного пособия, заработной платы, оплаты за дни временной нетрудоспособности, возложении на ответчика обязанности внести в трудовую книжку запись о прекращении трудового договора с указанием статьи, на основании которой с ней прекращены трудовые отношения, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что Р. состояла в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем Ф., работала в должности продавца в магазине.

С Р. был заключен трудовой договор от 1 января 2012 г., предусматривающий обязанность работодателя соблюдать законы и иные норма-

тивные правовые акты, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашения и трудового договора; предоставлять работнику работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность труда и условия, отвечающие требованиям охраны и гигиены труда; обеспечивать работника оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения им трудовых обязанностей; выплачивать в полном размере причитающуюся работнику заработную плату в сроки, установленные Трудовым кодексом РФ, правилами внутреннего трудового распорядка организации, трудовым договором; осуществлять обязательное социальное страхование работника в порядке, установленном федеральными законами; исполнять иные обязанности, предусмотренные Трудовым кодексом РФ, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

31 августа 2015 г. Р. была уволена с работы в связи с прекращением деятельности Ф. в качестве индивидуального предпринимателя.

9 сентября 2015 г. Ф. снята с учета в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя.

Разрешая спор и отказывая Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика выходного пособия и среднего заработка на период трудоустройства в связи с увольнением, суд первой инстанции руководствовался положениями ст.ст. 20, 22, ч. 1 ст. 178, ч. 2 ст. 307 ТК РФ и исходил из того, что условиями трудового договора, заключенного между Р. как работником и индивидуальным предпринимателем Ф. как работодателем, таких гарантий при увольнении, как выплата выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, не предусмотрено. При этом суд указал, что регулирование труда работников, работающих у работодателей — физических лиц, к категории которых относится Ф., имеет установленные главой 48 ТК РФ особенности, в том числе определение трудовым договором случаев и размеров выплачиваемых таким работникам выходного пособия и других компенсационных выплат при прекращении трудового договора. Трудовой кодекс РФ не предоставляет работникам данной категории гарантий в виде сохранения заработка на период трудоустройства, как это предусмотрено ч. 1 ст. 178 ТК РФ для лиц, работающих в организациях.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требований Р. о взыскании выходного пособия и среднего заработка на период трудоустройства, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о нарушении ответчиком при увольнении истца требований ст. 318 ТК РФ и с учетом установленного судом первой инстанции размера заработной платы истца в месяц взыскал с Ф. в пользу Р. выходное пособие в размере среднего заработка за три месяца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно ч. 1 ст. 20 ТК РФ сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель.

Работником в силу ч. 2 ст. 20 ТК РФ является физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем, работодателем — физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры (ч. 4 ст. 20 ТК РФ).

По смыслу ч. 5 ст. 20 ТК РФ к работодателям — физическим лицам относятся в том числе физические лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Трудовые отношения, как следует из положений ч. 1 ст. 16 ТК РФ, возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого в соответствии с Трудовым кодексом РФ.

Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем; сокращения численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Главой 27 ТК РФ установлены гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора.

Так, ч. 1 ст. 178 ТК РФ определено, что при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации (п. 1 ч. 1 ст. 81 Кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 Кодекса) увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения.

Разделом XII Трудового кодекса РФ установлены особенности регулирования труда отдельных категорий работников, к числу которых отнесены работники, работающие у работодателей — физических лиц (главой 48 ТК РФ), и лица, работающие в районах Крайнего Севера (главой 50 ТК РФ).

Согласно ст. 318 ТК РФ работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 ч. 1 ст. 81 названного Кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 данного Кодекса), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним также сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных чч. 1 и 2 данной статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя.

Исходя из буквального толкования положений ч. 1 ст. 178 и ст. 318 ТК РФ сохранение работнику среднего месячного заработка на период трудоустройства и выплата ему выходного пособия в случае ликвидации организации, сокращения численности или штата ее работников предусмотрены только при увольнении работника из организации.

Регулирование труда работников, работающих у работодателей — физических лиц, имеет особенности, установленные главой 48 ТК РФ.

По смыслу ч. 2 ст. 303 ТК РФ в письменный договор, заключаемый работником с работодателем — физическим лицом, в обязательном порядке включаются все условия, существенные для работника и работодателя.

Согласно ч. 2 ст. 307 ТК РФ сроки предупреждения об увольнении, а также случаи и размеры выплачиваемых при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат определяются трудовым договором.

Из приведенных нормативных положений следует, что Трудовым кодексом РФ установлено различное правовое регулирование труда работников, состоящих в трудовых отношениях с работодателем — физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, и работников, работающих у работодателей-организаций. При этом выплата работодателем работнику выходного пособия и сохранение за ним среднего заработка на период его трудоустройства в связи с увольнением по п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ гарантированы законом (Трудовым кодексом РФ) только в случае увольнения работника из организации. Работникам, работающим у физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, указанная гарантия Трудовым кодексом РФ не предусмотрена. Прекращение трудового договора для этой категории работников урегулировано специальной нормой — ст. 307 ТК РФ, содержащей отличное от установленного ч. 1 ст. 178 данного Кодекса правило о том, что случаи и размеры выплачиваемого при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат работникам, работающим у работодателей — физических лиц, могут быть определены трудовым договором, заключаемым между работником и работодателем — физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем. Таким образом, работодатель — индивидуальный предприниматель, увольняющий работников в связи с прекращением предпринимательской деятельности, обязан выплатить работнику выходное пособие, иные компенсационные выплаты, в том числе средний заработок, сохраняемый на период трудоустройства, только если соответствующие гарантии специально предусмотрены трудовым договором с работником.

Как установлено судом и следует из материалов дела, условиями трудового договора, заключенного между Р. (работником) и индивидуальным предпринимателем Ф. (работодателем), такие гарантии в случае увольнения в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, как выплата выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства, не предусмотрены.

С учетом установленных обстоятельств суд первой инстанции правильно отказал Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с Ф. выходного пособия и среднего заработка, со-

храняемого на период трудоустройства, в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, применен к спорным отношениям подлежащие применению в данном случае положения ст.ст. 303, 307 главы 48 ТК РФ, устанавливающие особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей — физических лиц.

Отменяя в указанной части решение суда первой инстанции и возлагая на ответчика обязанность по выплате истцу выходного пособия, суд апелляционной инстанции неправильно истолковал положения ч. 1 ст. 178, ст. 318 ТК РФ и распространил их действие на правоотношения между работниками и работодателями — физическими лицами, которые ими не регулируются.

Таким образом, у суда апелляционной инстанции отсутствовали предусмотренные законом основания для отмены решения суда первой инстанции об отказе Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, и удовлетворения данных требований Р. с возложением на ответчика обязанности по выплате истцу указанных сумм на основании не подлежащих применению к спорным правоотношениям положений ст.ст. 178, 318 ТК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение в части отмены решения суда об отказе Р. в удовлетворении исковых требований к Ф. о взыскании выходного пособия и принятия в указанной части нового решения о взыскании с Ф. в пользу Р. выходного пособия, оставив в отмененной части в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 74-КГ16-23

10. При разрешении споров работников с организациями-работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу индексации заработной платы подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в таких организациях.

Л. обратилась 14 декабря 2015 г. в суд с иском к Банку (работодатель) о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за несвоевременную выплату причитающихся работнику денежных сумм, компенсации морального вреда, расходов на нотариальное удостоверение доверенности представителя.

Судом по делу установлено, что 17 февраля 2014 г. между Банком и Л. был заключен трудовой договор, в соответствии с которым Л. принята на работу в Банк на должность главного юриста-консультанта в судебно-претензионный отдел юридического управления.

4 марта 2014 г. президентом Банка издан приказ об индексации заработной платы. В п. 1 приказа было предусмотрено, что в случае достижения Банком экономических показателей деятельности по итогам работы Банка в 2014 году, указанных в приложении 1 к приказу, провести индексацию заработной платы сотрудникам Банка путем увеличения должностных окладов на 8% начиная с 1 января 2015 г. Исходя из п. 2 названного приказа в случае недостижения Банком показателей, указанных в п. 1 приказа, индексация заработной платы сотрудникам Банка не проводится.

17 сентября 2015 г. между сторонами по делу было заключено соглашение о расторжении трудового договора, и в тот же день Л. была уволена с

работы по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (по соглашению сторон).

Судом также установлено, что в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году индексация заработной платы работников Банка проведена не была, приказ президента Банка от 4 марта 2014 г. был отменен приказом от 20 января 2016 г., а приказом от 21 января 2016 г. был установлен иной механизм индексации заработной платы работников Банка за 2013—2015 годы и на 2016 год.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции сослался на положения ст. 392 ТК РФ (в редакции, действовавшей до 3 октября 2016 г.) и пришел к выводу о пропуске Л. установленного данной нормой трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, о чем было заявлено в ходе судебного разбирательства ответчиком. Суд первой инстанции исходил из того, что Л., получая с февраля 2014 г. ежемесячно заработную плату без индексации, не могла не знать с этого времени о нарушении ее трудовых прав, однако в суд с иском о взыскании задолженности по индексации заработной платы за период с февраля 2014 г. по сентябрь 2015 г. обратилась только 14 декабря 2015 г. Учитывая заявление ответчика о пропуске истцом срока на обращение в суд и принимая во внимание, что Л. не представлено доказательств уважительности причин пропуска установленного ст. 392 ТК РФ срока на обращение в суд с данными требованиями, суд первой инстанции принял решение об отказе Л. в удовлетворении иска.

Кроме того, суд первой инстанции в обоснование отказа Л. в иске указал на то, что непроведение Банком индексации заработной платы работников в связи с недостижением экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году полностью соответствует приказу президента Банка от 4 марта 2014 г. и установленному работодателем механизму такой индексации.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске истцом срока на обращение в суд за разрешением индивидуального спора и отменил решение суда первой инстанции. Суд апелляционной инстанции полагал, что нарушение работодателем права Л. на своевременную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, в связи с чем установленный ст. 392 ТК РФ на тот момент трехмесячный срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора следует исчислять с даты увольнения истца — 17 сентября 2015 г. Поскольку исковое заявление в суд подано Л. 14 декабря 2015 г., то, по мнению суда апелляционной инстанции, предусмотренный законом срок на обращение в суд истцом не пропущен.

Удовлетворяя требования Л. о возложении на Банк обязанности произвести индексацию заработной платы истца согласно индексу потребительских цен за период работы с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г. и о взыскании с ответчика в пользу Л. задолженности по заработной плате, суд апелляционной инстанции со ссылкой на нормы ст. 134 ТК РФ, Положения об оплате труда работников банка, утвержденного правлением Банка 23 января 2014 г. (далее — Положение об оплате труда работников банка), исходил

из того, что проведение индексации заработной платы является не правом, а обязанностью любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы. Однако Банк в период с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г., вопреки требованиям ст. 134 ТК РФ, не осуществлял индексацию заработной платы Л. в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. С учетом того, что конкретные сроки проведения индексации в Положении об оплате труда работников банка не установлены, работодатель был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения.

Суд апелляционной инстанции признал вывод суда первой инстанции о том, что заработная плата не была проиндексирована Л. в связи с недостижением Банком финансово-экономических показателей, противоречащим Положению об оплате труда работников банка, не содержащему норм о том, что проведение индексации заработной платы зависит от достижения Банком каких-либо результатов. Ссылка суда первой инстанции на недостижение Банком финансово-экономических показателей, по мнению суда апелляционной инстанции, не может являться основанием для отказа в удовлетворении иска Л., так как отсутствие достаточного количества денежных средств не освобождает работодателя от соблюдения трудовых прав работников.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

В соответствии со ст. 392 ТК РФ (в редакции, действовавшей до 3 октября 2016 г.) работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении — в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки (ч. 1). Работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба (ч. 2). При пропуске по уважительным причинам сроков, установленных чч. 1 и 2 данной статьи, они могут быть восстановлены судом (ч. 3).

Из приведенных положений ст. 392 ТК РФ, действовавших в период работы Л. в Банке и на момент ее увольнения 17 сентября 2015 г., следует, что срок на обращение работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе касающегося невыплаты или неполной выплаты заработной платы, составлял три месяца. Течение этого срока начинается со дня, когда работник узнал или должен был узнать о том, что его право нарушено.

Следовательно, при рассмотрении заявления ответчика о пропуске Л. предусмотренного законом трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, подлежало установлению такое юридически значимое обстоятельство, как определение даты, с которой истец узнала или должна была узнать о том, что ее право на индексацию заработной платы нарушено.

Суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что истцом не пропущен срок на обращение в суд за разрешением индивидуального тру-

дового спора, так как нарушение работодателем права Л. на своевременную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, соответственно, работодателю был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, и именно с даты увольнения истца (17 сентября 2015 г.) следует исчислять трехмесячный срок на обращение ее в суд с требованием о взыскании задолженности по заработной плате.

В п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации” содержится разъяснение о том, что при рассмотрении дела по иску работника, трудовые отношения с которым не прекращены, о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы надлежит учитывать, что заявление работодателя о пропуске работником срока на обращение в суд само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования, поскольку в указанном случае срок на обращение в суд не пропущен, так как нарушение носит длящийся характер и обязанность работодателя по своевременной и в полном объеме выплате работнику заработной платы, а тем более задержанных сумм, сохраняется в течение всего периода действия трудового договора.

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание данные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым для признания длящимся нарушения работодателем трудовых прав работника при рассмотрении дела по иску работника о взыскании невыплаченной заработной платы необходимо наличие определенного условия: заработная плата работнику должна быть начислена, но не выплачена.

Суд апелляционной инстанции не учел, что с 1 января 2015 г., т.е. в срок, установленный приказом президента Банка от 4 марта 2014 г., индексация заработной платы работников Банка проведена не была и, как следствие, начисление заработной платы с учетом индексации работникам Банка, в том числе и Л., не производилось.

Кроме того, делая вывод об обязанности работодателя произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, суд апелляционной инстанции исходил из данного им толкования положений ст. 134 ТК РФ, полагая, что этой нормой установлена безусловная обязанность любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы проводить индексацию заработной платы своих работников.

Между тем согласно ст. 134 ТК РФ обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели — в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

По смыслу нормативных положений приведенной статьи Трудового кодекса РФ порядок индексации заработной платы работников в связи с ростом потребительских цен на товары и ус-

луги работодателями, которые не получают бюджетного финансирования, устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами. Такое правовое регулирование направлено на учет особенностей правового положения работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, обеспечивает им (в отличие от работодателей, финансируемых из соответствующих бюджетов) возможность учитывать всю совокупность обстоятельств, значимых как для работников, так и для работодателя. Трудовой кодекс РФ не предусматривает никаких требований к механизму индексации, поэтому работодатели, которые не получают бюджетного финансирования, вправе избрать любые порядок и условия ее осуществления (в том числе ее периодичность, порядок определения величины индексации, перечень выплат, подлежащих индексации) в зависимости от конкретных обстоятельств, специфики своей деятельности и уровня платежеспособности.

Исходя из буквального толкования положений ст. 134 ТК РФ индексация — это не единственный способ обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы. Обязанность повышать реальное содержание заработной платы работников может быть исполнена работодателем и путем ее периодического увеличения безотносительно к порядку индексации, в частности повышением должностных окладов, выплатой премий и т.п.

В силу чч. 1 и 2 ст. 135 ТК РФ заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда. Системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Ввиду изложенного при разрешении споров работников с работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу индексации заработной платы, в том числе и при рассмотрении судом заявления ответчика (работодателя) о пропуске истцом (работником) срока на обращение в суд с данными требованиями, подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в организациях, не получающих бюджетного финансирования.

Согласно имеющемуся в материалах дела Положению об оплате труда работников банка заработная плата и иные причитающиеся работнику денежные средства выплачиваются в денежной форме с учетом фактически отработанного времени два раза в месяц. Работодатель в письменной форме (электронная рассылка по внутрибанковской почте) извещает каждого работника о составных частях заработной платы, причитающейся ему за соответствующий период, размерах и основаниях произведенных удержаний, а также об общей денежной сумме, подлежащей выплате. Индексация заработной платы производится всем работникам ежегодно в пределах утвержденного Советом директоров бюджета на соот-

ветствующий финансовый год. Индексация может проводиться в несколько этапов. Размер индексации определяется президентом Банка. Основанием для проведения индексации является издание соответствующего приказа по основной деятельности, утвержденного президентом Банка. Данный приказ доводится до сведения всех работников Банка путем рассылки по внутрибанковской электронной почте (раздел 2 Положения об оплате труда работников банка).

Данным локальным нормативным актом Банка установлен механизм индексации заработной платы работников Банка, в том числе определена ее периодичность (ежегодно), основание проведения (издание соответствующего приказа по основной деятельности), размер индексации (определяется президентом Банка), способ ознакомления всех работников Банка с приказом о проведении индексации (путем рассылки по внутрибанковской электронной почте).

Суд апелляционной инстанции, в нарушение ст. 134 ТК РФ, не применил при рассмотрении дела положения локального нормативного акта и изданного в соответствии с ним приказа президента Банка от 4 марта 2014 г., установившего срок проведения очередной индексации заработной платы работников Банка (начиная с 1 января 2015 г.), величину индексации (путем увеличения должностных окладов на 8%) и условия ее осуществления (в случае достижения Банком экономических показателей по итогам работы в 2014 году).

Вследствие этого судом апелляционной инстанции не установлены имеющие значение для правильного разрешения спора обстоятельства, в том числе касающиеся момента, когда Л., исходя из действовавшего в Банке в период ее работы механизма индексации заработной платы работников Банка и с учетом занимаемой ею должности главного юрисконсульта судебно-претензионного отдела юридического управления, должна была узнать о нарушении своего права.

Не были предметом исследования суда апелляционной инстанции и не получили правовой оценки при принятии решения об удовлетворении исковых требований Л. доводы представителя Банка, которые приводились им в ходе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций, о том, что Банк фактически обеспечивал повышение уровня реального содержания заработной платы своих работников, в том числе и истца, а также о том, что индексация заработной платы работников Банка по итогам деятельности за 2014 год не проводилась в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности, что соответствовало механизму индексации, установленному работодателем в локальном нормативном акте с соблюдением положений трудового законодательства. Эти доводы, содержащиеся в кассационной жалобе Банка, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обоснованными и подлежащими проверке судом апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела.

Определение № 18-КГ17-10

Процессуальные вопросы

11. Частичный отказ в иске является основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Я. обратилась с заявлением о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя,

понесенных в связи с ведением дела в суде. В обоснование требований указала, что решением суда от 1 июня 2015 г. иск ресурсоснабжающей организации к ней о взыскании задолженности за услуги по водоснабжению и водоотведению удовлетворен частично. Поскольку при разрешении дела Я. пользовалась услугами представителя, полагает, что она имеет право на возмещение понесенных ею расходов пропорционально той части исковых требований, в которой истцу было отказано. Просила взыскать с ответчика 13 050 руб.

Разрешая вопрос о присуждении судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных Я. при рассмотрении дела, суд первой инстанции исходил из того, что исковые требования ресурсоснабжающей организации к Я. удовлетворены частично, в связи с этим, по мнению суда, требования ответчика о взыскании судебных расходов являются законными и обоснованными, а расходы должны быть взысканы с истца в пользу ответчика. С учетом требований разумности (сложности дела, объема и характера защищаемого права, продолжительности рассмотрения дела, количества судебных заседаний) суд определил размер суммы, подлежащей взысканию, — 7500 руб.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований Я. о возмещении расходов на оплату услуг представителя, суд апелляционной инстанции указал, что ответчик не имела права на возмещение судебных расходов, поскольку решение суда состоялось в пользу истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что вывод суда апелляционной инстанции сделан с нарушением норм процессуального законодательства.

Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела (ч. 1 ст. 88 ГПК РФ).

К издержкам, связанным с рассмотрением дела, помимо прочего относятся расходы на оплату услуг представителей (абз. 5 ст. 94 названного Кодекса).

В силу ч. 1 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 данного Кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Из содержания указанных норм следует, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного требования.

Вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного в суд требования непосредственно связан с выводом суда, содержащимся в резолютивной части его решения (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ), о том, подлежит ли заявление удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Если иск удовлетворен частично, то это одновременно означает, что в части удовлетворенных требований суд подтверждает правомерность за-

явленных требований, а в части требований, в удовлетворении которых отказано, суд подтверждает правомерность позиции ответчика.

В силу ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Данная правовая позиция, согласно которой при неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов (ст.ст. 98 и 100 ГПК РФ, ст.ст. 111 и 112 КАС РФ, ст. 110 АПК РФ), изложена в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”.

Таким образом, частичный отказ в иске ресурсоснабжающей организации являлся основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика Я. о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Это судом апелляционной инстанции учтено не было и повлекло за собой вынесение неправомерного судебного постановления.

Определение № 19-КГ17-7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

12. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Определением арбитражного суда принято к производству заявление компании о признании должника банкротом и назначено судебное заседание по проверке его обоснованности.

В целях погашения задолженности должника перед компанией банк на основании ст.ст. 313, 327 ГК РФ внес полную сумму задолженности на депозит нотариуса.

Полагая, что спорная задолженность в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ перешла к нему, банк обратился в арбитражный суд с ходатайством о процессуальном правопреемстве.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении ходатайства отказано. Суды признали переход требования компании к банку несостоявшимся, указав на то, что банк совершил действия по погашению задолженности перед компанией исключительно с целью изменения очередности рассмотрения поданных в суд заявлений о банкротстве должника и введения “контролируемой” процедуры через утверждение собственного конкурсного управляющего.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила вопрос о процессуальном правопреемстве на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) — законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели.

Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве (чье требование признано обоснованным) на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

Банк удовлетворил заявление компании в полном объеме, в том числе в части финансовых санкций, в силу чего у компании отсутствуют разумные мотивы отказываться от принятия исполнения и в дальнейшем участвовать в деле. Несмотря на то что само по себе исполнение обязательства должника перед заявителем-кредитором для банка невыгодно, в конечном счете названные действия обусловлены стратегией поведения в деле, подразумевающей наличие возможности определять хозяйственные решения банкрота кредитором со значительным объемом требований, размер которых в данной ситуации несопоставим с размером требований, выкупленных у компании как первого заявителя по делу.

Квалификация судами действий банка в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что он выкупил требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является ошибочной, поскольку при таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что не соответствует целям законодательного регулирования.

Определение № 304-ЭС17-1258

13. Не подлежит удовлетворению заявление аффилированного с должником лица о включении мнимого требования в реестр требований кредиторов, поданное исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

В рамках дела о банкротстве физического лица (далее также — должник) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования по выплате задолженности по арендной плате за пользование нежилыми помещениями в период с 2008 по 2010 год. Наличие долга физическое лицо признавало ежегодно, подписывая двусторонние акты сверок.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на

новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Другой конкурсный кредитор должника приводил доводы, свидетельствующие о том, что все участники спорных арендных отношений: должник, собственники помещений и все цессионарии (в том числе общество) — принадлежат к одной группе компаний, контролируемой супругом должника как конечным бенефициаром. В рассматриваемом случае наличие внутригрупповых отношений и, как следствие, общности хозяйственных интересов имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку установление подобного факта позволяет дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора, заявившего о включении своих требований в реестр, так и должника, обязанность которого при нормальном функционировании гражданского оборота состояла в своевременном внесении арендных платежей.

Вместе с тем обстоятельства, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть доводы об аффилированности сторон спора, судами не исследовались, соответствующие доводы какой-либо правовой оценки не получили.

По смыслу п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве к заинтересованным лицам должника относятся лица, которые входят с ним в одну группу лиц либо являются по отношению к нему аффилированными. Таким образом, критерии выявления заинтересованности в делах о несостоятельности через включение в текст закона соответствующей отсылки сходны с соответствующими критериями, установленными антимонопольным законодательством.

При представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (например, с лицом, заявившем о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения.

Именно на нестандартный характер сделки, на которой основано требование общества, ссылался конкурсный кредитор в своих возражениях против включения спорной задолженности в реестр: у должника — физического лица отсутствовали собственные экономические нужды по аренде коммерческих помещений общей площадью более 10 000 кв.м, впоследствии названные помещения передавались должником в субаренду иным участникам группы компаний. Поведение арендодателей, а затем и цессионариев, на протяжении более чем пяти лет до банкротства не обращавшихся с требованием о взыскании долга по арендной плате (тем самым предоставлявших отсрочку исполнения обязательства на неопределенный срок), также не может быть объяснено с точки зрения такой цели коммерческого юридического лица, как извлечение прибыли от своей деятельности.

Конкурсный кредитор отмечал, что внутри группы компаний имеется несколько требований, связанных с арендой одного и того же имущества в аналогичный период. Такой довод требовал от суда проверки реальности отношений по пользованию имуществом между аффилированными лицами, т.е. того, прикрывала ли цепочка арендных соглашений один договор аренды меж-

ду собственником помещений и конечным независимым арендатором.

Кроме того, выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого из арендаторов (субарендаторов). Подобные факты могут свидетельствовать о подаче обществом заявления о включении требований в реестр исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абз. 4 п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”).

Определение № 306-ЭС16-20056(6)

14. Участником собрания кредиторов с правом голоса является конкурсный кредитор, требование которого включено в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов, даже если на этот момент кредитор уступил свое право требования к должнику третьему лицу и третье лицо не было включено в реестр требований кредиторов определением суда, либо приобретатель требования по доверенности.

На собрании кредиторов должника большинством голосов, в том числе 50,9% — общества, 0,03% — компания, 0,67% — физическое лицо, приняты решения о выборе кандидатуры арбитражного управляющего, прекращении полномочий комитета кредиторов должника, определении кандидатуры представителя собрания кредиторов должника, утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений указанного собрания, ссылаясь на то, что общество и компания утратили право голоса ввиду состоявшейся ранее уступки их требований к должнику в пользу фирмы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления физического лица по следующим основаниям.

Исходя из положений п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве и разъяснений, содержащихся в п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 60 “О некоторых вопросах, связанных с принятием изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)””, участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Поскольку определение о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов подлежит немедленному исполнению, право на участие в собрании кредиторов с правом голоса возникает у кредитора с момента

вынесения определения о включении его требований в реестр.

В рассматриваемом случае на дату проведения спорного собрания требования общества и компании включены в реестр требований кредиторов должника на основании судебных актов арбитражного суда. На момент проведения собрания кредиторов названные лица обладали статусом конкурсных кредиторов и, как следствие, правом на участие в собрании с правом голоса.

Выводы судов об обратном со ссылкой на состоявшуюся до проведения собрания уступку требований ошибочны.

Пункт 6 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило по отношению к п. 1 ст. 382 и п. 1 ст. 425 ГК РФ, согласно которому требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем только на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер.

На момент проведения спорного собрания процессуальная замена первоначальных кредиторов (общества и компании) на нового кредитора не произведена. Сама по себе замена в материальном правоотношении не наделила нового кредитора правом на участие в собрании и не ограничила право прежних до момента вынесения арбитражным судом судебного акта об их замене в реестре требований кредиторов должника правопреемником по ранее включенным требованиям.

Исходя из принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ) до проведения процессуальной замены лицо, включенное в реестр требований кредиторов, обязано выдать приобретателю требования доверенность на голосование или голосовать на общем собрании в соответствии с указаниями приобретателя (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 2 ст. 57 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах”). В рассматриваемом случае разногласия по голосованию между прежними и новым кредиторами отсутствовали.

Определение № 308-ЭС14-7166(4)

15. Арбитражный управляющий обязан возместить убытки, причиненные тем, что он, зная о реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу, не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода, и не исчислил сумму налога на добавленную стоимость, подлежащую уплате в бюджет.

В ходе процедуры конкурсного производства конкурсным управляющим реализовано имущество должника, в том числе являющееся предметом залога. Вырученные от продажи имущества денежные средства направлены управляющим на погашение реестровых требований залогового кредитора, подлежащих удовлетворению в третью очередь, а оставшаяся часть — на погашение текущих платежей.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с иском к конкурсному управляющему о возмещении убытков, причиненных при проведении процедуры банкротства. В обоснование иска уполномоченный орган сослался на то, что при перечислении реестровому и залоговому кредитору денежных средств управляющий необоснованно не уплатил в бюджет текущий налог на добавленную стоимость (далее — НДС).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда ок-

руга, в удовлетворении искового требования от-казано. Суды исходили из того, что у конкурсно-го управляющего отсутствовала обязанность по исчислению и уплате НДС, поскольку согласно п. 4¹ ст. 161 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) при реализации имущества должника, признанного в соответствии с законо-дательством Российской Федерации банкротом, налоговыми агентами по НДС выступали поку-патели имущества.

Судебная коллегия по экономическим спо-рам Верховного Суда РФ отменила названные су-дебные акты и направила дело на новое рассмот-рение в суд первой инстанции по следующим ос-нованиям.

В спорный период отсутствовала правовая неопределенность по вопросу об уплате НДС при реализации имущества должника в процедуре конкурсного производства.

Так, в соответствии с правовой позицией, из-ложенной в п. 1 постановления Пленума Высше-го Арбитражного Суда РФ от 25 января 2013 г. № 11 “Об уплате налога на добавленную стои-мость при реализации имущества должника, признанного банкротом”, НДС в отношении операций по реализации имущества (в том числе предмета залога) должника, признанного бан-кротом, подлежал исчислению должником как налогоплательщиком по итогам налогового пе-риода и уплачивался им в сроки, установленные п. 1 ст. 174 НК РФ, с учетом того, что требование об уплате названного налога относится к четвер-той очереди текущих требований.

Конкурсный управляющий, осуществляя на постоянной основе профессиональную деятель-ность в качестве арбитражного управляющего, должен был знать об этой правовой позиции.

Выводы судов о том, что на покупателей иму-щества должника как на налоговых агентов были возложены обязанности по исчислению, удержа-нию у должника-налогоплательщика и перечис-лению НДС в бюджет, не соответствуют разъяс-нениям, данным Пленумом Высшего Арбитраж-ного Суда РФ.

Более того, в рамках настоящего спора участ-вующие в деле лица не оспаривали то обстоятель-ство, что должник при реализации имущества предъявил к уплате покупателям соответствую-щую сумму НДС дополнительно к цене сделки, а покупатели перечислили должнику как цену сделки, так и сумму НДС.

По смыслу пп. 3, 4 ст. 55 НК РФ при ликвида-ции организации до истечения налогового пе-риода руководитель ликвидационной комиссии (для случаев добровольной ликвидации) или конкурсный управляющий (для случаев ликвида-ции через процедуру конкурсного производства) обязан произвести корректировку налоговых пе-риодов в соответствии с требованиями указанной нормы, определить налогооблагаемую базу и принять меры к погашению фискальных обяза-тельств, возникших в период ликвидации, в том числе по последним укороченным налоговым пе-риодам, делящимся до момента завершения лик-видации.

Окончание ликвидационной процедуры без совершения указанных действий является неправ-омерным обходом закона — необоснованным односторонним прекращением налогоплатель-щиком обязательств перед бюджетом при нали-чии налогооблагаемой базы со ссылкой лишь на формальную подачу им заявления (ходатайства) о завершении процедуры ликвидации до истече-

ния налогового периода (календарного года, ме-сяца, квартала).

Конкурсный управляющий знал о фактиче-ской реализации имущества должника в кон-курсном производстве, формирующей налого-вую базу (ст. 154 НК РФ) и, как следствие, свиде-тельствующей о наличии текущих налоговых обязательств. Однако он не предпринял мер, на-правленных на корректировку налогового пе-риода исходя из особенностей, предусмотренных на-логовым законодательством на случай ликвида-ции, не исчислил по правилам ст. 173 НК РФ сумму, подлежащую уплате в бюджет по итогам последнего налогового периода, который начал течь с начала квартала и истек в день завершения ликвидации мероприятий. Арбитражный управляющий, не представив в налоговый орган по месту учета налогоплательщика соответствую-щую налоговую декларацию, распределил кон-курсную массу без учета текущих обязательств перед бюджетом и ходатайствовал о завершении процедуры конкурсного производства.

Определение № 305-ЭС17-1599

16. Конкурсный управляющий вправе исчислить свое вознаграждение в соответствии с правилами п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, ут-вержденного постановлением Правительства РФ от 21 октября 2004 г. № 573, в том числе в случаях, когда дебиторская задолженность не была им реализована с торгов, а взыскана в интересах конкурсной массы с должника.

В рамках процедуры банкротства должника, осуществлявшейся по правилам о банкротстве отсутствующего должника (§ 2 главы XI Закона о банкротстве), конкурсный управляющий обнаружил имущество должника — денежные средства на расчетном счете, а также дебиторскую за-долженность, впоследствии погашенную в пол-ном объеме.

Полагая, что названные денежные средства формируют базу для выплаты вознаграждения в соответствии с п. 7 Положения о порядке и усло-виях финансирования процедур банкротства от-сутствующих должников, утвержденного поста-новлением Правительства РФ от 21 октября 2004 г. № 573 (далее в пункте — Положение), конкурсный управляющий перечислил себе де-нежную сумму в качестве вознаграждения за про-ведение процедуры банкротства.

Считая указанные действия незаконными, уполномоченный орган обратился в арбитраж-ный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, требуя обязать последнего также возместить убытки.

Определением суда первой инстанции, остав-ленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование удовлетворено. Суды исходили из того, что согласно буквальному толкова-нию п. 7 Положения выплата конкурсному управляющему отсутствующим должником воз-награждения в размере 10% от стоимости иму-щества должника допускается только в случае ре-ализации данного имущества.

Судебная коллегия по экономическим спо-рам Верховного Суда РФ отменила названные су-дебные акты и отказала в удовлетворении заяв-ленных требований по следующим основаниям.

В ряде случаев интересы кредиторов и долж-ника предполагают необходимость отказа от ре-ализации имущества.

Общие положения Закона о банкротстве о продаже имущества на торгах должны применяться с учетом особенностей такого объекта прав, как имущественное требование, и цели процедуры конкурсного производства, заключающейся в максимальном наполнении конкурсной массы и соразмерном удовлетворении за ее счет требований кредиторов.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий должен определить стратегию наиболее эффективного обмена на денежный эквивалент поступившего в конкурсную массу требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности (оценив ликвидность требования, размер его дисконтирования при реализации, расходы на подготовку торгов и их проведение, вероятность получения долга напрямую от контрагента, временные и финансовые затраты на такое получение и т.п.).

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий в результате подробного анализа движения денежных средств на расчетном счете должника и систематизации его контрагентов за 2012—2014 годы (по существу, не располагая первичными документами) выявил дебиторскую задолженность завода, после чего приступил к осуществлению протестной работы, итогом которой стало добровольное погашение контрагентом своего долга перед должником.

Такое поведение конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставлять спорную дебиторскую задолженность на торги.

Вместе с тем соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению. Обратный подход к толкованию п. 7 Положения мог бы спровоцировать злоупотребления со стороны конкурсных управляющих отсутствующими должниками, стимулируя их к реализации дебиторской задолженности в условиях, когда такая продажа для должника экономически нецелесообразна.

Определение № 301-ЭС17-834

17. В случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении суммы процентов по вознаграждению конкурсного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены частично, сумма вознаграждения исчислена без учета сумм удовлетворения требований залоговых кредиторов в результате оставления имущества за собой.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Для правильного исчисления размера процентов по вознаграждению конкурсного управляющего при реализации предмета залога необходимо установить, в какой пропорции размер вырученных от реализационных процедур по каждому предмету залога средств погашает требование каждого отдельного залогового кредитора. В зависимости от этой пропорции определяется процентная ставка в соответствии с п. 13 ст. 206 Закона о банкротстве, которая умножается на размер удовлетворенных требований залогового кредитора от реализации предмета залога.

При этом в случае реализации имущества по правилам п. 4¹ ст. 138 Закона о банкротстве, т.е. путем оставления такого имущества за собой, под выручкой понимается цена, по которой залоговый кредитор принимает имущество, что ошибочно не было учтено судами при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Исходя из указанной суммы, за вычетом пяти процентов текущих платежей и пятнадцати процентов платежей, погашающих требования кредиторов первой и второй очередей (при наличии таковых), отдельно исчисляется размер удовлетворенных требований каждого залогового кредитора, который в любом случае не может составлять менее 80% от суммы реализационной выручки (п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве). При реализации имущества, обеспечивающего исполнение обязательств не по кредитному договору, размер вычитаемых процентов определяется по правилам п. 1 ст. 138 Закона. Пять процентов, перечисленных кредитором на специальный счет должника, подлежат направлению на погашение текущих расходов, в число которых по смыслу абз. 5 п. 13.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» (далее — постановление № 97) входят, в частности, как расходы, связанные с сохранностью заложенного имущества, его реализацией (для процедур, введенных до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ, которым ст. 138 Закона о банкротстве дополнена п. 6), так и вознаграждение арбитражного управляющего.

Следует также отметить, что, действуя добросовестно и разумно, конкурсный управляющий обязан приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов текущих платежей (абз. 5 п. 13.1 постановления № 97).

Поскольку конкурсное производство является ликвидационной процедурой, эффективный арбитражный управляющий в целях недопущения наращивания текущей кредиторской задолженности обязан с соблюдением всех необходимых процедур (поиск, инвентаризация, оценка имущества и т.д.) в разумный срок произвести отчуждение принадлежащих должнику объектов для проведения расчетов с кредиторами.

Изложенный подход подлежит применению и к имуществу, составляющему предмет залога. В противном случае (при затягивании конкурсным управляющим реализационных процедур) происходит неоправданное увеличение текущих, в том числе эксплуатационных, расходов, которые,

будучи погашаемыми за счет основной части конкурсной массы, фактически переключаются на незалоговых кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации залогового имущества (при превышении размера обеспечиваемого требования над размером вырученных от реализации денежных средств), что не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

Следовательно, в случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

Определение № 306-ЭС17-782

Практика применения земельного законодательства

18. Судебные акты о признании незаконным отказом уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, отменены, поскольку содержащиеся в них выводы не соответствуют нормам Градостроительного кодекса РФ о первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки.

Общество является собственником объекта недвижимости — станции технического обслуживания автомобилей, расположенной на земельном участке, предоставленном обществу в аренду до 2063 года на основании договора с уполномоченным органом муниципального образования (далее — администрация).

Ссылаясь на положения подп. 6 п. 2 ст. 39³ и п. 2 ст. 39²⁰ ЗК РФ, общество обратилось в администрацию с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка под принадлежащим ему объектом недвижимости.

Администрация сообщила заявителю, что испрашиваемый земельный участок не подлежит предоставлению в частную собственность в силу п. 12 ст. 85 ЗК РФ, поскольку в соответствии с генеральным планом муниципального образования он относится к зоне зеленых насаждений общего пользования.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что на земельном участке находится объект недвижимости, принадлежащий обществу, фактическое использование земельного участка соответствует виду его разрешенного использования и перечню разрешенных видов использования, предусмотренных правилами землепользования и застройки муниципального образования, и пришли к выводу об отсутствии основания для отказа в предоставлении в собственность земельного участка на основании ст. 85 ЗК РФ. Суды также приняли во внимание, что решением законодательного органа муниципального образования были внесены изменения в правила землепользования и застройки, в соответствии с

которыми спорный участок расположен в территориальной зоне “коммунально-складская зона”, одним из видов разрешенного использования которой является размещение мастерских, предназначенных для ремонта и обслуживания автомобилей. Изменения в правила были внесены после принятия генерального плана.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст.ст. 18, 23 ГрК РФ генеральные планы включают в себя карты планируемого размещения объектов с указанием или описанием зон размещения названных объектов.

Частью 3 ст. 9, чч. 9, 10 ст. 31, п. 1 ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 1 ст. 34, ч. 15 ст. 35 ГрК РФ установлен принцип первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территорий и содержащего долгосрочные ориентиры их развития. Несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования.

Генеральный план, определяя назначение территорий исходя из планов развития территории города в целом, может не соответствовать ее фактическому использованию, допуская потенциальное изменение назначения территории, поскольку генеральные планы определяют стратегию его развития и условия формирования среды жизнедеятельности.

Исходя из изложенного, выводы судов о недоказанности отнесения спорного земельного участка к территории общего пользования со ссылкой как на правила землепользования и застройки, так и на его фактическое неиспользование по указанному назначению, нельзя признать обоснованными, соответствующими приведенным выше нормам права.

Вместе с тем исходя из содержания понятия территории общего пользования, данного в п. 12 ст. 1 ГрК РФ, и учитывая, что установленный запрет на приватизацию земель общего пользования направлен на обеспечение публичных интересов, свободного доступа граждан к местам общего пользования и природным объектам, предназначенным для удовлетворения общественных интересов населения, границы такой территории (как существующие, так и планируемые) должны быть установлены в соответствии с требованиями градостроительного законодательства. Установление границ территорий общего пользования в соответствии с ч. 1 ст. 42 ГрК РФ осуществляется при подготовке проектов планировки территории, основная часть которого включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются в том числе красные линии (ч. 3). Согласно ч. 6 ст. 43 ГрК РФ на чертежах межевания территории отображаются также красные линии, утвержденные в составе проекта планировки территории, или красные линии, утверждаемые, изменяемые проектом межевания территории в соответствии с п. 2 ч. 2 этой статьи.

Однако наличие красных линий с целью установления границ территории общего пользова-

ния, планируемой под размещение сквера (бульвара, парка) в соответствии с генеральным планом в границах спорного земельного участка, а также наличие утвержденной документации по планировке территории (проект планировки, проект межевания) суды не проверяли.

Судам следовало также проверить, отвечает ли земельный участок, испрашиваемый обществом в целях выкупа, требованиям к земельному участку, необходимому для эксплуатации объекта недвижимости, принадлежащего обществу, в том числе в отношении площади такого участка (ст. 39²⁰ ЗК РФ). В том случае, если будет установлено, что испрашиваемый участок всем требованиям не отвечает, необходимо установить, возможно ли образование земельного участка в иных границах и иной площади с соблюдением требований к образуемым или измененным земельным участкам, установленных градостроительным и земельным законодательством, в отношении которого обществом может быть реализовано его право на приобретение земельного участка в собственность.

Определение № 307-КГ16-18929

19. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, признан судом правомерным, поскольку спорный земельный участок входит в границы планируемого размещения объектов транспорта, а также автомобильных дорог федерального, регионального, межмуниципального или местного значения.

Общество обратилось в уполномоченный орган муниципального образования (далее — администрация) с заявлением о предоставлении в собственность за плату земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости общества и который предоставлен обществу в аренду.

Администрация отказала обществу в предоставлении земельного участка в собственность, сославшись на то, что в соответствии с генеральным планом муниципального образования на участке расположен объект местного значения (дорога). Красные линии, пересекающие участок и обозначающие дорогу общегородского значения, утверждены постановлением главы муниципального образования в 2009 году (далее — постановление о планировке).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суд исходил из того, что установление красных линий по границам уже сформированных для эксплуатации объектов недвижимости земельных участков нормами земельного и градостроительного законодательства не предусмотрено, поэтому в силу ст.ст. 12 и 13 ГК РФ является невозможным применение постановления о планировке; из представленных администрацией в материалы дела документов территориального планирования не усматривается, что на испрашиваемом земельном участке планируется размещение объекта местного значения — дороги, поскольку предъявленный в судебном заседании генеральный план муниципального образования, в том числе его графическая часть (схемы и чертежи), напечатан в черно-белом варианте, в то время как схема транспортной инфраструктуры предполагает условное цветное обозначение различных зон, а условные обозначения (поясни-

тельный текст на схеме) напечатаны нечитаемым мелким шрифтом, что не позволяет идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 3 п. 5 ст. 39¹⁷ ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39¹⁶ ЗК РФ.

В данной статье в числе прочих приведены следующие основания для отказа в предоставлении публичного участка в собственность физических и юридических лиц:

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок является изъятым из оборота или ограниченным в обороте и его предоставление не допускается на праве, указанном в заявлении о предоставлении земельного участка (п. 6);

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения и с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, не уполномоченное на строительство этих объектов (п. 17).

В соответствии с подп. 7 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предназначенные для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов морского транспорта, внутреннего водного транспорта, воздушного транспорта, сооружений навигационного обеспечения воздушного движения и судоходства, объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, а также автомобильных дорог федерального значения, регионального значения, межмуниципального значения или местного значения.

Пунктом 12 ст. 85 ЗК РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ “О приватизации государственного и муниципального имущества” установлен запрет приватизации земельных участков общего пользования, занятых площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными объектами, пляжами и другими объектами, которые могут включаться в состав различных территориальных зон.

В силу ч. 1 ст. 26 ГрК РФ реализация документов территориального планирования осуществляется путем подготовки и утверждения документации по планировке территории в соответствии с документами территориального планирования; создания объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения на основании документации по планировке территории.

Согласно ст. 41 ГрК РФ подготовка документации по планировке территории осуществляется в отношении застроенных или подлежащих застройке территорий в целях обеспечения устойчивого развития территорий, выделения элемен-

тов планировочной структуры (кварталов, микрорайонов, иных элементов), установления границ земельных участков, на которых расположены объекты капитального строительства, границ земельных участков, предназначенных для строительства и размещения линейных объектов.

Статьей 42 ГрК РФ предусмотрено, что подготовка проектов планировки территории осуществляется для выделения элементов планировочной структуры, установления границ территорий общего пользования, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, определения характеристик и очередности планируемого развития территории. Согласно ч. 3 названной статьи Кодекса основная часть проекта планировки территории включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются красные линии, границы существующих и планируемых элементов планировочной структуры, границы зон планируемого размещения объектов капитального строительства. Проект планировки и проект красных линий, утвержденный отдельным документом в составе документации по планировке территорий, могут быть оспорены заинтересованными лицами в судебном порядке. Пунктом 2 ч. 6 ст. 43 ГрК РФ предусмотрено, что красные линии также отображаются и на чертежах проекта межевания территорий.

Генеральный план муниципального образования и постановление о планировке, принятые до приобретения обществом в собственность объектов недвижимости, расположенных на спорном земельном участке, в установленном порядке не оспорены и не признаны недействующими. Тот факт, что спорный участок был сформирован до утверждения постановлением о планировке красных линий, обозначающих дорогу общегородского значения, не свидетельствует о незаконности оспариваемого отказа в предоставлении участка в собственность с учетом положений ст.ст. 27 и 39¹⁶ ЗК РФ. Поэтому оснований для того, чтобы не применять и не принимать во внимание данные документы, у судов не имелось.

При наличии указанных документов территориального планирования суды были не вправе признать незаконным оспариваемый отказ администрации со ссылкой на то, что представленные в судебное заседание оригиналы официального генерального плана муниципального образования, приложенные к нему схемы, напечатанные мелким шрифтом и в черно-белом варианте, не позволили суду идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги. По правилам чч. 2 и 5 ст. 66 и ст. 87¹ АПК РФ суд был вправе истребовать указанные документы от органов местного самоуправления в необходимом для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения спора, виде, а также привлечь специалиста для получения соответствующих разъяснений.

Определение № 308-КГ17-2697

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

20. В случае, когда арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора (ст. 10, п. 3 ст. 310 ГК РФ), он не может снизить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери.

Комбинат (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком на 15 лет. Арендная плата включала в себя сумму трех составляющих: базовую арендную плату, переменную арендную плату и постоянную арендную плату. Ежемесячный размер постоянной арендной платы составляет 282 344 руб. и вносится за весь срок аренды авансовым платежом в размере 50 822 033 руб.

В соответствии с условиями договора арендатор имеет право отказаться от исполнения договора, направив арендодателю уведомление о таком расторжении не менее чем за три месяца. При этом постоянная арендная плата удерживается арендодателем в качестве штрафа.

По истечении четырех лет арендатор отказался от договора аренды.

Ссылаясь на отсутствие оснований для удержания арендодателем суммы постоянной арендной платы в размере 43 032 236 руб., арендатор обратился в арбитражный суд с иском к арендодателю о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановленные судом апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования о взыскании сумм постоянной арендной платы отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Таким образом, установленный законом принцип добросовестности участников гражданского оборота должен быть ими соблюден и при прекращении договора в случае одностороннего отказа стороны от договора, в частности при регулировании размера денежной суммы, подлежащей в связи с этим выплате в соответствии с п. 3 ст. 310 ГК РФ, нарушение которого сторонами влечет в случае обращения одной из них за судебной защитой необходимость разрешения этого вопроса судом в каждом конкретном споре.

Как указано в п. 16 вышеназванного постановления Пленума, если будет доказано очевидное несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора исходя из следующих обстоятельств. Договор предполагал условие о предварительной оплате арендатором всей спорной суммы — большей части арендной платы, причитающейся арендодателю, за весь период действия договора. Получение арендодателем существенного имущества предоставленного при исполнении договора впоследствии также позволило при непродолжительном периоде пользования арендованным имуществом удерживать значительную часть уплаченной истцом суммы.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, по существу согласился с размером, установленным судом первой инстанции, но который при снижении заявленной истцом суммы руководствовался положениями ст. 333 ГК РФ, считая спорную сумму штрафом, и в результате чего взыскиваемая сумма была снижена более чем в пять раз.

Такой подход также не обеспечивает баланс интересов сторон договора, поскольку взысканная судом первой инстанции сумма фактически не устраняет для ответчика последствия отказа от договора, так как даже не восполняет утрату всех его доходов, которые он мог бы получить, предоставляя свое имущество другому лицу в период до заключения им договора аренды с новым арендатором, и, более того, не может компенсировать иные потери, которые мог понести арендодатель в этом случае.

Определение № 309-ЭС17-1058

21. В случае, когда на арендуемом земельном участке, находящемся в публичной собственности, расположен незавершенный строительством объект недвижимости, возведенный на законных основаниях и принадлежащий арендатору, ст. 622 ГК РФ не может служить основанием для возложения на арендатора обязанности по освобождению этого земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды.

В 2012 году уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее — администрация) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка в целях использования для строительства детского сада. Срок действия договора установлен до 12 марта 2015 г.

На данном земельном участке обществом возведен объект до уровня первого этажа.

В апреле 2015 г. администрация направила обществу уведомление об отказе от договора аренды и предложила обществу освободить и передать земельный участок администрации.

Отказ общества освободить земельный участок послужил основанием для обращения администрации в арбитражный суд с иском об освобождении обществом спорного участка на основании ст. 622 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции искимые требования удовлетворены. Суд исходил из прекращения договора аренды с момента истечения срока его действия и отсутствия государственной регистрации обществом права собственности на объект незавершенного строительства с низкой степенью готовности.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении искимых требований отказано. Суд пришел к выводу, что возврат зе-

мельного участка на основании ст. 622 ГК РФ невозможен, поскольку на нем расположен объект незавершенного строительства, обладающий признаками капитального строения, возведенного на законных основаниях.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем по крайней мере полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Обществом на законных основаниях в соответствии с договором аренды земельного участка и разрешением на строительство на спорном земельном участке возведен объект до уровня первого этажа, поэтому возведенный объект является недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) независимо от государственной регистрации прав на нее.

Следовательно, ст. 622 ГК РФ не может быть применена к рассматриваемым отношениям и служить основанием для возложения на общество обязанности по освобождению земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды земельного участка.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Эксплуатация и обслуживание объекта недвижимости возможны только на земельном участке, специально сформированном для этих целей.

В соответствии со ст. 271 ГК РФ собственник здания, сооружения или иной недвижимости, находящейся на земельном участке, принадлежащем другому лицу, имеет право пользоваться предоставленным таким лицом под эту недвижимость частью земельного участка.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2011 г. № 10661/10,

принятие публичными органами распорядительных актов, разрешающих осуществление строительства, следует расценивать как согласие публичного образования, от имени которого они действуют, с размещением на принадлежащем ему земельном участке объекта недвижимого имущества, в то время как возвращение участка предполагает его освобождение от находящегося на нем недвижимого имущества, что нарушает права и законные интересы арендатора.

Схожая правовая позиция сформулирована в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 февраля 2011 г. № 14381/10, согласно которой прекращение договора аренды, в том числе в связи с отказом от договора со стороны арендодателя, не лишает арендатора права пользования земельным участком, необходимым для эксплуатации принадлежащей ему недвижимости.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 “Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды”, истечение срока действия договора аренды земельного участка не препятствует государственной регистрации права собственности на созданный в период действия договора аренды объект незавершенного строительства.

Таким образом, требования администрации об освобождении земельного участка от объекта недвижимости фактически направлены на необоснованное лишение общества права осуществить государственную регистрацию права собственности на объект незавершенного строительства в соответствии с п. 4 ст. 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”.

Определение № 304-ЭС16-20773

22. Лицо, совершившее противоправные умышленные действия по двойной продаже одного объекта, обязано возместить причиненные этим убытки лицу, являвшемуся конечным покупателем этого объекта по одной из цепочек перепродаж, однако не приобретшему на него право собственности.

Обществу уполномоченным органом предоставлен земельный участок для строительства многоквартирного дома. Общество заключило договор подряда с компанией-1 (подрядчик), по условиям которого в качестве оплаты подрядчику передается в собственность 105 жилых помещений в многоквартирном доме. Компания-1 заключила инвестиционный контракт с фирмой (инвестор), в соответствии с которым передала инвестору ряд жилых помещений в этом многоквартирном доме. Фирма передала в собственность физическому лицу-1 одну из квартир.

В отношении той же квартиры, что была передана фирмой в собственность физическому лицу-1, общество заключило договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с компанией-2. По цепочке сделок данную квартиру приобрело физическое лицо-2, которое купило ее у физического лица-3.

Решением суда признана недействительной цепочка сделок, направленных на приобретение квартиры физическим лицом-2, признано право собственности физического лица-1 на спорную квартиру, право собственности физического лица-2 на спорный объект прекращено.

Решением суда по другому делу в связи с признанием недействительным договора купли-продажи с физического лица-3 в пользу физического лица-2 взыскано 5400 тыс. рублей. В рамках исполнительного производства решение исполнено частично (182 181 руб.), исполнительное производство окончено.

Ссылаясь на положения ст. 1064 ГК РФ, физическое лицо-2 (далее также — заявитель) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества его требования о взыскании убытков в размере 10 296 818 руб. По мнению заявителя, указанная денежная сумма составляет расходы на приобретение квартиры, аналогичной утраченной в результате противоправных действий общества по отчуждению одного объекта дважды разным лицам.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что заявитель реализовал свое право на судебную защиту путем обращения с иском к продавцу по сделке купли-продажи, оснований считать продавца и общество солидарными должниками на основании ст. 1080 ГК РФ не имеется, поскольку общество и физическое лицо-3 не действовали совместно, между действиями общества и убытками заявителя отсутствует прямая причинно-следственная связь.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Именно действия общества послужили причиной (источником) возникновения ситуации, в результате которой заявитель понес имущественные потери. Согласованность же действий участников цепочки перепродаж могла иметь значение лишь для целей привлечения этих лиц к солидарной ответственности вместе с должником (ст. 1080 ГК РФ).

Наступление деликтной ответственности лица, совершившего противоправное действие (бездействие), в частности двойное отчуждение объекта недвижимости, не может зависеть от случайного факта (дальнейшей цепочки перепродаж).

Предъявление иска к продавцу и присуждение к взысканию с последнего в пользу заявителя уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке. Обратное ведет к неправомерному отказу в судебной защите и восстановлении нарушенных прав.

Определение № 303-ЭС16-19319

Практика применения законодательства о налогах и сборах

23. Налогоплательщик несет ответственность за неисполнение обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных обособленных подразделениях в соответствии со ст. 126 НК РФ, а не п. 2 ст. 116 НК РФ.

В ходе проведения проверки налоговым органом установлено, что общество не осуществило постановку на налоговый учет по месту нахождения двух обособленных подразделений, через ко-

торые осуществлялась хозяйственная деятельность в проверяемый налоговый период.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения налогоплательщика к ответственности по п. 2 ст. 116 НК РФ в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа о привлечении к ответственности незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного обществом требования отказано. Суды исходили из того, что налогоплательщиком на территории иных муниципальных образований созданы стационарные рабочие места на срок более одного месяца, где осуществлялась предпринимательская деятельность без постановки на налоговый учет, в связи с чем пришли к выводу о наличии в действиях налогоплательщика состава налогового правонарушения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Непредставление в установленный срок налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в налоговые органы документов и (или) иных сведений, предусмотренных Налоговым кодексом РФ и иными актами законодательства о налогах и сборах, если такое деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст.ст. 119, 129⁴ и 129⁶ НК РФ, а также пп. 1¹ и 1² ст. 126 НК РФ, влечет ответственность, предусмотренную п. 1 ст. 126 НК РФ.

Из п. 2 ст. 116 НК РФ следует, что данной нормой установлена ответственность за ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе как одного из видов нарушений порядка постановки на указанный учет.

Порядок постановки на учет и снятия с учета организаций и физических лиц установлен ст.ст. 84, 85 НК РФ, в которых содержится упоминание о том, что в целях проведения налогового контроля организации ставятся на учет не только по месту своего нахождения, но и по месту нахождения обособленных подразделений.

Однако взаимосвязанные положения подп. 2 п. 1 и подп. 3 п. 2 ст. 23 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель различает обязанность налогоплательщика встать на учет в налоговых органах и обязанность сообщить в налоговый орган обо всех обособленных подразделениях российской организации, созданных на территории Российской Федерации.

Непредставление же налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, образует событие правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 НК РФ.

Следовательно, в том случае, когда допущенное организацией нарушение порядка постановки на налоговый учет выражается в неисполнении обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных на территории Российской Федерации обособленных подразделениях, такие действия подлежат квалификации по ст. 126 НК РФ.

Пункт 2 ст. 116 НК РФ предусматривает в качестве санкции за ведение деятельности без по-

становки на учет в налоговом органе взыскание штрафа в размере 10% от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 тыс. рублей.

Сам факт установления законодателем приведенной санкции позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное в п. 2 ст. 116 НК РФ изъятие соответствующей части дохода организации или индивидуального предпринимателя сопряжено с отсутствием у налогового органа возможности идентифицировать налогоплательщика в рамках налогового контроля и, соответственно, определить, какие налоги и в каком размере должен уплатить налогоплательщик в связи с ведением сокрытой от налогообложения деятельности.

В том случае, когда у налогового органа имеется возможность определить размер налоговой обязанности организации или индивидуального предпринимателя, соответствующее лицо подлежит привлечению к ответственности, предусмотренной ст. 122 НК РФ за неуплату (неполную уплату) налогов.

В рамках налоговой проверки инспекция установила величину доходов, полученных налогоплательщиком через обособленные подразделения, при этом обществом не было допущено неполной уплаты налогов от деятельности, осуществляемой через названные обособленные подразделения.

При таких обстоятельствах у налогового органа отсутствовали законные основания для привлечения общества к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 116 НК РФ, и применения к налогоплательщику санкции в виде изъятия части дохода, с которого обществом уплачены налоги.

Определение № 303-КГ17-2377

Практика применения законодательства о защите конкуренции и о контрактной системе в сфере закупок товаров для государственных и муниципальных нужд

24. При отсутствии утвержденного в соответствии с законодательством перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется согласно их торговому наименованию, государственный и муниципальный заказчики вправе приобретать медицинские препараты по торговому наименованию при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах.

Уполномоченный орган (далее — заказчик) опубликовал извещение о проведении электронного аукциона и сопутствующую аукционную документацию на право заключения контракта на поставку лекарственного препарата “Инсулин растворимый (человеческий генно-инженерный)”, торговое наименование Инсуман Рапид ГТ, раствор для инъекций, 100 МЕ/мл 3 мл № 5.

Антимонопольный орган принял решение, в соответствии с которым в действиях заказчика установлены нарушения п. 6 ч. 1 ст. 33, п. 1 ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе), поскольку описание объекта закупки с использованием торгового наименования лекарственного препарата конкретного производителя ограничивает количество участников закупки.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закупка лекарственных средств в соответствии с их торговыми наименованиями возможна в случае осуществления данной закупки в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 83 Закона о контрактной системе (осуществление закупки лекарственных препаратов, которые необходимы для назначения пациенту при наличии медицинских показаний), а также в случае закупки лекарственных средств, входящих в перечень лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями.

Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1086 утверждены Правила формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями (далее — Правила). Однако данный перечень лекарственных средств до настоящего времени Правительством РФ не утвержден.

Вместе с тем согласно п. 2 Правил основанием для включения лекарственного средства в перечень является невозможность замены лекарственного средства в рамках одного международного непатентованного наименования лекарственного средства или при отсутствии такого наименования химического, группировочного наименования, определяемая с учетом показателей эффективности и безопасности лекарственных препаратов. Основанием для исключения лекарственного средства из перечня является возможность такой замены.

Из документации об аукционе следует, что установление заказчиком в описании объекта проводимой закупки требования к торговому наименованию обусловлено необходимостью обеспечения названным препаратом пациентов, а его замена невозможна.

Не обладая специальными познаниями в рассматриваемой области медицины, антимонопольный орган в обоснование правомерности его вывода о нарушении заказчиком требований действующего законодательства обязан представить надлежащие доказательства (ст.ст. 67, 68 АПК РФ), опровергающие доводы заказчика о несовместимости и невзаимозаменяемости препаратов, содержащих инсулин. Такие доказательства антимонопольным органом суду представлены не были.

Таким образом, формирование документации на закупку препаратов инсулина осуществлялось заказчиком в целях достижения максимального результата лечения заболеваний, с соблюдением принципов, закрепленных ст. 41 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах здоровья граждан в Российской Фе-

дерации”, предусматривающих обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, приоритет интересов пациента, доступность и качество при оказании медицинской помощи.

Отсутствие утвержденного в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе перечня лекарственных средств не исключает возможности приобретения заказчиком медицинских препаратов по торговому наименованию, при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах, и не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П).

Определение № 310-КГ17-1939

25. В силу чч. 9, 10 ст. 17¹ Федерального закона “О защите конкуренции” преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 указанной статьи, т.е. по результатам проведения конкурса или аукциона.

Обществом и уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (далее — департамент) в 2004 году заключен договор аренды нежилого помещения, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, сроком на 5 лет. В 2009 году дополнительным соглашением срок договора продлен до 1 июля 2015 г.

В 2014 году за государственным унитарным предприятием зарегистрировано право хозяйственного ведения на указанное помещение. Письмом от 31 марта 2015 г. предприятие уведомило общество о расторжении договора аренды.

Решением антимонопольного органа предприятие признано виновным в нарушении ч. 9 ст. 17¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции) ввиду отказа в реализации права арендатора на заключение договора аренды помещения на новый срок, предприятию предписано заключить с обществом договор аренды на новый срок.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что по истечении срока действия договора аренды государственного или муниципального имущества, принадлежащего на праве хозяйственного ведения государственному унитарному предприятию, арендодатель не вправе отказать арендатору, надлежащим образом исполнявшему свои обязанности, в заключении договора аренды на новый срок (если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации) без проведения конкурса, аукциона (при одновременном соблюдении условий о сроке и порядке определения размера арендной платы, предусмотренных ч. 9 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции), за исключением случаев, прямо предусмотренных в ч. 10 указанной статьи.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление предпринятия, признав решение и предписание антимонопольного органа недействительными, по следующим основаниям.

В силу чч. 9, 10 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, т.е. по результатам проведения конкурса или аукциона.

При заключении договора на новый срок, в том числе при продлении срока действия договора путем подписания дополнительного соглашения, у сторон возникают новые правоотношения, которые в соответствии с п. 1 ст. 422 ГК РФ должны соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим на момент их возникновения.

Таковыми правилами наряду со ст. 17¹ Закона о защите конкуренции являлись положения ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции (в редакции Федерального закона, действовавшего до 1 июля 2013 г.), в соответствии с которыми до 1 июля 2015 г. разрешалось заключение на новый срок без проведения конкурсов или аукционов договоров аренды, указанных в чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции и заключенных до 1 июля 2008 г. с субъектами малого или среднего предпринимательства при условии отсутствия на момент заключения такого договора аренды на новый срок оснований для его досрочного расторжения, предусмотренных гражданским законодательством. При этом заключение предусмотренных данной нормой договоров аренды возможно на срок не более чем до 1 июля 2015 г. Таким образом, на всех остальных арендаторов данная преференция не распространялась и заключение на новый срок договоров аренды, заключенных до 1 июля 2008 г. вне процедуры торгов, было возможно только по правилам чч. 1 и 3 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции.

В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 144-ФЗ ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции утратила силу с 1 июля 2013 г. В настоящий момент заключение договоров на новый срок (которые были заключены до 1 июля 2015 г.), предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества по правилам, предусмотренным чч. 9—11 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, допускается только в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (ч. 4¹ ст. 53 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, законодатель установил условия перезаключения на новый срок договоров аренды государственного и муниципального имущества, ограничив возможность заключения названных договоров без проведения публичных процедур только для определенной категории субъектов предпринимательской деятельности.

Судами установлено и подтверждается материалами дела, что договор аренды в 2004 году был заключен обществом без соблюдения публичных процедур до вступления в силу ст. 17¹ Закона о

защите конкуренции. Являясь субъектом малого предпринимательства, общество реализовало свое право на перезаключение договора аренды помещения на новый срок до 1 июля 2015 г. без торгов, тем самым реализовав преимущества, установленные ст. 53 Закона о защите конкуренции. Между тем оснований для неоднократного перезаключения арендаторами договоров аренды государственного и муниципального имущества, минуя конкурентные процедуры, предусмотренные ч. 1 ст. 17¹ Закона о защите конкуренции, действующим законодательством не предусмотрено. На основании вышеизложенного действия предпринятия по отказу в реализации права общества (арендатора) на заключение договора аренды помещения на новый срок являются законными и обоснованными.

Определение № 305-КГ17-2739

Практика применения таможенного законодательства

26. Законодательством о правонарушениях в сфере таможенных отношений не предусмотрена ответственность за ввоз товара в меньшем объеме и количестве, чем задекларировано, если такое деяние не привело к неуплате таможенных платежей, нарушению запретов и ограничений и иному ущербу.

Решением таможенного органа обществу отказано в выпуске товара для внутреннего потребления, поскольку таможенная декларация содержала недостоверные сведения о количественных характеристиках товара (вес брутто, вес нетто и рабочая площадь). Сведения в декларации указаны в большем значении, чем установлено при таможенном досмотре, т.е. товар ввозится фактически в меньшем объеме и весе, чем указано в декларации.

При этом таможенные платежи уплачены обществом в отношении заявленного, а не фактически ввезенного товара, т.е. в большем размере.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения таможенного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Отказ в выпуске товаров в связи с их ввозом в меньшем объеме (весе), чем указано в декларации, по существу приобретает характер санкции, применяемой к субъекту внешнеэкономической деятельности и состоящей в ограничении права такого субъекта на использование ввозимых товаров в гражданском обороте.

Между тем выявленное расхождение в весе и объеме товара в сторону их уменьшения при ввозе на таможенную территорию Таможенного союза, исходя из фактических обстоятельств настоящего дела (при отсутствии нарушений запретов и ограничений), не свидетельствует о наличии в действиях заявителя состава правонарушения в понимании п. 2 ст. 201 ТК ТС.

Любое привлечение к ответственности за нарушение норм таможенного законодательства по смыслу ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержа-

шее все признаки состава правонарушения, предусмотренные законом.

Также необходимо учитывать критерии необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод участников экономического оборота конституционно значимым целям (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П).

Согласно действующим нормам таможенного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и судебной практике их применения, а также практике применения их самими таможенными органами недостоверное декларирование в части заявления недостоверных сведений о весе, объеме товара признается элементом состава правонарушения только при заявлении сведений в меньших размерах, объеме, количестве, поскольку такое деяние направлено на ввоз товара, не оплаченного таможенными пошлинами и налогами, либо состоит в ввозе товара в нарушение квотирования или иных запретов или ограничений (глава 16 КоАП РФ). Во всех этих случаях в качестве необходимого элемента объективной стороны состава правонарушения выступает вред общественным отношениям, т.е. причинение ущерба публичному порядку.

Ввоз товара в меньшем объеме, чем задекларировано, при условии оплаты таможенных пошлин и налогов, соблюдения всех условий и ограничений, иных требований таможенного режима в отношении ввезенного товара, не называется законодателем в качестве признака объективной стороны такого правонарушения, как недостоверное декларирование. Кроме того, в данном случае отсутствует какой-либо вред общественным отношениям, поскольку такая ошибка в декларировании не влияет на исчисление таможенных платежей в отношении фактически ввезенного объема, количества товара, таможенные платежи в объеме, соответствующем ввезенному товару, уплачены.

Определение № 308-КГ16-21316

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. Лицо, оказывающее поставщику товаров (работ, услуг) иные услуги помимо услуг по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику, не является платежным агентом и не может быть привлечено к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ.

На основании заключенного с перевозчиком договора общество за вознаграждение осуществляло деятельность по продаже билетов с получением от физических лиц денежных средств и перечислением этих средств перевозчику.

Постановлением налогового органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды признали общество платежным агентом в силу положений Федерального закона от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ “О деятельности по приему платежей физических лиц, осуще-

ствляемой платежными агентами” (далее — Закон № 103-ФЗ). Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, поскольку общество в нарушение требований чч. 14, 15 ст. 4 Закона № 103-ФЗ осуществляет упомянутую деятельность без использования специального банковского счета.

Определением арбитражного суда округа прекращено производство по кассационной жалобе общества применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 282 АПК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Из положений Закона № 103-ФЗ следует, что деятельность платежного агента заключается только в приеме от физических лиц денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств этих лиц перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), и последующем перечислении платежным агентом этих средств поставщику товаров (работ, услуг). При этом платежный агент не принимает участия в оказании услуг между плательщиком и поставщиком услуг и не оказывает иных самостоятельных услуг, кроме приема и передачи денежных средств. Согласно ст. 1 Закона № 103-ФЗ принятие платежей от физических лиц не во всех случаях порождает обязанность открыть специальный расчетный счет.

Таким образом, действие этого Закона распространяется на отношения, связанные с оказанием платежным агентом единственной услуги — услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику товаров (работ, услуг).

В рамках заключенного с перевозчиком договора на агентские услуги по продаже билетов по междугородным маршрутам осуществляемая обществом деятельность, помимо продажи билетов на междугородные маршруты перевозчика, включает в себя оказание обществом услуг по информированию пассажиров по всем вопросам, касающимся междугородних перевозок (об отправлении/прибытии автотранспортного средства, наличии свободных мест, предварительной и иной продаже билетов и др.); осуществлению отметок в путевых листах автотранспорта, принадлежащего перевозчику; обеспечению стоянки автотранспорта перевозчика; предоставлению заявок на дополнительные туристические услуги и др. При этом общество является организацией, осуществляющей самостоятельный вид деятельности — услуги автовокзала, обязательства предоставления которых возникают у общества перед физическими лицами, приобретшими билеты перевозчика.

Следовательно, общество не может быть признано платежным агентом, на которого распространяется действие Закона № 103-ФЗ, поскольку общество в рамках указанного договора оказывает перевозчику иные услуги, помимо продажи билетов на междугородные маршруты перевозчика.

Определение № 302-АД16-16468

28. Действия органа по сертификации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являются нарушением законодательства о техническом регулиро-

вании и не образуют состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

В ходе внеплановой документарной проверки органа по сертификации (далее — организация) административный орган установил, что организация выдала обществу сертификат соответствия, подтверждающий соответствие продукции требованиям Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 020/2011 “Электромагнитная совместимость технических средств”, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 879 (далее — ТР ТС 020/2011). Общество является представителем иностранного изготовителя продукции по обеспечению соответствия продукции требованиям технических регламентов на территории Таможенного союза на основании соглашения (далее — уполномоченное изготовителем лицо).

Согласно положениям п. 1 ст. 7 ТР ТС 020/2011 подтверждение соответствия продукции осуществляется по схемам в соответствии с Положением о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия в технических регламентах Таможенного союза, утвержденным Решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 г. № 621 (далее — Положение о порядке применения типовых схем оценки).

Процедура соответствия продукции проводилась по предусмотренной Положением о порядке применения типовых схем оценки схеме сертификации 1С, которая устанавливает, что в качестве заявителя на проведение сертификации продукции на соответствие требованиям технических регламентов может выступать изготовитель, в том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Поскольку в нарушение схемы сертификации 1С заявителем, обратившимся в организацию за подтверждением соответствия продукции, являлось уполномоченное изготовителем лицо, а не сам изготовитель продукции, административный орган пришел к выводу о выдаче организацией сертификата соответствия продукции ненадлежащему лицу.

Указанные обстоятельства послужили основанием для составления административным органом в отношении организации протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с заявлением о привлечении организации к административной ответственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, организация привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления административного органа о привлечении организации к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, по следующим основаниям.

Заявителем на проведение работ по сертификации в рассматриваемом случае являлось уполномоченное на основании соглашения иностранным изготовителем лицо.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). Согласно п. 1 ст. 99 этого Договора международные договоры государства-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу настоящего Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей настоящему Договору.

В соответствии с разделом X “Техническое регулирование” Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе), который определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза (далее — Протокол о техническом регулировании).

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании уполномоченное изготовителем лицо — это зарегистрированные в установленном законодательством государства-члена порядке на его территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Пункт 5 Протокола о техническом регулировании устанавливает, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Таким образом, указанные положения Договора о Евразийском экономическом союзе, измененного с 1 января 2015 г. круг лиц, которые могут выступать в качестве заявителей при сертификации продукции, устанавливают, что при оценке соответствия требованиям технических регламентов продукции иностранного изготовителя заявителем на проведение работ по сертификации может быть только уполномоченное таким изготовителем лицо.

На момент составления административным органом протокола об административном правонарушении, а также на момент вынесения судом первой инстанции решения о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ действия организации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являлись нарушением законодательства о техническом регулировании и, соответственно, не образовывали состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Определение № 305-АД16-19542

Процессуальные вопросы

29. В случае направления стороной жалобы о пересмотре судебного акта в кассационном порядке в Верховном Суде РФ последним судебным актом для целей применения ст. 112 АПК РФ является определение об

отказе в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ либо определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Решением суда первой инстанции от 3 декабря 2014 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании с компании неосновательного обогащения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 1 апреля 2015 г., оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа от 6 июня 2015 г., названное решение суда отменено, иск удовлетворен частично.

Определением Верховного Суда РФ от 14 сентября 2015 г. отказано в передаче кассационной жалобы общества на названные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Общество 2 марта 2016 г. обратилось в суд первой инстанции с заявлением о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества оставлено без удовлетворения. Суды пришли к выводу о пропуске обществом шестимесячного срока на подачу этого заявления, исчисленного с 6 июня 2015 г., т.е. с даты вынесения постановления арбитражного суда округа как последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу. Суды констатировали, что с учетом выходных и праздничных дней срок для подачи заявления о взыскании судебных расходов истек 11 января 2016 г. Ходатайство о восстановлении срока общество не заявляло.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разъяснения о том, какой судебный акт считать последним, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока, установленного ст. 112 АПК РФ, содержатся в п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 “О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ “О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации”. Из абз. 1 и 4 п. 30 указанного постановления следует, что по общему правилу последним судебным актом является решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты. Однако в случае направления стороной заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора последним судебным актом по ранее действовавшему процессуальному законодательству являлось определение Высшего Арбитражного Суда РФ об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ или постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Таким образом, лицу, требующему возмещения судебных расходов, процессуальным зако-

ном гарантировалось такое право по результатам последовательного рассмотрения дела в судебных инстанциях.

Оснований полагать, что эти гарантии снизились с изменением процессуального законодательства и включением в Арбитражный процессуальный кодекс РФ норм, предусматривающих возможность пересмотра судебных актов арбитражных судов Верховным Судом РФ в порядке кассационного производства, не имеется.

Напротив, из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела” следует, что высшая судебная инстанция указала на судебный акт кассационной инстанции как на один из возможных актов, завершающих производство по делу (п. 1), и подтвердила право участвующего в деле лица обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении, после принятия итогового судебного акта по делу (п. 28).

В связи с тем, что определение Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии вынесено 14 сентября 2015 г., а заявление о возмещении судебных расходов подано обществом 2 марта 2016 г., у судов не было оснований для вывода о пропуске шестимесячного срока на его подачу.

Определение № 305-ЭС15-11039

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Назначение наказания

30. По смыслу ст. 53 УК РФ осужденные не вправе совершать действия, установленные им в качестве ограничений при отсутствии на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

По приговору суда Р., ранее судимый 2 августа 2012 г. по ч. 3 ст. 264 УК РФ к двум годам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ, условно, с испытательным сроком на два года, осужден к лишению свободы: по ч. 1 ст. 209 УК РФ на одиннадцать лет с ограничением свободы на один год с установлением перечисленных ограничений; по п. “а” ч. 4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 19, 29 мая, 10 июня 2014 г. преступлений) на восемь лет шесть месяцев с ограничением свободы на девять месяцев, с установлением перечисленных ограничений; по п. “а” ч. 4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 26 мая, 19 июня 2014 г. преступлений) на девять лет шесть месяцев с ограничением свободы на один год, с установлением перечисленных ограничений; по ч. 3 ст. 30, п. “а” ч. 3 ст. 161 УК РФ на шесть лет шесть месяцев с ограничением свободы на шесть месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний Р. назначено тринадцать лет лишения свободы с ограничением свободы на один год девять месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

В соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного сложения наказания, назначенного по дан-

ному приговору, с неотбытой частью наказания по приговору суда от 2 августа 2012 г., отменив условное осуждение, Р. окончательно назначено четырнадцать лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на один год девять месяцев, с установлением ограничений: не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, с возложением обязанности 2 раза в месяц являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор в части назначенного Р. наказания, указав следующее.

По смыслу ст. 53 УК РФ осужденные не вправе совершать те либо иные действия, установленные им в качестве ограничений при условии отсутствия на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Между тем, установив осужденным ограничения, суд указал, что лишь одно из них — не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток — они не могут осуществить без согласия специализированного государственного органа, а другие запреты для них — не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, — указаны как безусловные ограничения, что противоречит положениям ст. 53 УК РФ, предоставляющей право на совершение этих действий, но при согласии органа, ведающего исполнением наказания данного вида.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении Р. и указала в части назначенного ему дополнительного наказания за каждое преступление и по их совокупности на невозможность совершения всех установленных им в качестве ограничений действий без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Определение № 4-АПУ17-2

31. При назначении ограничения свободы в виде основного наказания с последующим применением положений ст.ст. 69 и 71 УК РФ суд обязан установить не только срок этого вида наказания, но и сам перечень ограничений.

По приговору суда А. осужден по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 115 УК РФ к ограничению свободы на один год, по п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ — на тринадцать лет лишения свободы с ограничением свободы на один год, по ч. 2 ст. 214 УК РФ — к ограничению свободы на два года.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных основных наказаний по правилам п. “б” ч. 1 ст. 71 УК РФ окончательно назначено четырнадцать лет лишения свободы с ограничением свободы на один год, с установлением ограничений: не выезжать за территорию соответствующего месту его регистрации муниципального

образования, не изменять место жительства, учебы или работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в этот орган 2 раза в месяц для регистрации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного А., изменила приговор в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Назначив ограничение свободы по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ в качестве основного наказания, а по п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ как дополнительное наказание, суд после применения положений ч. 3 ст. 69 УК РФ установил ограничения, относящиеся только к ограничению свободы как к дополнительному виду наказания.

Между тем при назначении ограничения свободы в виде основного наказания суду следовало указать конкретно территорию — населенный пункт или муниципальное образование, за пределы которой осужденному запрещается выезжать, и такое ограничение является одним из обязательных.

В связи с тем, что по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ суд назначил только срок ограничения свободы, не установив конкретные ограничения, подлежащие возложению на осужденного, данное наказание не может считаться назначенным.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении А. и исключила указание о назначении ему наказания по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 214 УК РФ, а также по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ. Этот же приговор в части осуждения А. по п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ оставила без изменения.

Определение № 77-АПУ17-4

Процессуальные вопросы

32. Понятым не может являться родственник лица, проводящего следственное действие.

Ш. признан виновным в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы и осужден по ч. 1 ст. 30 и п. “а” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Ш. просил об исключении из числа доказательств протоколов всех следственных действий, в которых принимал участие в качестве понятого З., в связи с нарушением требований ч. 2 ст. 60 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ш. и исключила из числа доказательств его виновности по ч. 1 ст. 30 и п. “а” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ протокол добровольной выдачи сим-карты, составленный с участием понятого З., по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ понятыми не могут быть участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники.

Из материалов уголовного дела усматривается, что суд в приговоре сослался на протокол добровольной выдачи Ш. сим-карты МТС как на доказательство виновности Ш. в содеянном.

Между тем участвовавший в качестве понятого при проведении данного следственного действия З. являлся родственником оперуполномоченного И., проводившего данное оператив-

но-розыскное мероприятие, что в силу требований закона должно рассматриваться как препятствие для участия З. в проведении указанного следственного действия, ставящего под сомнение допустимость полученных по итогам его проведения результатов.

Допрошенный в ходе судебного разбирательства З. не отрицал наличие родственных связей с оперуполномоченным И., проводившим следственные действия по делу.

Несмотря на исключение указанного выше протокола, оснований для отмены судебных решений не имеется, поскольку в приговоре судом приведены другие достаточные доказательства, подтверждающие совершение осужденным приготовления к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы.

Определение № 11-УД17-3

33. В соответствии с требованиями ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке оправдательного приговора допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу (с учетом требований ч. 2 ст. 390 УПК РФ).

Апелляционным приговором от 8 апреля 2015 г. обвинительный приговор мирового судьи в отношении Г. отменен и он был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением президиума Верховного Суда Чеченской Республики от 27 июля 2016 г. оправдательный апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г. отменен по кассационной жалобе потерпевшего, а уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, отменила постановление президиума от 27 июля 2016 г. и последующие за ним судебные решения, указав следующее.

В соответствии с требованиями ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Президиум Верховного Суда Чеченской Республики, принимая 27 июля 2016 г. решение об отмене оправдательного апелляционного приговора и о направлении уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение, не учел, что предусмотренный ст. 401⁶ УПК РФ годичный срок, в течение которого допускается поворот к худшему при рассмотрении дела в кассационном порядке, истек 8 апреля 2016 г.

Указанное нарушение, допущенное президиумом Верховного Суда Чеченской Республики при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, в силу положений ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ является существенным нарушением уголов-

но-процессуального закона, влекущим отмену постановления президиума.

Апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г., по которому Г. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления, оставлен без изменения.

Определение № 20-УД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

34. Действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, присужденных гражданину, на банковский счет его представителя.

Определением суда с Минфина России в пользу Г. взысканы судебные расходы.

Представитель Г., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности, обратился в Минфин России с заявлением, в котором просил перечислить взысканные на основании названного судебного акта денежные средства на свой банковский счет.

Минфин России в удовлетворении указанного заявления отказал, ссылаясь на то, что эти денежные средства могут быть перечислены только на счет самого взыскателя.

Указанное решение было оспорено в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено. Оспариваемое решение Минфина России признано незаконным, на названный орган возложена обязанность исполнить определение суда посредством перечисления взысканных денежных средств на банковский счет представителя Г., действующего на основании нотариально удостоверенной доверенности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» условия и порядок исполнения судебных актов по передаче гражданам, организациям денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации устанавливаются бюджетным законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 242¹ БК РФ к исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копия судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию.

Заявление подписывается взыскателем либо его представителем с приложением доверенности или нотариально удостоверенной копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя.

Таким образом, действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации,

присужденных взыскателю, на банковский счет его представителя, поскольку участником рассматриваемых правоотношений является именно взыскатель.

При этом данное обстоятельство не лишает представителя взыскателя возможности получения денежных средств с банковского счета взыскателя при наличии соответствующих полномочий, указанных в доверенности.

Кроме того, судом не установлено наличие обстоятельств, препятствовавших административному истцу, являющемуся взыскателем, представить в уполномоченный орган заявление с указанием реквизитов своего банковского счета.

Таким образом, правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 18-КГ17-126

35. Права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным Законом.

В этой связи срок нахождения недвижимого имущества в собственности физического лица для целей налогообложения исчисляется с момента возникновения права собственности такого лица на это имущество в соответствии с требованиями ранее действовавшего законодательства.

В сентябре 1997 г. Б. на основании договора купли-продажи приобретено жилое помещение. Свидетельство о государственной регистрации права собственности на это помещение получено в 2010 году.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском о взыскании с Б. недоимки по налогу на доходы физических лиц, ссылаясь на неуплату суммы этого налога в связи с продажей указанного недвижимого имущества, находившегося в собственности налогоплательщика менее срока, необходимого для освобождения от налогообложения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ названные судебные акты отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” закреплено, что права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного Закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным Законом.

Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей. Государственная регистрация прав, осуществляемая в отдельных субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до вступления в силу названного Закона, является юридически действительной.

Согласно п. “г” § 1 Инструкции о порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР, утвержденной приказом Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 21 февраля 1968 г. № 83, в целях учета

принадлежности строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР бюро технической инвентаризации исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся ведут по установленным формам реестры и производят регистрацию строений, в том числе жилых домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

При рассмотрении административного дела судом не учтено, что спорное недвижимое имущество приобретено Б. на основании договора купли-продажи в сентябре 1997 г., договор удостоверен нотариусом и зарегистрирован в бюро технической инвентаризации в соответствии с ранее действовавшим законодательством.

Таким образом, право собственности Б. на объект недвижимого имущества возникло до вступления в силу Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”.

При таких обстоятельствах сам по себе факт получения Б. свидетельства о государственной регистрации права собственности на квартиру в 2010 году не имеет правового значения при разрешении вопроса о сроке нахождения недвижимого имущества в собственности налогоплательщика для целей налогообложения.

Определение № 18-КГ17-40

36. Отсутствие возможности формирования земельного участка, в том числе для индивидуального жилищного строительства, в границах муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения и его статусом.

Законом субъекта Российской Федерации предусмотрено, что многодетный гражданин имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории муниципального образования, в котором многодетный гражданин имеет место жительства, за исключением территории закрытых административно-территориальных образований.

Многодетный гражданин, имеющий место жительства на территории закрытого административно-территориального образования, имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории любого муниципального образования этого субъекта Российской Федерации, за исключением города К.

Прокурор обратился в суд с административным иском о признании недействующими со дня вступления решения суда в законную силу приведенных законоположений в той мере, в какой они ограничивают право многодетного гражданина на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории закрытых административно-территориальных образований и города К.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указанное решение суда первой инстанции отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав следующее.

Исходя из положений ст. 15 ЗК РФ, земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены в собственность граждан, за исключением земельных участков, которые в соответствии с Кодексом, федеральными законами не могут находиться в частной собственности.

Так, земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами (абз. 2 п. 2 ст. 27 ЗК РФ).

Предусмотренное подп. 6 ст. 39⁵ ЗК РФ право граждан, имеющих трех и более детей, на предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не отменяет особенностей оборота этих земельных участков.

Земельный кодекс РФ предписывает исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления предпринимать необходимые меры по предоставлению земельных участков для удовлетворения потребностей населения в развитии жилищного строительства за пределами закрытого административно-территориального образования.

При этом в закрытом административно-территориальном образовании устанавливается особый режим использования земель (п. 4 ст. 93 ЗК РФ).

Для реализации права на получение в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства должен быть соблюден порядок формирования этого участка и постановки его на государственный кадастровый учет, что предполагает необходимость предварительного проведения уполномоченными органами ряда связанных с этим мероприятий.

Отсутствие возможности формирования земельного участка, в том числе для индивидуального жилищного строительства, в границах того или иного муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, оспариваемые нормы закона субъекта Российской Федерации не противоречат действующему федеральному законодательству, поскольку учитывают отсутствие возможности формирования земельного участка для индивидуального жилищного строительства в границах закрытых административно-территориальных образований и города К. в связи с особенностями развития этих поселений, а также их статусом.

В связи с этим правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 53-АПГ17-33

Процессуальные вопросы

37. Административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта может быть подписано и подано в суд административным истцом, не имеющим высшего юридического образования. При этом дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

С. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании нормативного правового акта.

Определением судьи суда первой инстанции административное исковое заявление оставлено без движения, предложено представить документ, подтверждающий наличие у С. высшего юридического образования.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление возвращено.

При этом суд исходил из того, что административный истец не устранил все обстоятельства, послужившие основанием для оставления административного искового заявления без движения, поскольку это заявление подписано С. и подано им без приложения документа, подтверждающего наличие у него высшего юридического образования.

Также суд указал, что ордер адвоката, выданный коллегией адвокатов для представления интересов С., не устраняет выявленные недостатки, поскольку административный иск подан и подписан лично С., а не его представителем.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судом допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов административного истца.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения органов государственной власти и органов местного самоуправления могут быть обжалованы в суд.

Суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части (п. 1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным исковым заявлением о признании нормативного правового акта недействующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

В ч. 9 ст. 208 КАС РФ определено, что при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде РФ граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным ст. 55 названного Кодекса.

В силу чч. 1 и 3 ст. 55 КАС РФ (в редакции, действовавшей на момент обращения С. в суд) представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование. Представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

На основании ч. 1 ст. 125 КАС РФ административное исковое заявление подается в суд в письменной форме в разборчивом виде и подписывается с указанием даты внесения подписей административным истцом и (или) его представителем при наличии у последнего полномочий на подписание такого заявления и предъявление его в суд.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ к административному исковому заявлению прилагаются доверенность или иные документы, удостоверяющие полномочия представителя административного истца, документ, подтверждающий наличие

у представителя высшего юридического образования, если административное исковое заявление подано представителем.

Законодательство об административном судопроизводстве не устанавливает требования о том, что административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта должно быть подписано только лицом, имеющим высшее юридическое образование (самим административным истцом или его представителем).

Таким образом, допускаются подписание и подача административного искового заявления в суд непосредственно административным истцом, не имеющим высшего юридического образования, тогда как дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

При таких обстоятельствах правовые основания для возвращения административного искового заявления С. отсутствовали.

Определение № 57-КГ17-3

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

38. Наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела является основанием для отмены постановления по делу об административном правонарушении.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением заместителя председателя областного суда, гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию за то, что он в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, управлял транспортным средством в состоянии опьянения.

В протесте, принесенном в Верховный Суд РФ, заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить указанные постановления, ссылаясь на их незаконность.

Частью 1 ст. 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела.

Из представленных материалов следует, что в отношении указанного гражданина возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, в связи с тем, что он управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, не справился с управлением, съехал в кювет, где совершил наезд на препятствие, в результате чего пассажиру были причинены телесные повреждения, кото-

рые квалифицируются как тяжкий вред здоровью.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения”, если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном чч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264¹ УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 либо по ст. 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотменное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи и постановление заместителя председателя областного суда, вынесенные в отношении гражданина по делу об административном правонарушении, отменены судьей Верховного Суда РФ, производство по делу прекращено.

Постановление № 36-АД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

39. Проживание членов семьи административного истца в квартире, принадлежащей на праве собственности его супруге, указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости административного истца и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Решением 224 гарнизонного военного суда от 29 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 31 мая 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Т., в котором он просил признать незаконным решение начальника Федерального государственного казенного учреждения “Западное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации (далее — Управление ФГКУ “Западрегионжиле”) от 31 декабря 2015 г. о снятии его вместе с супругой с учета нуждающихся в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в августе 1982 г. высшего военного училища до ноября 2011 г. проходил военную службу на Северном флоте, после чего был назначен заместителем главнокомандующего Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил РФ по

вооружению и переведен в г. Москву, а в связи с переводом Главного Командования Военно-Морского Флота Вооруженных Сил РФ в г. Санкт-Петербург — переведен в октябре 2013 г. в г. Санкт-Петербург.

Занимаемые жилые помещения в период военной службы на Северном флоте Т. сдал в установленном порядке, а по новому месту военной службы был обеспечен служебным жильем.

Супруга административного истца в период брака, в мае 2002 г., приобрела в г. Санкт-Петербурге в собственность двухкомнатную квартиру общей площадью 46,6 кв.м, в которую вселила своего и административного истца сына — Т., его супругу и двух внуков, после чего 16 июля 2010 г. подарила эту квартиру сыну. Другого жилья в собственности и пользовании Т. и его супруга не имели.

Решением временно исполняющего обязанности директора Департамента жилищного обеспечения Минобороны России от 2 июля 2012 г. Т. на основании заявления был поставлен вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства в г. Москве, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры (до 16 июля 2015 г. — на основании ст. 53 ЖК РФ).

Приказом Министра обороны РФ от 7 октября 2013 г. Т. уволен с военной службы в запас по собственному желанию с оставлением в списках очередников на получение жилой площади в избранном месте жительства.

В октябре 2015 г. Т. обратился к директору Департамента жилищного обеспечения Минобороны России с заявлением о внесении изменений в реестр военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, изменив избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Санкт-Петербург.

Решением начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. Т. снят с жилищного учета ввиду отсутствия оснований для постановки на жилищный учет, а также его увольнения с военной службы до истечения пятилетнего срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Удовлетворяя заявление административного истца о признании названного решения незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что проживавшие в принадлежащей на праве собственности супруге административного истца квартире сын, невестка и внуки были вселены в качестве членов семьи собственника, в связи с чем они подлежали учету при определении доли общей площади жилого помещения, приходящейся на Т. и его супругу. Поскольку на каждого из членов семьи собственника жилого помещения приходилось менее учетной нормы площади жилого помещения, суд признал правомерным решение жилищного органа о постановке административного истца на жилищный учет с учетом жилого помещения, которым в июле 2010 г. распорядилась его супруга.

С выводами суда первой инстанции согласился окружной военный суд.

Такие выводы судов соответствуют материалам дела и основаны на правильном применении норм материального права.

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением

в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены Жилищным кодексом РФ.

Частью 1 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

Вселенные собственником жилого помещения члены его семьи в силу ч. 2 ст. 31 ЖК РФ имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что вопрос о признании лица членом семьи собственника жилого помещения судам следует разрешать с учетом положений ч. 1 ст. 31 ЖК РФ исходя из того, что для признания перечисленных в данной норме лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

Данное разъяснение сделано применительно к ситуации наличия у собственника единственного жилого помещения для проживания.

В суде установлено, что супруга Т. вселила в принадлежащую ей на праве собственности квартиру своего сына, его супругу и детей без заключения какого-либо соглашения, определяющего их права иначе, чем это предусмотрено Жилищным кодексом РФ.

Сам Т. в этот период проходил военную службу в г. Северодвинске Архангельской области, где проживал вместе с супругой в предоставленном им за счет Минобороны России жилым помещением.

В судебном заседании Т. пояснил, что его сын, невестка и внуки были вселены в принадлежащее его супруге на праве собственности жилое помещение именно в качестве членов семьи. Это заявление не было опровергнуто допрошенной в судебном заседании в качестве свидетеля супругой административного истца.

При таких данных факт вселения сына административного истца, его супруги и их детей в принадлежавшую на праве собственности супруге Т. квартиру в качестве членов семьи сомнений не вызывает.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку проживание названных лиц в принадлежащей на праве собственности квартире супруги административного истца в качестве членов семьи указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости Т. и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ основаниями для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по дого-

ворам социального найма, является обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что на момент отчуждения принадлежащей супруге административного истца квартиры в ней проживали четыре члена ее семьи и на всех них, а также на Т. и его супругу приходилось по 7,7 кв.м.

Согласно ст. 9 Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 “Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения” учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Москве установлена в размере 10 кв.м площади жилого помещения.

В силу ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. № 407-65 “О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге” учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Санкт-Петербурге составляет 9 кв.м общей площади жилого помещения.

Следовательно, как при постановке на жилищный учет в период прохождения военной службы в г. Москве, так и при перемене места жительства после увольнения с военной службы в г. Санкт-Петербурге административный истец являлся нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При таких данных решение временно исполняющего обязанности директора Департамента жилищного обеспечения Минобороны России от 2 июля 2012 г. о постановке Т. вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры является правильным, а решение начальника Управления ФГКУ “Западрегионжилъ” от 31 декабря 2015 г. о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилых помещениях не основано на законе.

В связи с изложенным суд первой инстанции правомерно признал незаконным оспариваемое решение жилищного органа о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении, восстановив его права на обеспечение жильем в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия оставила судебные акты по административному исковому заявлению Т. без изменения, а кассационную жалобу представителя административного ответчика — без удовлетворения.

Определение № 202-КГ17-2

По гражданским делам

40. Материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) — военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается исходя из установленной степени ответственности каждого из них в размере причиненного ущерба.

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 29 июля 2015 г. с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции удовлетворен частично иск командира воинской части о взыскании с М. 610 490 руб. в счет возме-

щения материального ущерба, причиненного в связи с утратой материальных ценностей.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе М., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные постановления отменила, дело направила на новое рассмотрение в Краснодарский гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что М. работал кладовщиком вещевого склада воинской части и с ним был заключен договор о полной материальной ответственности за недостачу вверенного ему имущества.

В результате проведенной инвентаризации вещевого имущества воинской части была выявлена недостача вещевого имущества на сумму 954 648 руб.

Приказом командира воинской части, изданным на основании материалов административного расследования, установлено, что недостача вещевого имущества образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей М. и отсутствия надлежащего контроля со стороны начальника вещевого склада воинской части Ш., а также слабого контроля за деятельностью подчиненных должностных лиц помощником командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б.

В связи с этим на основании названного приказа Б. и Ш. привлечены к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет в счет частичного возмещения ими причиненного государству материального ущерба.

Другим приказом командира воинской части, изданным по результатам проверки хозяйственной деятельности воинской части и инвентаризации материальных средств, действительная сумма недостачи вещевого имущества составила 610 701 руб., в том числе у М. — 610 490 руб., у заведующей вещевым складом — 211 руб.

Удовлетворяя исковое заявление командира воинской части (с учетом уменьшения судом апелляционной инстанции суммы ущерба на 211 руб.), суд исходил из того, что утраченное вещевое имущество было вверено М. под отчет, в связи с чем в силу закона он подлежит привлечению к материальной ответственности в размере действительного ущерба.

Однако такой вывод сделан судом без учета имеющих значение для дела обстоятельств и основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что недостача вещевого имущества воинской части образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей не только М., но и начальника вещевого склада воинской части Ш., а также помощника командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б., в связи с чем с них в счет частичного возмещения причиненного государству материального ущерба были взысканы по одному окладу месячного денежного содержания и одной месячной надбавке за выслугу лет.

Эти обстоятельства являлись юридически значимыми для дела.

Согласно ст. 238 ТК РФ работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб, под которым понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного

имущества, а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ “О материальной ответственности военнослужащих” командиры (начальники), нарушившие своими приказами (распоряжениями) установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения, повреждения, порчи, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Содержание приведенных норм в их взаимосвязи указывает на то, что материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) — военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается в долевом порядке исходя из установленной степени ответственности каждого из них.

Поскольку по решению командира воинской части на военнослужащих этой же части Ш. и Б. возложена обязанность по частичному возмещению ущерба, вызванного недостатками вещевого имущества, удержанная с них сумма не может быть повторно взыскана с М. В ином случае размер взысканий в счет возмещения причиненного ущерба превысит прямой действительный ущерб, что не основано на законе.

Следовательно, суду необходимо было установить не только реальную сумму причиненного государству материального ущерба, но и размер суммы, взысканной с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба, и только после этого решить вопрос о размере подлежащей взысканию суммы ущерба с М. Однако этого по делу сделано не было.

Из представленных в суд и исследованных в судебном заседании материалов также осталось неясным, в связи с чем была уменьшена сумма материального ущерба в размере 954 648 руб., установленная по результатам инвентаризации вещевого имущества воинской части, до 610 490 руб., и учтены ли при этом суммы, подлежащие взысканию с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба.

Кроме того, в соответствии со ст. 246 ТК РФ размер ущерба, причиненного работодателю при утрате и порче имущества, определяется по фактическим потерям, исчисляемым исходя из рыночных цен, действующих в данной местности на день причинения ущерба, но не ниже стоимости имущества по данным бухгалтерского учета с учетом степени износа этого имущества.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные об учете степени износа утраченного вещевого имущества, а суд первой инстанции это обстоятельство не проверил. Изложенные нарушения оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Определение № 205-КГ17-1

41. Учет судом положительных данных о личности осужденного при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств исключал назначение ему за совершенное преступление максимального наказания.

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 30 марта 2017 г. Х. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, к лишению свободы на срок десять лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное Х. наказание за совершенное им преступление до девяти лет шести месяцев лишения свободы.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из следующего.

Х. признан виновным в приготовлении в октябре 2016 г. к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

В соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Следовательно, максимальный срок наказания Х. за приготовление к участию в деятельности террористической организации не может превышать десяти лет лишения свободы.

При назначении наказания суд учел состояние здоровья и материальное положение Х., а также то, что в быту, на работе и по месту жительства он характеризуется положительно. Обстоятельства, отягчающие наказание Х., по делу не установлены.

При таких данных назначенное осужденному максимальное наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Апелляционное определение № 201-АПУ17-20

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

42. Поведение судьи обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ оставила без удовлетворения жалобу Б. на решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края от 30 сентября 2016 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Курганинского районного суда Краснодарского края за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 25 января 2017 г.

Дисциплинарная коллегия в своем решении указала, что совет судей Краснодарского края направил в квалификационную коллегия судей обращение о привлечении судьи Б. к дисциплинарной ответственности по результатам проверки информации начальника Управления МВД России по г. Краснодару.

Квалификационная коллегия судей Краснодарского края пришла к выводу о том, что изложенные в обращении совета судей Краснодарского края факты, свидетельствующие о совершении судьей Б. дисциплинарного проступка, несовместимого со статусом судьи, нашли подтверждение.

Решением Высшей квалификационной коллегии судей РФ решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края оставлено без изменения.

Доказательствами, исследованными в судебном заседании Дисциплинарной коллегии, подтверждено, что 26 апреля 2016 г. после 24 часов автопатруль отдела полиции (Прикубанский округ) Управления МВД России по г. Краснодару в связи с поступившим сообщением от граждан о том, что шумят в гаражах, прибыл на место происшествия. Сотрудники полиции попросили присутствующих предъявить документы, удостоверяющие их личности. На это один из граждан (как впоследствии выяснилось — Б.) отреагировал грубой нецензурной бранью, стал оскорблять сотрудников полиции, на замечания не реагировал, документы предъявлять отказался, стал размахивать руками и ногами. На законные требования прекратить противоправные действия не реагировал, замахивался на сотрудников полиции, провоцируя драку. К нему были применены специальные средства, и он был доставлен в отдел полиции.

В отделе полиции Б. не прекратил противоправные действия и на протяжении двух часов отказывался предъявлять документ, удостоверяющий личность.

Находясь в фойе отдела полиции, Б. нанес удар головой старшему участковому в область лба, после чего нанес сержанту несколько ударов ногой в область туловища.

Сотрудниками полиции были составлены рапорты о нанесении им телесных повреждений. По данному факту зарегистрирован материал проверки в Книге учета сообщений о происшествиях от 26 апреля 2016 г. № 12650.

Дисциплинарная коллегия согласилась с мнением квалификационной коллегии судей о том, что действия сотрудников полиции по доставлению Б. в отдел полиции для установления его личности и разбирательства соответствовали требованиям закона, поскольку он отказался представиться сотрудникам полиции на месте, не выполнял законных требований полицейских и не сообщал им о наличии у него статуса судьи.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в силу пп. 1—5 ст. 12¹ Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” за совершение дисциплинарного проступка, т.е. виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате чего были нарушены положения названного Закона и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взы-

скание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи.

Поведение судьи Б. в ночь на 26 апреля 2016 г. квалификационной коллегией судей Краснодарского края обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Решение о досрочном прекращении полномочий судьи Б. является мотивированным.

Обсуждая вопрос о виде дисциплинарного взыскания, квалификационная коллегия судей Краснодарского края оценила поведение судьи, его отношение к содеянному, приняла во внимание характер и степень тяжести совершенного им дисциплинарного проступка и наступивших последствий, а также данные, характеризующие его, и по результатам тайного голосования пришла к выводу о необходимости применения к Б. дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, поскольку допущенные им нарушения несовместимы с высоким званием судьи, подрывают доверие к нему как к представителю судебной власти и не дают оснований рассчитывать на то, что это дело будет восстановлено при дальнейшем выполнении им служебных обязанностей.

Решение по делу № ДК17-28

43. Очевидно неправомерное принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоизмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу З. на решение квалификационной коллегии судей Тюменской области от 10 февраля 2017 г. о досрочном прекращении ее полномочий судьи Тобольского районного суда Тюменской области за совершение дисциплинарного проступка.

В решении коллегия указала, что дисциплинарный проступок З. выразился в грубом и очевидном нарушении норм процессуального закона, а именно в том, что судья неправомерно приняла к производству суда не подлежащее разрешению судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства исковое заявление Г. к генеральному директору ОАО “Проектный институт “Южпроекткоммунстрой” о взыскании материального ущерба, а также приняла по этому делу, относящемуся к корпоративным спорам, явно несоизмерные заявленным требованиям и нарушающие права акционеров ОАО “Проектный институт “Южпроекткоммунстрой” обеспечительные меры, заключавшиеся в приостановлении полномочий генерального директора, предусмотренных уставом общества и учредительными документами, что привело к вмешательству в хозяйственную деятельность акционерного общества и причинению действительного материального ущерба в размере 6 708 153 руб.

Принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоизмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность

коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Суд апелляционной инстанции признал, что судом первой инстанции в нарушение ст. 15 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах”, главы 28¹ АПК РФ, ст. 22 ГПК РФ 30 марта 2016 г. был принят к производству корпоративный спор, неподведомственный суду общей юрисдикции.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья З. обязана была отказать Г. в принятии искового заявления и не принимать решения об обеспечительных мерах, однако в нарушение указанных норм приняла исковое заявление к производству суда, а затем и обеспечительные меры.

Давая оценку принятым судьей З. обеспечительным мерам, суд апелляционной инстанции в определении от 10 августа 2016 г. указал на их незаконность ввиду неподведомственности суду общей юрисдикции спора по иску Г., а также на то, что принятые судом первой инстанции обеспечительные меры являются несоизмеримыми заявленным Г. требованиям. Они не только нарушают права акционеров ОАО “Проектный институт “Южпроекткоммунстрой”, но и фактически сводятся к незаконному вмешательству суда в хозяйственную деятельность предприятия, что законодательством не допускается и является самостоятельным основанием для отмены мер по обеспечению иска.

Учитывая изложенное, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ находит обоснованным вывод квалификационной коллегии судей Тюменской области о наличии в действиях судьи З. дисциплинарного проступка, выразившегося в грубых нарушениях норм процессуального законодательства при принятии к производству суда искового заявления Г. к генеральному директору ОАО “Проектный институт “Южпроекткоммунстрой” К. и обеспечительных мер.

Допущенные судьей З. нарушения являются виновными и исключительными. Они не могут рассматриваться как ошибки в толковании и применении норм права (как судебная ошибка), поскольку носят очевидный характер, грубо нарушают права участников процесса, свидетельствуют о пренебрежительном отношении судьи З. к соблюдению требований закона и не дают оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение ею служебных обязанностей в будущем.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 “О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации”, а также в нескольких постановлениях Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам, опубликованных официально для всеобщего сведения и доведенных до сведения всего судебного корпуса, указывается на отсутствие у суда общей юрисдикции права принимать к производству подобного рода дела и применять по ним обеспечительные меры, вмешиваясь тем самым в деятельность хозяйствующих субъектов.

Судья З. в силу своих должностных полномочий обязана была знать практику Верховного Суда РФ по спорам с участием акционеров и хо-

зяйственных обществ, тем более что, как усматривается из справки о работе и из характеристики судьи З., с 2013 года она рассмотрела свыше 700 гражданских дел, т.е. имеет соответствующий опыт.

Принимая во внимание, что принятое судьей З. судебное постановление по делу, относящемуся к ведению арбитражного суда, по которому были незаконно приняты обеспечительные меры, отменено вследствие грубых нарушений норм процессуального закона, Дисциплинарная коллегия приходит к выводу, что действия судьи З. повлекли искажение принципов гражданского судопроизводства, дискредитируют судебную власть, причиняют ущерб репутации судьи и несовместимы со статусом судьи, в связи с чем оснований для отмены решения квалификационной коллегии судей Тюменской области по доводам жалобы административного истца ввиду их несостоятельности Дисциплинарная коллегия не усматривает.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерно тяжести совершенного судьей З. дисциплинарного проступка.

При этом квалификационной коллегией судей Тюменской области учтены данные о личности З., ее служебная характеристика, стаж работы в должности судьи, профессиональный уровень, судебная нагрузка на судью, не превышающая средние показатели по судам области, характер допущенных нарушений и степень нарушения прав и законных интересов участников процесса.

Решение по делу № ДК17-25

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос 1. На какие организации распространяются требования ст.ст. 38, 39 Закона РФ “О средствах массовой информации” о предоставлении сведений о своей деятельности по запросам редакций средств массовой информации?

Ответ. В соответствии с ч. 4 ст. 29, ст. 42 Конституции Российской Федерации каждому гарантировано право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

В развитие указанных конституционных положений чч. 1, 2 ст. 38 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 “О средствах массовой информации” (далее — Закон о средствах массовой информации) гражданам предоставлено право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствам массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Согласно ст. 39 названного Закона редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители

указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции.

По смыслу ст.ст. 38, 39 Закона о средствах массовой информации требования указанных норм права о предоставлении сведений о деятельности по запросам редакций средств массовой информации распространяются на все организации независимо от их организационно-правовой формы, в том числе коммерческие и некоммерческие юридические лица (ст.ст. 48, 50 ГК РФ), организации, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица (например, простые товарищества).

Вопрос 2. Возможно ли наложение предусмотренного ч. 1 ст. 332 АПК РФ судебного штрафа за неисполнение судебного акта на лицо, на которое в силу закона возложено исполнение данного акта, в том числе на банк и иную кредитную организацию?

Ответ. Согласно ч. 1 ст. 16 АПК РФ вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Неисполнение судебных актов в силу ч. 2 ст. 16 АПК РФ влечет за собой ответственность, установленную данным Кодексом и другими федеральными законами.

Нормы об ответственности за неисполнение судебного акта арбитражного суда содержатся в ст. 332 АПК РФ, в соответствии с ч. 1 которой за неисполнение судебного акта арбитражного суда органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами арбитражным судом может быть наложен судебный штраф по правилам главы 11 АПК РФ в размере, установленном федеральным законом.

На основании ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” в случаях, предусмотренных федеральным законом, требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, исполняются органами, организациями, в том числе государственными органами, органами местного самоуправления, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами. В частности, с учетом положения ч. 1 ст. 8 названного Закона исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте может быть направлен в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем. В свою очередь, банк или иная кредитная организация, осуществляющие обслуживание счетов должника, в соответствии с ч. 5 ст. 70 Закона незамедлительно исполняют содержащиеся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требования о взыскании денежных средств, о чем в течение трех дней со дня их исполнения информируют взыскателя или судебного пристава-исполнителя.

Таким образом, исходя из приведенных законодательных положений, установленная в ч. 1 ст. 332 АПК РФ процессуальная ответственность может применяться в отношении любого лица, на которое в силу закона возложено исполнение судебного акта арбитражного суда, в том числе и в отношении банков и иных кредитных организаций.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов

и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно п. “b” ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *А.Х.С. против Дании.* Сообщение № 2473/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: невыдворение (*non-refoulement*); произвольный арест и задержание.

Вопрос существа: пытки; произвольный арест и задержание.

Правовые позиции Комитета. Пункт 12 [3] замечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство — участника Пакта, в котором он ссылается на “обязательство государств не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта”. Комитет... указывает, что такая опасность должна существовать лично для человека и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности причинения невозместимого вреда применяется высокий порог². Комитет также ссылается на свою правовую практику, отмечая при этом необходимость должным образом учитывать оценку, проводимую государством-участником, и указывая, что рассмотрение или оценка фактов и доказа-

¹Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

²См. сообщения № 2007/2010, *X против Дании*, Сообщения от 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Сообщения от 28 июля 1997 г., п. 6.6; № 1833/2008, *X против Швеции*, Сообщения от 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

тельств для определения такой опасности, как правило, должны производиться органами государств — участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер либо была равнозначна очевидной ошибке или отказу в правосудии¹ (п. 7.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что Совет² тщательно изучил жалобу автора и проанализировал его личные и семейные обстоятельства. Он признал, что ни автор, ни его семья никогда не участвовали в какой-либо политической деятельности, что автор не привел убедительных причин конфликта с семьей своей жены, что его заявления по ряду ключевых моментов были противоречивы и неконкретны и что он не представил внятного и логичного объяснения причин, по которым он якобы подвергался преследованиям со стороны ХАМАС. На основе личных собеседований с автором Совет пришел к выводу о том, что заявления автора о его конфликте с ХАМАС в период его работы в университете были недостоверны, что его утверждения о потенциальных нападениях со стороны членов семьи его жены не вызывают доверия и что автору не будет угрожать реальная и личная опасность преследований со стороны ХАМАС в случае его возвращения в Газу. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что оно проанализировало общее положение в Газе на основе постоянно обновляемой справочной информации о стране и не нашло признаков того, что в случае его возвращения в нее автору будет угрожать какая-либо опасность. Автор не пояснил, по каким причинам решение Совета по своему характеру будет являться явно необоснованным или произвольным. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что автор должным образом не обосновал свою жалобу, согласно которой его принудительная высылка будет равнозначна нарушению ст. 7 Пакта, и признает ее неприемлемой согласно ст. 2 Факультативного протокола (п. 7.6 Решения).

Вывод Комитета. Считать сообщение неприемлемым согласно ст. 2 Факультативного протокола (п. 8 Решения).

Вопросы предоставления гражданства

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации³

Сообщение: *Бьенон Пьетри против Швейцарии*. Сообщение № 53/2013. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее — Комитет) 5 декабря 2016 г.

¹См. сообщение № 1957/2010, *З.Х. против Австралии*, Сообщение от 21 марта 2013 г., п. 9.3.

²Датский Апелляционный совет по делам беженцев (далее — Совет).

³Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее — Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее — Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Тема сообщения: право на гражданство без дискриминации; эффективная защита и средство правовой защиты от любых актов расовой дискриминации; обязательство государства-участника принимать меры против расовой дискриминации.

Вопрос существа: дискриминация по признакам национального или этнического происхождения и инвалидности.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии⁴ (п. 7.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что решение об отклонении его ходатайства о натурализации, принятое членами муниципального собрания, представляет собой акт расовой дискриминации, поскольку оно было продиктовано его этническим происхождением. В этом контексте заявитель ссылается на выступление одного из членов муниципального собрания, который негативно отозвался о его национальном или этническом происхождении. Комитет... принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дискриминационные последствия были замечены общественностью, средствами массовой информации и неправительственными организациями и что натурализация его матери и сестры не дает оснований делать вывод об отсутствии расовой дискриминации в его случае. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что предъявляемые в контексте натурализации требования в отношении интеграции не были должным образом соотношены ни с наличием у него инвалидности, ни с той враждебностью, с которой он столкнулся... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что на заседании муниципального собрания 27 марта 2009 г. было выдвинуто несколько доводов против удовлетворения ходатайства заявителя, в том числе упоминались ложные сведения, приведенные им в предыдущем ходатайстве, тот факт, что он не состоял членом ни одной ассоциации инвалидов и не работал в специализированной мастерской для инвалидов, и сделан вывод о том, что он не удовлетворяет критериям интеграции в местную общину. Комитет... отмечает, что три инстанции, пересматривавшие данное решение, в том числе два суда, пришли к заключению о том, что члены муниципального собрания привели доводы против его натурализации, не связанные с его происхождением, а следовательно, не представлявшие собой расовую дискриминацию. Комитет... отмечает, что Верховный суд признал, что решение заявителя отойти от общественной жизни вполне объяснимо ввиду того неприятия, с которым он столкнулся со стороны отдельных жителей общины в первую очередь из-за того, что он был инвалидом и передвигался на инвалидной коляске⁵, но что у заявителя все равно оставались возможности интегрироваться, несмотря на инвалидность, и что предъявляемые требования были соразмерны его обстоятельствам (п. 7.3 Мнения).

⁴См. сообщение № 40/2007, *Эр. против Дании*, Мнение, принятое 8 августа 2007 г., п. 7.2.

⁵См. решение Верховного суда от 12 июня 2012 г., пп. 3.1, 3.4 и 4.4.

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Верховный суд в достаточной степени не учел, что его инвалидность явилась отягчающим обстоятельством и усугубила решение муниципального собрания об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации на основании его происхождения, и ввиду этого не изучил вопрос о том, может ли это быть приравнено к двойной дискриминации. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что дискриминационные высказывания одного из членов собрания повлияли на решение об отказе ему в натурализации и что Суду следовало переложить бремя доказывания на общину Оберрит, с тем чтобы убедительно доказать, что отказ в удовлетворении его ходатайства о натурализации не был мотивирован расовой дискриминацией или двойной дискриминацией... Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что заявления о двойной дискриминации по признаку происхождения и инвалидности не удовлетворяют пороговому условию приемлемости, что заявитель обращался в национальные органы власти и суды с отдельными жалобами на дискриминацию по признаку происхождения и дискриминацию по признаку инвалидности, не проводя между ними какой-либо связи, и что на заседании муниципального собрания, состоявшемся 27 марта 2009 г., не прозвучало ни одного замечания по поводу инвалидности заявителя (п. 7.4 Мнения).

Комитет отмечает, что национальные органы власти и суды в обоснование своих решений ссылались на тот факт, что заявитель не мог претендовать на натурализацию по причинам, не связанным с предполагаемой дискриминацией по признаку его албанского происхождения, в частности потому, что он не сумел интегрироваться в местную общину. В данном случае Комитет считает, что из информации, представленной сторонами, не следует, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением... Комитет считает, что в данном случае факт дискриминации по признаку национального или этнического происхождения доказан не был. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет считает, что в соответствии со ст. 1 Конвенции он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности¹. В силу вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные заявителем, не свидетельствуют о нарушении подп. "iii" п. "d" ст. 5, рассматриваемого как отдельно, так и в совокупности с подп. "a" и "c" п. 1 ст. 2 Конвенции (п. 7.6 Мнения).

Что касается утверждения заявителя о нарушении ст. 6 Конвенции, то Комитет отмечает, что национальные суды рассмотрели его жалобу на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие элементы доказывания, пришли к выводу о том, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Комитет... отме-

чает, что Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. Комитет... отмечает, что, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение Верховного суда представляет собой нарушение Конвенции. Ввиду этого Комитет не может сделать вывод о том, что было нарушено право заявителя на защиту и средства правовой защиты от расовой дискриминации, закрепленное в ст. 6 Конвенции (п. 7.7 Мнения).

Вывод Комитета. Представленные... факты не свидетельствуют о нарушении государством-участником каких-либо положений Конвенции (п. 10 Мнения).

В сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 926/08 "**Карелин против России**" (вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) в связи с несоблюдением судами принципа беспристрастности при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении Карелина М.Ю. ввиду отсутствия в процессе стороны обвинения как в первой, так и в апелляционной инстанции.

Заявитель утверждал, что отсутствие стороны обвинения в деле в отношении него об административном правонарушении повлекло за собой нарушение ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что "внешние признаки в суде могут иметь важное значение в судебных разбирательствах, например для оценки соблюдения требования объективной беспристрастности или ради сохранения доверия, которое суды в демократическом обществе должны внушать обществу... При проведении такой оценки основное внимание должно быть уделено правомерности причины опасаться, что конкретный судья не является беспристрастным, и может ли это опасение быть объективно обосновано" (п. 52 постановления).

Суд подчеркнул, что "тесная взаимосвязь между различными гарантиями и процессуальными методами, указанными в ст. 6 Конвенции, и тем, каким образом они комбинируются для того, чтобы дополнять друг друга в контексте рассматриваемого дела в целях обеспечения принципа справедливости, являющегося основополагающим принципом. Поэтому представляется возможным, что отсутствие органа власти, представляющего обвинение, и, как следствие, его отсутствие в заседаниях судов первой и второй инстанций, могут иметь влияние на то, каким образом предъявляются и подтверждаются обвинения и доказательства в суде, и наоборот" (п. 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что "согласно КоАП РФ производство начинается внесудебными властями... КоАП РФ наделяет прокуроров широкими дискреционными полномочиями возбуждать производства по делу об административном правонарушении, а также, после возбуждения, принимать в них участие. Другими словами, КоАП РФ не требует присутствия прокурора на судебном слушании и не предполагает никаких особых последствий в случае отсутствия прокурора на таком заседании. Суд отклоняет утверждение Властей, что согласно ст. 29.4 КоАП РФ суд первой инстанции имеет возможность потребовать

¹См. сообщение *А.В.Р.А.П. против Дании*, п. 6.3, в котором Комитет заключил, что он правомочен рассматривать утверждения о двойной дискриминации, но что отдельные утверждения о дискриминации по признакам, отличным от изложенных в ст. 1 Конвенции, являются неприемлемыми *ratione materiae*.

присутствия прокурора. Эта норма содержит исчерпывающий перечень лиц, присутствие которых может потребоваться в судебном заседании... и на рассматриваемый момент прокурора в этом списке не было” (п. 61 постановления).

Суд установил, что “роль полиции состояла в том, чтобы составить “протокол об административном правонарушении” и передать его в суд. Нельзя сказать, что на этом этапе разбирательства полиция выступала в качестве “органа правосудия”, участвующего в “предъявлении обвинения в уголовном преступлении”... [Н]ельзя сказать, что должностное лицо, ответственное за составление протокола об административном правонарушении или другого протокола, связанного с делом... рассматривалось как сторона разбирательства. Отмечается, что этот сотрудник не может подавать ходатайства в суд первой инстанции, что является неотъемлемой чертой справедливого судебного разбирательства; а также не может обжаловать решение, вынесенное судом. Однако он может быть вызван для предоставления разъяснений... Таким образом... рассматриваемый сотрудник полиции не являлся “органом власти, представляющим обвинение” или “стороной обвинения”, т.е. не был должностным лицом, уполномоченным выступать против лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, а также представлять и защищать обвинение от лица государства перед судьей. Следовательно... в этом деле, возбужденном в соответствии с КоАП РФ, действительно не было стороны обвинения” (пп. 62, 64—65 постановления).

Европейский Суд отметил, что “протокол об административном правонарушении послужил основой для рассмотрения судьей дела, когда было впервые предъявлено “обвинение” (п. 66 постановления).

Суд принял во внимание точку зрения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, состоящую в том, что “протокол о правонарушении мог использоваться или использовался как доказательство. Однако в данном случае текст судебного решения не свидетельствует о том, что протокол о правонарушении, как таковой, рассматривался как доказательство, призванное подтвердить вину обвиняемого... [С]одержащаяся в нем информация могла рассматриваться в качестве доказательства, относящегося к установлению фактических данных. Суд второй инстанции сослался на протокол об административном правонарушении как на устанавливающий “тот факт, что правонарушение имело место”... Протокол об административном правонарушении сопровождался подтверждающими доказательствами... Лицо, в отношении которого велось производство по делу, имело возможность оспаривать информацию протокола об административном правонарушении, по сути с формальной или процессуальной точки зрения, во время рассмотрения дела судьей... [В] соответствии с КоАП РФ требовалось слушание дела... и такое в настоящем деле состоялось в судах первой и второй судебных заседаний... [Н]а стадии разбирательства в судах первой и апелляционной инстанции[й] в отношении заявителя состоялись открытые слушания. Во время них не присутствовал никто, кто мог бы оппонировать заявителю” (пп. 66—67 постановления).

Суд подчеркнул, что “вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в связи с устным и открытым слушанием, состоявшимся в ходе этого дела... [О]тсутствие стороны обвинения имело влияние на юридическую силу презумпции невиновности во время судебного разбирательства и, косвенно, на вопрос о беспристрастности суда первой инстанции, и наоборот... Пункт 2 ст. 6 Конвенции защищает право человека “считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена в законном порядке”. Пре-

зупция невиновности будет нарушена в том случае, когда на практике или ввиду применения действующего законодательства (например, правовой презумпции) бремя доказывания переносится со стороны обвинения на сторону защиты” (пп. 71—72 постановления).

Европейский Суд установил, что “суд первой инстанции не имел иного варианта, кроме как взять на себя задачу предъявления — и, что более важно, [—] нести бремя подтверждения... обвинения в ходе слушания дела” (п. 73 постановления).

Суд отметил, “КоАП РФ предусматривает, что суд первой инстанции может сам решать, требовать ли дачи устных показаний, или истребовать дополнительные документы, или назначать экспертизу. Власти указали, что такое решение может приниматься, “помимо прочего, на основании запроса лица, против которого ведется производство по делу”. Из этого следует, что это также может означать тот факт, что такие решения могут приниматься судом первой инстанции по собственной инициативе” (п. 74 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “в тех случаях, когда слушание дела оценивается как благоприятный фактор (например, из-за того, что есть угроза возможного наказания в виде содержания под стражей, как в настоящем деле) для судебного определения “уголовного обвинения” лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в тех случаях, когда, получив адекватную возможность присутствовать на судебном заседании, сторона защиты не отказалась от нее в установленном порядке, присутствие на суде стороны обвинения, как правило, целесообразно, чтобы избежать законных сомнений, которые иначе могут возникнуть, в отношении беспристрастности суда” (п. 76 постановления).

Суд отметил, что “[в] отличие от гражданских дел, в которых сторона может отказаться от возможности присутствовать на слушании дела, в уголовном или приравненном к нему деле, ситуация может отличаться, т.к., хотя судья и является главным блюстителем закона при судопроизводстве, в деле с государственным обвинением обычно именно задачей государственного органа власти является изложение и обоснование уголовного обвинения с целью состязательного спора с другой стороной или с другими сторонами по делу” (п. 77 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “производство по жалобе в суде второй инстанции было инициировано заявителем. На тот момент должностное лицо, которое возбудило дело об административном правонарушении, не было уполномочено обжаловать решение суда первой инстанции по делу об административном правонарушении, тогда как прокурор имел такое право вне зависимости от того, участвовал ли он в заседании суда первой инстанции” (п. 78 постановления).

Суд отметил, что “проблема, связанная с неучастием в деле органа власти, представляющего обвинение, может быть иной при рассмотрении жалобы, когда суд второй инстанции проверяет по просьбе лица, в отношении которого принято постановление по делу об административном правонарушении, законность и обоснованность вынесенного решения... [П]осле того как... “обвинение[е]” было “определено” в порядке, лишенном недостатков, рассмотренных выше, а лицо, в отношении которого было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, подало жалобу только по вопросам права, роль обвинения могла быть воспринята как менее обязательная, в том числе и в том, что касается принципа беспристрастности” (п. 81 постановления).

Суд установил, что “законом был определен такой объем производства по жалобе в соответствии с КоАП РФ, который бы предоставил суду второй инстанции возможность заново оценить имеющиеся доказатель-

ства, изучить дополнительные доказательства и проверить дело в целом, вне зависимости от того, есть ли такой запрос в жалобе... [С] точки зрения закона, суд второй инстанции имел право действовать таким образом, который мог бы устранить некоторые недостатки, негативно повлиявшие на справедливость производства по делу в суде первой инстанции” (п. 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “учитывая широкий установленный законом объем проверки дела по жалобе, требование беспристрастности должно также соблюдаться и в разбирательствах, проводимых в суде второй инстанции... [О]тсутствие стороны обвинения в производстве по жалобе в суде второй инстанции также являлось серьезным недостатком. Таким образом, производство по делу в суде второй инстанции не устранило вопрос о беспристрастности, возникший при рассмотрении дела в суде первой инстанции... Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности” (пп. 83—84 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 44694/13 “Колесникович против России” (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение ст.ст. 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) в связи с необеспечением заявителю надлежащей медицинской помощи во время его содержания в следственном изоляторе и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь.

Он также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение его прав на защиту от жестокого обращения с ним, как того требует ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что “до задержания заявитель неоднократно проходил лечение в гражданских больницах... В период содержания под стражей состояние его здоровья ухудшилось” (п. 72 постановления).

Суд отметил, что “после задержания заявителя властям сразу стало известно о его многочисленных проблемах со здоровьем... Тем не менее они лишь ограничились установлением отсутствия противопоказания для содержания заявителя под стражей. В течение первых двух лет содержания под стражей медицинский надзор за заявителем не осуществлялся. Власти обратили внимание на его проблемы со здоровьем только после того, как состояние его здоровья ухудшилось до такой степени, что заявитель не мог больше принимать участия в слушаниях” (п. 73 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на довод заявителя о том, что “в ряде случаев власти не выдавали ему назначенных лекарственных препаратов. Принимая во внимание тот факт, что на момент рассматриваемых событий заявитель находился под контролем властей и, следовательно, являлся особенно уязвимым, Суд считает, что бремя доказывания факта выдачи заявителю лекарственных препаратов лежит на властях. В соответствии с российским законодательством каждая доза назначенных медикаментов должна быть зафиксирована в медицинской карте заключенного... Тем не менее власти не представили документов о принятии

заявителем лекарственных препаратов” (п. 74 постановления).

Суд подчеркнул, что “[о]бстоятельства дела свидетельствуют о том, что лечение заявителя не было направлено на сокращение частоты рецидивов. Его лечение не являлось предусмотрительным и, следовательно, не являлось эффективным... [В]ласти не создали условий, необходимых для соблюдения назначенного лечения, в частности, не обеспечили выдачу заявителю необходимых лекарственных препаратов под надзором и наблюдением медицинского персонала тюрьмы и соблюдение предписанного режима, что является важным элементом эффективного лечения заболевания” (пп. 76—77 постановления).

Суд также отметил, что “[г]оспитализация была необходима для постановки корректного диагноза и назначения надлежащего лечения... [П]отребовалось несколько месяцев для перевода заявителя из следственного изолятора в больницу, расположенную в том же городе” (п. 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “неоказание властями необходимой медицинской помощи заявителю в его тяжелом состоянии представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении ст. 3 Конвенции” (п. 80 постановления).

Относительно исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и предполагаемого нарушения ст. 13 Конвенции... Суд отметил, что “[з]аявитель жаловался на плохое состояние здоровья и бездействие властей в отношении его проблем со здоровьем в суд в рамках уголовного судопроизводства по его делу; кроме того, он подавал в суд иск против администрации тюрьмы... Это явно представляло собой попытку привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья” (п. 63 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции... [З]аявитель не располагал эффективным внутригосударственным средством правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции” (пп. 65—66 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 52526/07 “Макшаков против России” (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым отклонена жалоба Макшакова Н.В. на якобы имевшие место ненадлежащие условия содержания в лечебном исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение ст.ст. 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением заявителю, страдающему туберкулезом, медицинской помощи с учетом состояния его здоровья и отсутствием у него эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Европейский Суд установил, что “основным вопросом при оценке условий содержания под стражей является... площадь [личного пространства], предоставляемая в заключении... Заявитель утверждал, что содержался в тесных условиях... где каждому заключенному предоставлялось 3,6 кв.м личного пространства... Власти оспорили доводы заявителя, утверждая, что ему всегда предоставлялось более 4 кв.м личного пространства. Они подкрепили свои доводы справками, выданными администрацией следственных изоляторов, выдержками из журналов о перемещении заключенных, фотографиями и показаниями других заключенных” (п. 60 постановления).

Оценив представленные сторонами доказательства, Европейский Суд принял документы, представленные

ные властями, и отклонил утверждение заявителя о переполненности камер в период его содержания под стражей.

Суд посчитал, что “нехватки спальных мест в камерах не было и что в распоряжении заявителя имелось как минимум 4 кв.м личного пространства. Нельзя сказать, что общий размер его камер был настолько мал, что ограничивал свободу передвижения заключенных сверх тех пределов, которые допускаются статьей 3 Конвенции... Окна в камерах... пропускали достаточно дневного света в камеру. Оконную форточку... можно было открыть для доступа свежего воздуха. Камеры были дополнительно оборудованы источниками искусственного света и вентиляцией, функционирующими должным образом... [В] камерах размещался обеденный стол. С одной стороны туалет отделяла высокая перегородка, с другой стороны была установлена дверь, в результате чего получалась кабинка, которая полностью скрывала находившегося внутри нее заключенного. В камерах была холодная проточная вода, и раз в неделю заключенные могли принимать душ. В карцерах, где заявитель находился в одиночном заключении, санузел был отделен занавесками... [З]аявителю ежедневно предоставлялось время для упражнений во дворе в течение часа. Он также мог передвигаться между помещениями медицинского блока во время прохождения стационарного лечения (пп. 61—64 постановления).

Несмотря на то, что Европейский Суд признал, что некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей не соответствовали Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским пенитенциарным правилам и рекомендациям Комитета по предупреждению пыток, он не посчитал, что “условия содержания под стражей заявителя достигли минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы характеризовать обращение с ним как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции” (п. 65 постановления).

Таким образом, Суд заключил, что “нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в больнице СИЗО допущено не было” (п. 66 постановления).

Тем не менее Европейский Суд также пришел к выводу, что “заявитель не имел в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении своей жалобы, касающейся условий его содержания под стражей в больнице СИЗО... Соответственно... было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции” (пп. 70—71 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не оказали ему надлежащей медицинской помощи в нарушении ст.ст. 3 и 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что “[заявитель] заболел туберкулезом во время содержания под стражей... [Д]анное обстоятельство... само по себе не подразумевает нарушения статьи 3 Конвенции при условии, что заявитель проходил лечение” (п. 93 постановления).

Суд отметил, что “у заявителя диагностировали туберкулез в 2006 году... [П]отребовалось более семи лет, чтобы взять его под контроль” (п. 94 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “осознает субсидиарный характер своих функций и учитывает необходимость проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела” (п. 95 постановления).

Европейский Суд отклонил доводы властей о том, что “конфликтное поведение заявителя подрывало эффективность его терапии... [З]аявитель прервал свое лечение в первый раз в июне 2008 года... то есть более

чем через полтора года начала терапии, которая оказалась неэффективной и не улучшила состояние заявителя. Поэтому он считает, что решение заявителя прервать лечение было не более чем правомерной попыткой привлечь внимание властей к низкому качеству медицинской помощи. Принимая во внимание, что перерыв длился менее месяца, Европейский Суд не согласен с тем, что перерыв мог существенным образом повлиять на качество лечения заявителя” (п. 100 постановления).

Европейский Суд заключил, что “власти не представили достаточных доказательств, на основании которых он мог бы прийти к выводу о том, что длительный период болезни заявителя туберкулезом был вызван другими обстоятельствами, а не неправильным подходом к лечению болезни. О неспособности российских властей обеспечить надлежащий медицинский уход заявителю явно свидетельствует и отсутствие лекарственной терапии на начальной стадии лечения и незаконченная лекарственная терапия на последних стадиях. Неспособность властей провести тест на лекарственную чувствительность могла негативно повлиять на реальную вероятность успешности лечения заявителя. В результате заявителю были причинены продолжительные психологические и физические страдания, унижающие его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции” (п. 101 постановления).

В отношении нарушения ст. 13 Конвенции Суд отметил, что “[с] учетом серьезных проблем со здоровьем заявителя, а также степени серьезности его утверждений о том, как власти на них реагировали, Европейский Суд посчитал, что он [заявитель] небезосновательно жаловался на ненадлежащее качество медицинской помощи, оказываемой ему во время нахождения под стражей, и что власти были обязаны предоставить ему эффективное средство правовой защиты для разрешения его жалоб. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, а также изложенную выше прецедентную практику, Суд не видит оснований для отступления от своих предыдущих выводов по этому вопросу. Европейский Суд при[шел] к выводу, что предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции” (п. 88 постановления).

Соответственно, Суд отклонил возражения властей о неисчерпании внутрисударственных средств правовой защиты и пришел к выводу о том, что было допущено нарушение ст. 13 Конвенции (п. 89 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам № 11215/10 и № 55068/12 “Долгов и Силаев против России” (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Долгова В.И. на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Вместе с тем установлено нарушение российскими властями ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением Силаеву С.А. надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Европейский Суд отметил, что “учреждение, в котором содержался первый заявитель, не было переполненным, и в распоряжении первого заявителя имелось не менее трех квадратных метров площади камеры... Количество спальных мест было достаточным для заключенных, и нельзя сказать, что общие размеры камер являлись настолько небольшими, что приводили к

ограничению свободы передвижения заключенных ниже границы, допустимой согласно статье 3 [Конвенции]... У туалет был отделен от остального пространства камеры и был оборудован дверью; это обеспечивало некоторую уединенность при его использовании. После удаления металлических ставней с окон доступ к естественному освещению и воздуху также являлся достаточным” (п. 25 постановления).

Суд не смог прийти к выводу о том, что “условия содержания первого заявителя, хоть далеко не надлежащие, достигли границы жестокости, требуемой для характеристики обращения в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство согласно значению статьи 3 Конвенции. Следовательно, не имело место нарушение этого положения в отношении первого заявителя” (п. 25 постановления).

Что касается второго заявителя, который находился в течение более чем двенадцати лет в камерах без водопровода и канализации, Суд пришел к выводу, что “отсутствие доступа к надлежащему санитарному оборудованию[ю], особенно в течение такого продолжительного периода времени, и, как следует из обстоятельств дела, без надежды на улучшение условий в ближайшем будущем, самого по себе достаточно для обнаружения нарушения статьи 3 [Конвенции]... Такие условия унижали человеческое достоинство заявителя и приводили к возникновению у него чувства отчаяния и неполноценности, способных унижить его... Следовательно, в отношении второго заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции” (п. 26 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 78774/13 “Топехин против России” (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Топехина В.А. на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

Отклонена также жалоба заявителя на нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением Топехину В.А. надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и транспортировки заявителя до исправительной колонии, п. 4 ст. 5 Конвенции — в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, на то, что ему не было предоставлено надлежащего лечения в заключении и что условия содержания его под стражей и перевозки в исправительную колонию унижали его достоинство.

Европейский Суд отметил, что он был вынужден провести непосредственную оценку значительного количества медицинских документов в целях определения, были ли соблюдены гарантии ст. 3 Конвенции в настоящем деле (п. 72 постановления).

Суд подчеркнул, что “Власти предоставили исчерпывающие медицинские документы, включая медицинскую карту заявителя, составленную в заключении, эпикриз, результаты анализов и медицинские заключения. Документы относятся ко всему периоду содержания под стражей. Заявитель не оспаривал подлинность или качество этих документов” (п. 73 постановления).

Европейский Суд установил, что “как только органы власти узнали о проблемах со здоровьем у заявителя, они назначили ему схему лечения... Через несколько дней он поступил в тюремную медсанчасть, где прошел необходимые исследования для установления точного и правильного диагноза. Его осматривали разные врачи... [и] ему было предписано комплексное лече-

ние... За этим последовали дальнейшие комплексные освидетельствования... Они были назначены и проведены вовремя и надлежащим образом... Схема приема лекарств заявителем была дополнена по необходимости, и стратегия его лечения вышла далеко за рамки действий, направленных только на обезболивание. Она была направлена на полное восстановление утраченной функции нижних конечностей. Никакие сведения, находящиеся в распоряжении Суда, не доказывали, что предписанное лечение проводилось ненадлежащим образом или прерывалось. Органы власти в местах содержания под стражей продолжили лечение, предоставляя назначенные лекарства и инъекции независимо от места содержания заявителя под стражей, будь то в больнице или в стандартном учреждении содержания под стражей... Они также назначили ему физиотерапию, обеспечивая ему, таким образом, доступ к ключевому компоненту процесса реабилитации” (п. 75 постановления).

В этих обстоятельствах Европейский Суд не нашел доказательств в поддержку утверждения заявителя о том, что ухудшение его здоровья было обусловлено недостаточным или некачественным лечением и, таким образом, пришел к выводу, что “национальные органы власти обеспечили заявителю необходимое медицинское обслуживание во время содержания под стражей... [В] этой связи не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции” (пп. 76—77 постановления).

Относительно условий содержания заявителя Суд отметил, что “стороны предоставили противоречивое описание условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах... Власти утверждали, что ему оказывалась помощь работниками патронажной службы и заключенными, тогда как он утверждал, что такую помощь ему оказывали только сокамерники, поскольку в учреждениях не было персонала, оказывавшего ему помощь в повседневной жизни” (п. 82 постановления).

Европейский Суд установил, что в настоящем деле “Власти... не предоставили никаких доказательств, например, журнала регистрации персонала или справок с места работы, показаний лечащих врачей, медицинского персонала, который предположительно оказывал ему помощь, или, по крайней мере, сокамерников заявителя, подтверждающих, что учреждения содержания под стражей, в которых он находился, имели достаточное количество работников патронажной службы и что персонал обеспечивал ему необходимую помощь в повседневных нуждах. Заявитель, с другой стороны, не только предоставил подробное и логичное описание обстоятельств, но и передал Суду показания своих сокамерников, подтверждающих его заявления... В этих обстоятельствах Суд заключил, что заявитель был оставлен без поддержки со стороны обученного персонала и был вынужден полностью полагаться на помощь своих сокамерников” (п. 84 постановления).

Суд также отметил, что “неизбежная зависимость заявителя от его сокамерников и необходимость просить о помощи при проведении процедур интимной гигиены поставили его в крайне дискомфортное положение и негативно повлияли на его эмоциональное состояние, затрудняя его общение с сокамерниками, которые могли быть недовольны обременительными обязанностями, которые они невольно были вынуждены исполнять” (п. 86 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “условия содержания заявителя под стражей ухудшались в связи с непредоставлением ему, как это следует из документов, представленных сторонами, больничной кровати или какого-либо другого оборудования, например, специального распределяющего давление матраса, который мог обеспечить ему, по крайней мере, минимальный

уровень комфорта в течение более года содержания под стражей” (п. 87 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что “условия содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах могли расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... В данном отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции” (п. 88 постановления).

В отношении условий перевозки Суд отметил, что “заявителя перевозили в исправительную колонию в стандартных железнодорожных вагонах и [в] тюремных фургонах без специального оборудования, установленного с целью обеспечить удовлетворение потребности лежачего больного с тяжелым заболеванием позвоночника и проблемами с мочевым пузырем. Первая часть поездки заняла девять часов, в течение которых он был прикован к полке железнодорожного вагона. Поездка, которая не доставила бы серьезных проблем здоровому заключенному, имела очевидно негативные последствия для заявителя” (п. 91 постановления).

Суд также установил, что “в ходе следующей части поездки... [В]ласти не приняли корректирующих мер с целью удовлетворить потребности заявителя в ходе перевозки, с равнодушием отнесясь к его жалобам на острую боль, когда он лежал на жестком полу тюремного фургона или когда его переносили на одеяле, используемом в качестве носилок. Тот факт, что он лежал прямо на полу тюремного фургона, подвергал его вибрациям от дороги в ходе поездки, и в результате он испытывал дополнительную боль” (п. 92 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “суммарное воздействие физических условий перевозки заявителя и продолжительности поездки было достаточно серьезным, чтобы расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями перевозки заявителя в исправительную колонию” (пп. 94—95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 3 ст. 5 Конвенции, на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не имели достаточных оснований.

Европейский Суд установил, что “[з]аявитель был арестован 16 июля 2013 г., приговор ему был вынесен 13 января 2014 г. Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее шести месяцев” (п. 102 постановления).

Суд подчеркнул, что “[т]яжесть обвинений является одним из факторов оценки потенциальной возможности заявителя избежать правосудия, совершить правонарушение повторно, либо воспрепятствовать правосудию... [Н]есмотря [на] тот факт, что строгость приговора является важным элементом оценки риска того, что обвиняемый скроется от правосудия или повторно совершит преступление, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Также продление заключения не должно превосходить обвинительный приговор” (п. 104 постановления).

Суд отметил, что “при продлении срока содержания заявителя под стражей российские суды придавали особое значение угрозе его побега. Оценка этой угрозы была основана на его предыдущем поведении, а именно на его попытке скрыться и его побеге с января по июль 2013 года; отсутствию у него работы и, таким образом, отсутствию его привязки к месту проживания в г. Москве, а также обнаружении полицией фальшивого паспорта” (п. 105 постановления).

Европейский Суд согласился с обоснованностью опасений российских судов, что заявитель был способен скрыться. Он установил, что “[п]редоставленные им доказательства убедительно продемонстрировали, что такая угроза существовала. Заявитель ранее пытался скрыться... и снова продемонстрировал органам власти свое намерение сбежать, когда они обнаружили фальшивый паспорт... Отсутствие у него работы не могло само по себе требовать его содержания под стражей, но могло укрепить выводы российских судов о том, что с его стороны имелась угроза побега” (п. 106 постановления).

Суд также подчеркнул, что “при решении вопроса о необходимости продления содержания заявителя под стражей российские суды принимали во внимание его состояние после заслушивания лечащих врачей или исследования других медицинских документов... [С]остояние здоровья заявителя существенно изменилось в октябре 2013 года, когда он утратил способность передвигаться без помощи. В ноябре 2013 года, по-видимому, у него полностью отнялись ноги... [Э]ти обстоятельства снизили риск его побега, [однако] угроза не была полностью устранена, с учетом его изобретательности в случае, когда речь идет о его финансовом положении, а также его способности организовать побег, в том числе с помощью подделки документов... [Р]оссийские суды всесторонне оценили и взвесили риск, о котором идет речь” (п. 107 постановления).

Европейский Суд заключил, что “заявитель находился в предварительном заключении менее шести месяцев. Внутригосударственные суды провели оценку добросовестности следственных органов и пришли к заключению, что продолжительность расследования была обоснована сложным характером дела... [В] предоставленных материалах дела отсутствуют сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности со стороны обвинения или суда... В таких обстоятельствах нельзя сказать, что компетентные внутригосударственные органы не продемонстрировали особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя... Соответственно, нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было” (пп. 109—110 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 4 ст. 5, на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу рассматривались с задержками.

Европейский Суд пришел к выводу, что “жалобы заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу от 16 июля и от 13 сентября 2013 г. были рассмотрены внутригосударственными судами в течение тридцати четырех и шестидесяти дней соответственно... В этих обстоятельствах... имело место нарушение данного положения” (п. 115 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе № 17564/06 “Садретдинов против России” (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения положений ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановление по жалобе № 42526/07 “Г. против России” (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 21 сентября 2016 г.), № 28682/07, 24101/08, 7288/09, 18211/09, 32285/09, 42339/09, 73440/10, 58920/11, 68901/11, 37207/12, 37214/12, 59283/12, 62167/12, 74207/12, 46366/13,

56680/13 “Бадретдинов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), № 28625/13, 49945/13, 67302/13, 43672/14 “Шамраев и другие против России” (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), № 24056/13, 29927/13 и 61878/13 “Руденков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.), № 10727/07 “Лавейкин против России” (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), № 18046/12, 11771/14, 2507/14, 2788/14, 3069/14, 3361/14, 5779/14, 42337/14, 51543/14, 51955/14 “Устинов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 63508/11 “Поняева и другие против России” (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.), которым установлено нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция), выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей — добросовестных приобретателей на квартиры (со ссылкой на незаконную приватизацию соответствующих жилых помещений предыдущими собственниками), истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Заявители ссылались на то, что они были лишены права собственности на имущество в нарушение требований ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Рассматривая вопрос приемлемости жалобы, Европейский Суд напомнил, что “понятие “имущество”, закрепленное в первом абзаце статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается владением материальными благами и не зависит от формальной классификации данного полномочия в национальном законодательстве. Наряду с материальными благами в качестве “имущественных прав” и, соответственно, “имущества” для целей настоящего положения могут рассматриваться и некоторые иные права и интересы. В каждом случае представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, имеется ли у заявителя, с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, значительный интерес, находящийся под защитой статьи 1 Протокола № 1” (п. 34 постановления).

Суд установил, что “в то время, когда первая заявительница была законным владельцем и обладала правом собственности в отношении квартиры, которая составляла ее “имущество” в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, вторая и третья заявительницы не являлись собственниками квартиры и жили там только на основании родственных связей с первой заявительницей, т.е. в качестве ее дочерей” (п. 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что он “не исключает того, что лицо, наделенное правом использования жилого помещения и не являющееся его собственником, может обладать определенным имущественным правом или интересом в отношении указанного помещения, признаваемым в национальном законодательстве, и такой интерес будет рассматриваться в качестве “имущества”, находяще[го]ся под защитой статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако, по общему правилу, право проживания в конкретном помещении, не находящемся в собственности заявителя, не относится к “имуществу” по смыслу указанного положения” (п. 36 постановления).

Суд заключил, “что в своих замечаниях заявители не представили ссылки на какие-либо положения национального законодательства или фактические обстоятельства дела, на основании которых Суд мог бы прийти к выводу о том, что предоставленное второй и третьей заявительницам право проживания в квартире свидетельствует [о] наличии у них “имущества” по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции... Таким образом... заявители не могут утверждать, что положения указанной статьи применимы в отношении них. Из этого следует, что поданная второй и третьей заявительницами жалоба несовместима *ratione materiae*¹ с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции” (п. 37 постановления).

Изучая вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд отметил, что “никаких дополнительных мер, предусмотренных российским законодательством, направленных против такого решения, которые теоретически могли бы привести к восстановлению права собственности заявителя, принято не было... [В]озможности подачи иска о возмещении убытков при данных обстоятельствах не лишила бы заявителя статуса жертвы для целей жалобы по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции. Эта возможность также не могла рассматриваться как необходимая для соблюдения правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции... [Л]юбое возмещение убытков, которое первая заявительница могла бы получить от продавцов квартир, могло быть принято во внимание только для целей оценки пропорциональности вмешательства и морального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции было бы выявлено судом, и если справедливая компенсация была бы присуждена согласно статье 41 Конвенции” (п. 40 постановления).

Рассматривая жалобу по существу, Европейский Суд отметил, что “сложность рассматриваемых фактических и правовых вопросов в рассматриваемом деле не позволяет отнести его в одну из категорий, указанных во втором предложении первого пункта или во втором пункте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции... Таким образом [необходимо рассматривать] ситуацию в свете общего правила, установленного первым пунктом статьи 1 Протокола № 1” (п. 47 постановления).

Суд также установил, что “[в] отношении законности лишения права собственности первой заявительницы на квартиру и принимая во внимание ее доводы о том, что национальные суды не смогли установить предварительное условие, позволившее городу Москве восстановить право собственности на квартиру, Суд не может исключать возможности, что в настоящем деле могло иметь место существенное нарушение национального законодательства” (п. 50 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “право первой заявительницы было аннулировано, так как сделка, в результате которой квартира была приватизирована третьими лицами, являлась мошеннической... [О]пределение условий и процедур, на основании которых происходит отчуждение государственных активов в пользу частных лиц, по мнению государства имеющих на это право, и контроль соблюдения этих условий относится к исключительной компетенции государства. К исключительной компетенции государства также относится легализация передачи права собственности на квартиру посредством процедуры регистрации, специально разработанной для обеспечения дополнительной безопасности приобретателя права. При наличии такого большого количества управляющих органов,

¹“Ввиду обстоятельств, связанных с гарантируемыми в договоре правами и свободами”, предметный критерий.

предоставивших разрешение на передачу права собственности на квартиру, в обязанности первой заявительницы или третьих лиц не входила оценка риска лишения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть исключены посредством процедур, специально для этого разработанных. Заблуждение властей не может оправдать последующее наказание первой заявительницы” (п. 53 постановления).

Суд отметил, что “первая заявительница была лишена права на квартиру без материальной компенсации, и что государство не предложило ей жилья взамен. В отношении довода Властей, что убытки заявительницы могли бы быть возмещены, если бы она подала иск к продавцам квартиры о возмещении убытков, Суд признает, что данная возможность ей доступна. Вместе с тем в конкретных обстоятельствах данного дела ясно, что возмещение убытков нельзя перенести на более поздний срок, что касается лица, допустившего мошенничество, так как уголовное расследование длится с 2006 года, а лицо, причастное к совершению преступления, не установлено. С учетом того, что рассматриваемые события произошли в 2004 году, шансов установить лицо, причастное к совершению преступления, на данном этапе практически нет. Довод Властей может толковаться только в качестве предположения того, что заявительница переложит свое чрезмерное индивидуальное бремя на других добросовестных приобретателей квартиры, и Суду сложно понять, как это поможет улучшить баланс между общественным интересом и необходимостью защищать права физических лиц” (п. 55 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “государственные власти не обеспечили надлежащую экспертную оценку в отношении законности операций с недвижимым имуществом и проверить наличие противоречащих интересов в отношении недвижимого имущества. Вместе с тем первая заявительница не должна нести риска пересмотра права собственности на квартиру в результате бездействия органов государственной власти при проведении процедур, направленных на предотвращение мошеннических действий при регистрации сделок с объектами недвижимого имущества... [О]шибки или упущения со стороны органов государственной власти должны толковаться в пользу потерпевших лиц. Другими словами, ответственность за последствия ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают... [Л]ишение первой заявительницы права собственности на квартиру и передача права собственности заявителю городу Москве являлись для заявительницы непропорциональным и чрезмерным бременем... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (пп. 56–57 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд РФ постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившегося в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей — добросовестных приобретателей на квартиры, истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Постановление по жалобе № 49529/10 “Николаевы против России” (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.); № 31788/06 “Аленцева против России” (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 75737/13 “Андрей Медведев против России”

(вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 13 декабря 2016 г.); № 59391/12 “Анна Попова против России” (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.); № 50775/13 “Кириллова против России” (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 30 января 2017 г.); № 7359/14, 69173/14 “Лунина и Мухамедова против России” (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.); № 47724/07, 58677/11, 2920/13, 3127/13 и 15320/13 “Пчелинцева и другие против России” (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 63508/11 “Ноняева и другие против России” (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08 “Томина и другие против России” (вынесено 1 декабря 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); № 18561/10 “Клименко против России” (вынесено и вступило в силу 2 мая 2017 г.); № 59291/13, 14636/14 и 14582/15 “Зимонин против России” (вынесено и вступило в силу 16 мая 2017 г.).

В сфере социально-трудовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации

Сообщение: Лоран Габр Габарум против Франции. Мнение № 52/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее — Комитет) 10 мая 2016 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости, право на равенство перед судами и другими органами, отправляющими правосудие, эффективная защита и эффективные средства правовой защиты от акта расовой дискриминации, перенос бремени доказывания.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национальной или этнической принадлежности, перенос бремени доказывания.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела¹. Комитет принимает к сведению позицию автора, согласно которой работодатель должен был доказать, что он не опирался на какой-то незаконный критерий для оправдания иного обращения с автором по сравнению с его коллегами. Комитет в этой связи напоминает, что от предполагаемых жертв расовой дискриминации не требуется доказывать дискриминационные намерения в их отношении². В данном случае Комитет отмечает указание апелляционного суда на то, что именно автор должен был доказывать факт недоброжелательного отношения к нему любыми средствами, в том числе путем необходимого сравнения его профессионального положения с положением других. Комитет принимает также к сведению жалобу автора, согласно которой в ходе процесса во внутренних судах, в том числе в

¹ Автор утверждает, что государство-участник нарушило ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., поскольку, по его мнению, Франция не приняла эффективных мер по криминализации всех форм расистского и ксенофобного поведения и по борьбе с наблюдаемой в обществе “Рено” тенденцией к стигматизации и стереотипизации французов африканского происхождения на основании их цвета кожи или их национальной или этно-расового происхождения в нарушение принципов Конвенции.

² См. Мнение Комитета относительно сообщения № 56/2014, В.С. против Словацкой Республики, 4 декабря 2015 г., п. 7.4.

апелляционном суде, он представил элементы доказательства, свидетельствующие о применении к нему дискриминационной практики, и что, соответственно, он выполнил свое обязательство представить информацию, необходимую для переноса бремени доказывания. Комитет считает, что тот факт, что суды, в частности апелляционный суд, настоятельно требовали от автора доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре переноса бремени доказывания, предусмотренной ст. L-1134-1 (прежняя ст. L122-45) Трудового кодекса. Поскольку государство-участник само приняло эту процедуру, тот факт, что оно неправильно применяет ее, является нарушением права автора на эффективное средство правовой защиты. Следовательно, Комитет делает вывод, что права автора, предусмотренные в ст.ст. 2 и 6 Конвенции, были нарушены¹ (п. 7.2 Мнения).

Вывод Комитета. Факты... свидетельствуют о нарушении государством-участником ст.ст. 2 и 6 Конвенции (п. 8 Мнения).

В сфере гражданско-процессуальных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе № 32013/07 “**Попов против России**” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено в том числе нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишенного свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *С.Ш. против Казахстана.* Сообщение № 2842/2016. Решение принято Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей, дискриминация, неприкосновенность частной жизни, голосование и выборы.

Вопрос существа: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что большинство событий, описываемых автором, имели место до 30 сентября 2009 г., т.е. до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Комитет отмечает, что по критерию *ratione temporis*² он не может рассматривать предполагаемые нарушения [Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Пакт)], имевшие место до того, как Фа-

культативный протокол вступил в силу для государства-участника, за исключением случаев, когда такие нарушения продолжают допускаться после вступления в силу или когда последствия нарушений также представляют собой нарушение Пакта³ или являются продолжением нарушения, допущенного ранее⁴. В этой связи Комитет отмечает относительно части жалобы автора на незаконное досудебное содержание под стражей сына автора И., что соответствующее разбирательство в национальных судах было завершено до 30 сентября 2009 г. Следовательно, Комитет признает эту часть сообщения неприемлемой *ratione temporis* (п. 4.3 Решения).

Комитет отмечает... что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в том, что касается незаконного обыска его жилья, поскольку он не подал апелляционную жалобу на соответствующее решение в установленные национальным законодательством сроки и не представил объяснений в этой связи⁵... Комитет отмечает, что соответствующих жалоб в государственных органы страны или в суды не подавал и сын автора Е. Комитет отмечает... что И. не исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении условий содержания под стражей и права голоса. Следовательно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании подп. “b” п. 2 ст. 5 Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты (п. 4.4 Решения).

Что касается утверждений автора о пытках И. в период его задержания 12 февраля 2009 г. в отделе полиции, то Комитет отмечает, что эти утверждения были расследованы управлением собственной безопасности и рассмотрены судом, в котором проходило разбирательство. Он отмечает также, что автор никак не прокомментировал итоги расследования или выводы суда. Относительно утверждений автора о неправомерном обращении полиции с И. 10 февраля 2016 г. Комитет отмечает, что автор не предоставил информации, свидетельствующей о том, что государственные органы не провели соответствующего расследования, или информации об итогах проведенного расследования. Соответственно, Комитет делает вывод о том, что ему не представлено достаточно материалов в обоснование этих утверждений, и считает сообщение в данной части неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола в связи с необоснованностью утверждений (п. 4.5 Решения).

Комитет отмечает утверждения автора о процессуальных нарушениях в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, а также его утверждения, касающиеся уменьшения срока лишения свободы И. и его досрочного освобождения. Он напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу и толкование внутреннего права относятся к компетенции судов государств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или

³См., в частности, сообщения № 1367/2005, *Андерсен против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2006 г., пункт 7.3; № 1633/2007, *Аваданов против Азербайджана*, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., п. 6.2; № 2027/2011, *Кушербаев против Казахстана*, Решение, принятое 25 марта 2013 г., п. 8.2.

⁴См. сообщение № 2027/2011, *Кушербаев против Казахстана*, Решение, принятое 25 марта 2013 г., п. 8.2.

⁵См. сообщение № 2135/2012, *Ю.З. против Беларуси*, Решение, принятое 3 ноября 2016 г., п. 7.4.

¹См. сообщения *В.С. против Словацкой Республики*, п. 7.4, и *Ер против Дании*, п. 7.4.

²“Ввиду обстоятельств, связанных с временем”, критерий времени.

была равнозначна отказу в правосудии, либо что суд не исполнил своей обязанности действовать независимо и беспристрастно¹. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что представленные на его рассмотрение материалы не позволяют сделать вывод о том, что оценка судами доказательств носила явно произвольный характер или равнозначна отказу в правосудии. Соответственно, Комитет считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 4.6 Решения).

Комитет отмечает утверждение автора о том, что И. не присутствовал на заседании суда 26 октября 2009 г. по апелляционной жалобе. Вместе с тем Комитет отмечает, что И. был представлен автором сообщения. Поскольку автор никак не пояснил, каким образом его участие в качестве законного представителя сына лишило И. права на справедливое судебное разбирательство, и с учетом особого характера апелляционного процесса, Комитет считает утверждение автора о том, что отсутствие И. в ходе слушания по его апелляционной жалобе означает, что судебное разбирательство было несправедливым, недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 4.7 Решения).

Вывод Комитета. Признать сообщение неприемлемым по ст. 2 и подп. "b" ст. 5 (2) Факультативного протокола (п. 5 Решения).

Сообщение: *Дмитрий Тянь против Казахстана.* Сообщение № 2125/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 16 марта 2017 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольный арест и задержание; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест и задержание; справедливое судебное разбирательство; правовая помощь; право на судебное рассмотрение дела в своем присутствии.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению, что утверждения о пытках, выдвинутые автором, относятся к событиям, имевшим место 22 октября и с 25 по 27 октября 2008 г., когда он допрашивался полицейскими сотрудниками соответственно в качестве свидетеля и подозреваемого. Комитет отмечает претензию автора на то, что, поскольку с утра 23 октября 2008 г. он находился под полицейским надзором, он не мог увидеться с медицинским экспертом на предмет обследования после перенесенных им избиений. Комитет также отмечает, исходя из материалов, имеющихся у него в наличии, что 24 и 30 октября 2008 г. автор был обследован медицинскими экспертами, которые не нашли у него на теле никаких следов и не получили от автора никаких жалоб. Автор не оспаривает независимость медицинских экспертов. Комитет также отмечает утверждения автора о том, что расследование его жалоб на пытки со стороны полицейских сотрудников 22 октября 2008 г. не было эффективным. В этом отношении Комитет отмечает, что 9 февраля 2009 г. прокуратура Астаны отменила решение Управления внутренних дел от 29 декабря 2008 г. не возбуж-

дать уголовное расследование против полицейских сотрудников, которые, предположительно, пытали автора. Комитет отмечает, что резоны, указанные прокуратурой, включают неспособность следователей идентифицировать и допросить ряд возможных свидетелей, упомянутых автором. 16 марта 2009 г. после дополнительного расследования Управлением внутренних дел отказано в возбуждении уголовного расследования. Комитет отмечает, однако, что решение Управления внутренних дел от 16 марта 2009 г. идентично его решению от 29 декабря 2008 г. и не содержало информации о любых принятых дополнительных следственных мерах. Комитет отмечает доводы отечественных ведомств о том, что утверждения автора о пытках и результаты расследования были рассмотрены судом первой инстанции. Государство-участник, однако, не представило никаких документов в подкрепление своих доводов. Исходя из имеющейся у него информации, Комитет отмечает, что суд первой инстанции не только не рассмотрел утверждения автора о пытках, но и мешал автору говорить о них перед лицом присяжных. В свете вышеизложенного Комитет констатирует, что в силу отсутствия эффективного расследования его утверждений о пытках имело место нарушение прав автора по п. 3 ст. 2 в сочетании со ст. 7 Пакта (п. 9.2 Соображений).

Комитет отмечает претензию автора на то, что ему было отказано в праве на участие в слушаниях апелляционного суда 10 ноября 2009 г. В этом отношении Комитет отмечает, что автор ходатайствовал о личном присутствии в суде, а суд, отклоняя его письменный запрос, следовал отечественному закону². Комитет... отмечает, что на апелляционных слушаниях автор был представлен четырьмя адвокатами, и по крайней мере двое из этих адвокатов представляли его на всем протяжении уголовного разбирательства против него. Комитет находит... что к настоящему делу применим подп. "d" п. 3 ст. 14, поскольку суд в апелляционном производстве рассматривает дело и с точки зрения факта, и с точки зрения права и производит новую оценку по проблеме виновности или невиновности. Комитет напоминает, что подп. "d" п. 3 ст. 14 Пакта требует, чтобы обвиняемые имели право присутствовать в ходе суда над ними, и разбирательства в отсутствие обвиняемых позволительны, только если это отвечает интересам надлежащего отправления правосудия или когда обвиняемые, будучи достаточно заблаговременно уведомлены о разбирательстве, отказываются осуществлять свое право на присутствие³. Соответственно, в отсутствие адекватного разъяснения со стороны государства-участника Комитет считает, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение подп. "d" п. 3 ст. 14 Пакта. Ввиду этого заключения Комитет постановляет не рассматривать претензии автора по п. 5 ст. 14 Пакта (п. 9.3 Соображений).

Комитет далее отмечает претензию автора на то, что суд первой инстанции принял в качестве доказательств его вынужденные признания. Он... отмечает заявление государства-участника о том, что доказательства, рассмотренные судом, были

²Согласно п. 2 ст. 408 Уголовно-процессуального кодекса присутствие осужденного на слушаниях в суде второй инстанции возможно, только если прокурор требует для этого лица более тяжкого наказания.

³См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 36.

¹См., в частности, сообщения № 1188/2003, *Ридл-Риденштайн и др. против Германии*, Решение о неприемлемости, принятое 2 ноября 2004 г., п. 7.3; № 1138/2002, *Аренц и др. против Германии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 марта 2004 г., п. 8.6.

получены законным образом и приняты судом как допустимые. В этом отношении Комитет отмечает, что, как указывает информация в материалах дела, суд первой инстанции не рассматривал то, как полицейскими сотрудниками были получены четыре признания. Ничто в материалах дела не указывает на то, что суд учел, что, когда автор писал признания, он находился под полицейским контролем в центре содержания под стражей и что, поговорив со своими адвокатами, он отрекся от признаний. В этом свете Комитет заключает, что были нарушены права автора по п. 1 и по подп. "g" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 9.4 Соображений).

Вывод Комитета. Информация... вскрывает нарушение государством-участником прав автора по п. 3 ст. 2, рассматриваемой в сочетании со ст. 7 Пакта, и по п. 1 и подп. "d" и "g" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 10 Соображений).

Комитет против пыток¹

Сообщение: Эннама Асфари против Марокко. Решение № 606/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 15 ноября 2016 г.

Тема сообщения: пытки во время содержания под стражей.

Вопрос существа: жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; обязательство государства-участника проводить беспристрастное расследование; запрет использования в качестве доказательства показаний, полученных под пытками; защита от всех форм запугивания за сообщении об актах пыток.

Правовые позиции Комитета. Любое лицо, лишённое свободы, должно иметь возможность пользоваться оперативной и независимой юридической и медицинской помощью и должно быть в состоянии связаться со своей семьей в целях предупреждения пыток² (п. 13.2 Решения).

[В] ст. 13 [Конвенции] предусмотрено также, что каждое государство-участник должно принимать меры по обеспечению защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (п. 13.6 Решения).

[В]озмещение должно непременно охватывать весь нанесенный ущерб и включать реституцию, компенсацию, а также меры, призванные гарантировать невозможность повторения нарушений, при обязательном учете обстоятельств каждого дела³ (п. 13.5 Решения).

Конвенция обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые в рамках находящегося в его компетенции разбирательства, получены с применением пыток⁴ (п. 13.8 Решения).

¹ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

² Замечание общего порядка № 2 (2007) об имплементации ст. 2 государствами-участниками.

³ См. *Бендиб против Алжира*, п. 6.7.

⁴ См. сообщения № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., п. 8.8; № 193/2001, *П.Е. против Франции*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., п. 6.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергся во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии в Эль-Аюне, а также обращение с ним во время его перевозки самолетом в целях получения от него признаний представляют собой акты пытки по причине их тяжести. Комитет отмечает, что в ходе слушаний его дела 12 ноября 2010 г., 12 января и 12 августа 2011 г. заявитель жаловался на обращение, которому он подвергся, однако следственный судья не принял во внимание его утверждения и травмы и не запросил проведения медицинского освидетельствования. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что такое насилие, ставшее причиной его мучительных страданий на протяжении нескольких месяцев, представляет собой нарушение ст. 1 Конвенции. Комитет отмечает... что согласно замечаниям государства-участника в ходе упомянутых слушаний ни заявитель, ни его адвокат не пожаловались на применение пыток... Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий, и при отсутствии убедительной информации со стороны государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что согласно представленным данным физическое насилие и травмы, которым подвергся заявитель во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу ст. 1 Конвенции (п. 13.2 Решения).

Комитету предстоит также определить, является ли тот факт, что судебные власти не начали расследования по представленным им заявителем утверждениям о пытках, нарушением государством-участником его обязательств по ст. 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он 12 ноября 2010 г., имея на лице видимые признаки пытки, следы побоев и кровь, предстал перед военным следственным судьей, который не зафиксировал эти факты в протоколе; впоследствии заявитель недвусмысленно сообщал о пытках, которым он подвергся, следственному судье 12 января и 12 августа 2011 г.; те же утверждения прозвучали в военном трибунале в присутствии Прокурора; и ни разу Прокурор не начал немедленного расследования. Комитет отмечает довод заявителя о том, что подача жалобы в Кассационный суд не может считаться полезным и эффективным средством правовой защиты, поскольку Суд выносит решение о правовой стороне и на основании материалов переданного ему дела, а именно деяний, в совершении которых обвиняют заявителя. Комитет отмечает также доводы государства-участника о том, что заявитель не выдвигал утверждений и не ставил вопроса о применении пыток перед компетентными властями. Он отмечает, что 27 июля 2016 г. Кассационный суд принял решение по ходатайству, поданному заявителем и другими осужденными по этому делу в феврале 2013 г., о передаче дела в Апелляционный суд Рабата по гражданским делам. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную государством-участником 4 ноября 2016 г., согласно которой слушания дела заявителя в Апелляционном суде были назначены на 26 декабря 2016 г. Кроме того, Комитет отмечает, что согласно поступившей к нему информации предмет кассационной жалобы, которая рассматривалась на протяжении более трех лет, заключался в

оценке правильности применения марокканских правовых норм в такого рода деле и не касается утверждений о применении пыток, которые являются предметом рассмотрения настоящей жалобы и по которым в течение почти шести лет не начато никакого расследования. Кроме того, имеющаяся информация не позволяет ему сделать вывод о том, что Рабатский апелляционный суд будет вправе выносить решения по выдвинутым заявителем утверждениям в применении пыток, в частности, потому, что Апелляционному суду не было дано никаких указаний по проведению расследований в отношении утверждений о применении пыток. Имеющаяся в распоряжении Комитета информация свидетельствует о том, что Кассационный суд вернул дело в Апелляционный суд, чтобы тот вновь принял по нему решение, в силу того, что военный трибунал не представил явных доказательств того, что заявитель отдавал приказы или подстрекал какую-либо определенную сторону или лиц к совершению преступных деяний, а также его преступного умысла, что при отсутствии указанных элементов делает решение недействительным. В этих обстоятельствах Комитет считает, что вероятность того, что Апелляционный суд рассмотрит утверждения о применении пыток, весьма мала (п. 13.3 Решения).

Комитет отмечает также, что запроса о проведении медицинского обследования военный следственный судья так и не сделал, хотя заявитель продемонстрировал явные признаки применения физического насилия, и никакого расследования по этому поводу не проводилось. Кроме того, военный трибунал не учел утверждений заявителя о фактах применения пыток при принятии решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были представлены в ходе разбирательства. Комитет также подчеркивает, что государство-участник весьма значительно превысило разумные сроки для отправления правосудия по этому делу: прошло почти шесть лет после тех событий и представления первых утверждений о пытках, а никакого расследования не было начато. Кассационная жалоба никоим образом не изменила эту ситуацию, и заявитель по-прежнему находится под стражей исключительно на основании его признательных показаний, подписанных по принуждению. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно ст. 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки (п. 13.4 Решения).

В этих обстоятельствах государство-участник также не выполнило своего обязательства по ст. 13 Конвенции, в соответствии с которым оно обязано гарантировать заявителю право на предъявление жалобы, предполагающее, что власти надлежащим образом отреагируют на эту жалобу, проводя быстрое и беспристрастное расследование¹... Комитет отмечает, что заявитель стал объектом угроз в результате иска марокканского Министерства внутренних дел и что его

адвокат был арестован и выслан из Марокко в марте 2016 г., когда он должен был представлять своего клиента в ходе разбирательства сообщения об актах пыток, которым тот подвергся. Государство-участник не представило какой-либо информации, которая могла бы опровергнуть эту часть сообщения. Комитет приходит к заключению, что факты по данному делу представляют собой нарушение также и ст. 13 Конвенции (п. 13.5 Решения).

Что касается утверждений заявителя в связи со ст. 14 Конвенции, то Комитет напоминает о том, что это положение признает право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию и налагает на государства-участники обязательство обеспечить получение жертвой соответствующего возмещения за весь нанесенный ущерб... В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя о физических и психологических страданиях от последствий пережитого насилия. Комитет отмечает... что то обстоятельство, что военный следственный судья не распорядился о проведении медицинского освидетельствования, не позволило заявителю воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Комитет считает, что отсутствие немедленного начатого оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на компенсацию в нарушение ст. 14 Конвенции² (п. 13.6 Решения).

Заявитель утверждает... что он является жертвой нарушения ст. 15 Конвенции по причине его осуждения на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что он ни в чем не признавался, а был принужден подписать документ неизвестного ему содержания (п. 13.7 Решения).

Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признания, которые он подписал под пыткой, использовались в качестве основания для его обвинения и оправдания его содержания под стражей на протяжении более шести лет, и что через своего адвоката он на различных этапах разбирательства по его делу безуспешно пытался оспорить доказательственную силу признательных показаний, подписанных им под пыткой. Комитет отмечает также, что суд не принял во внимание утверждений заявителя о применении пыток во время его осуждения на основании его признаний и отрицает, что эти утверждения были представлены в ходе разбирательства³. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Не предприняв никаких проверок и используя такие показания в ходе судебного разбирательства против заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по ст. 15 Конвенции. В связи с этим Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу о Марокко (см.

²См. сообщение № 514/2012, *Нийонзима против Бурунди*, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., п. 8.6.

³Эти сообщения были сделаны в присутствии свидетелей и зафиксированы в протоколах, которые заявитель приобщил к своему сообщению в Комитет. Тем не менее просьба адвоката заявителя, обращенная к военному следственному судье в ходе судебного слушания 8 февраля 2013 г., по возможности допросить составителей протоколов допросов с целью выяснения обстоятельств получения признательных показаний была отклонена.

¹См. сообщение № 376/2009, *Бендиб против Алжира*, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., п. 6.6. См. также *Паро против Испании*, *Бланко Абад против Испании* и *Буабдалла Лтаиф против Туниса*.

CAT/C/MAR/CO/4, п. 17) он выразил обеспокоенность в связи с тем, что согласно сложившейся в государстве-участнике следственной практике признательные показания зачастую служат доказательством, на основании которых можно возбудить преследование в отношении какого-либо лица и вынести обвинительный приговор, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым¹ (п. 13.8 Решения).

Касаясь жалобы на несоблюдение ст. 16 Конвенции, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что обращение, которому его подвергали в ходе судебного разбирательства, включая антисанитарные условия его содержания под стражей в течение первых месяцев пребывания в тюрьме Сале в Рабате, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Комитет... принимает к сведению утверждения о том, что заявитель провел ночь, прикованный наручниками к большой двери, обрешетанной стальной решеткой, охранники пинали его ногами и оскорбляли всякий раз, когда он хотел поменять позу, а его доступ к врачу, адвокату и жене был ограничен в течение нескольких недель. Заявитель... утверждает, что начиная с 18 ноября 2010 г. был помещен в одиночную камеру на четыре месяца и в течение трех месяцев оставался в камере без разрешения на прогулку, имея возможность общаться с другими заключенными только через окно. Не имея какой бы то ни было соответствующей информации от государства-участника по этому вопросу, Комитет приходит к выводу, что представленные факты указывают на нарушение государством-участником своих обязательств по ст. 16 Конвенции² (п. 13.9 Решения).

Вывод Комитета. Факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст.ст. 1 и 12—16 Конвенции (п. 14 Решения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам № 35919/05 и № 3346/06 “*Бирулев и Шишкин против России*” (вынесено 14 июня 2016 г., вступило в силу 14 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованным содержанием под стражей.

Вместе с тем установлено нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием Шишкина М.М. и Бирулева А.В. сотрудниками органов внутренних дел в отсутствие надлежащей регистрации задержания.

Одновременно исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба Шишкина М.М. на обеспечение ему надлежащих условий содержания в следственном изоляторе и ненадлежащее рассмотрение жалоб заявителя на постановление о заключении под стражу в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

Российские власти “признали нарушение ст. 3 и п. 4 ст. 5 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими условия его [Шишкина М.М.] содержания в следственном изоляторе... и в связи с чрезмерно дли-

тельным пересмотром... постановления о задержании... и заявили о своей готовности выплатить ему 6415 евро в качестве справедливой компенсации. Кроме того, они просили Суд исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел согласно ст. 37 Конвенции” (п. 35 постановления).

Заявитель “отклонил предложение Властей, посчитав предлагаемую ему сумму слишком низкой, и настаивал на рассмотрении других его жалоб” (п. 36 постановления).

Европейский Суд установил, что “Власти не оспаривают конкретные утверждения, выдвинутые вторым заявителем, и недвусмысленно признают факт нарушения статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции, о которых тот утверждает... Что же касается предполагаемого возмещения, которое должно быть представлено второму заявителю, Власти обязались выплатить ему 6415 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, а также судебных расходов и издержек... [П]редложенная сумма примерно соответствует той, которая была бы присуждена [Европейским Судом] за те же нарушения Конвенции” (пп. 40—41 постановления).

Суд пришел к выводу о необходимости “исключить данную жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в части бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания второго заявителя под стражей... и в части чрезмерно длительного судебного пересмотра постановления о заключении под стражу” (п. 44 постановления).

Оба заявителя также жаловались на то, что их задержание и первоначальное заключение под стражу в качестве подозреваемых было несовместимо с п. 1 ст. 5 Конвенции.

В отношении первого заявителя Суд установил, что “20 июня 2005 г. приблизительно между 3:00 и 18:00 часами первый заявитель находился под контролем сотрудников милиции без надлежащего оформления данного задержания” (п. 51 постановления).

Что касается Шишкина М.М., Суд отметил, что “второй заявитель продолжал находиться в отделении милиции в течение не менее восьми часов без составления какого-либо протокола задержания или официального признания его процессуального статуса” (п. 52 постановления).

Суд также установил, что “11 апреля 2005 г. второй заявитель находился на охраняемой территории отделения милиции по крайней мере с 15:10 до момента его заключения под стражу, которое произошло примерно в 23:35, когда он был допрошен и подвергнут применению других процессуальных мер. Действительно, было бы нереалистично полагать, что в течение этого периода он мог по своей воле покинуть отделение милиции” (п. 54 постановления).

Европейский Суд также отметил, что “утверждение Властей о том, что второй заявитель находился в отделении милиции в качестве свидетеля, представляется не заслуживающим доверия. Преступление было совершено неизвестными лицами, однако Власти не привели никаких объяснений относительно того, почему второй заявитель был доставлен в отделение милиции вскоре после возбуждения уголовного дела. Равным образом, Власти не пояснили, почему он незамедлительно подвергся ряду процессуальных мер, в частности процедуре опознания. По мнению Суда, представляется очевидным, что с момента его задержания и до составления протокола задержания 11 апреля 2005 г. в 23:35 второй заявитель де-факто рассматривался сотрудниками милиции в качестве подозреваемого. Таким образом, Суд приходит к выводу, что его пребывание в отделении милиции в период с 15:10 до 23:35 11 апреля 2005 г. представляло собой лишение свободы” (п. 55 постановления).

¹См. сообщение № 503/2012, *Нтикараера против Бурунди*, Решение, принятое 12 мая 2014 г., п. 6.6. См. также *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.8.

²См. *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.8.

Суд напомнил, что “отсутствие протокола задержания или постановления о заключении под стражу применительно к сроку лишения свободы само по себе должно считаться серьезным упущением... [Н]егласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью статьи 5 Конвенции” (п. 56 постановления).

Европейский Суд установил, что “[х]отя в случае с обоими заявителями протоколы задержания в конечном итоге и были составлены, указанные в них даты и время задержания заявителей расходились с фактическими датами и временем их задержания. Содержание заявлений под стражей в отделениях милиции... не было зарегистрировано либо признано в какой-либо процессуальной форме. Тот факт, что их задержание не было должным образом оформлено, достаточен для того, чтобы Суд посчитал, что их задержание... противоречило требованиям, выраженным косвенным образом в ст. 5 Конвенции в отношении надлежащей регистрации фактов лишения свободы” (п. 57 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд также отметил, что “положения как Конституции Российской Федерации (статья 22), так и УПК РФ (статьи 10, 92, 94 и 108) требуют вынесения судебного решения для любого содержания под стражей сверх сорока восьми часов с момента фактического задержания, который должен быть точно отражен в протоколе задержания. В настоящем деле постановление о заключении под стражу было вынесено городским судом в 18:25 13 апреля 2005 г., то есть в течение сорока восьми часов с момента подготовки протокола задержания в 11:35 11 апреля 2005 г.” (п. 58 постановления).

Однако Суд указал на то, что “в протоколе задержания указано неверное время фактического задержания второго заявителя, и к тому времени, когда его заключение под стражу было надлежащим образом оформлено, он уже находился под стражей в отделении милиции в течение более трех часов. Городской суд был проинформирован об этом факте стороной защиты, но не стал его рассматривать при вынесении постановления о заключении под стражу, и не принял его во внимание каким-либо иным образом. Отсюда следует, что постановление о заключении под стражу не соответствовало процедуре, предусмотренной УПК РФ, и поэтому являлось незаконным” (п. 59 постановления).

Европейский Суд заключил, что “отсутствие надлежащей регистрации факта лишения второго заявителя свободы 11 апреля 2005 г., и, следовательно, несоблюдение установленного законом срока для санкционирования такого заключения под стражу по решению суда, противоречило гарантии “законности”, предусмотренной статьей 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение данной статьи” (п. 60 постановления).

В отношении законности постановлений о заключении под стражу Суд отметил, что “по настоящему делу заявители были заключены под стражу до предъявления им обвинений... [О]дна лишь ссылка на “исключительные обстоятельства” как на единственное основание для досудебного содержания под стражей лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, но которому пока не предъявлено обвинение, рассматривается Судом как расплывчатая и непредсказуемая, что приводит к возможности беспре-

пятственно действовать на свое усмотрение и к произволу” (п. 66 постановления).

Суд подчеркнул, что “[с]татья 100 УПК РФ ясно дает понять, что лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, может быть заключено под стражу лишь в случае наличия оснований, четко изложенных в статье 97, а также с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ... Таким образом, статью 100 УПК РФ следует толковать в контексте данных положений, равно как и статью 108 УПК РФ, в которой содержатся общие положения, касающиеся возможности содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей” (п. 67 постановления).

Что касается первого заявителя, Европейский Суд отметил, что “районный суд базировал свою оценку на риске того, что первый заявитель, ранее осужденный за угон автомобиля, продолжит заниматься преступной деятельностью, на том основании, что он был задержан за рулем угнанного автомобиля лишь спустя три дня после условно-досрочного освобождения” (п. 69 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд подчеркнул, что “национальные суды ссылались в основном на то обстоятельство, что он был опознан потерпевшей, и что к тому моменту не все преступники были найдены. В обоих случаях национальные суды также приняли во внимание тот факт, что заявители являлись безработными и уже имели судимость” (п. 69 постановления).

Европейский Суд отметил, что “в том случае, если бы задержание заявителей основывалось исключительно на тяжести преступлений, которые они якобы совершили, законность их содержания под стражей могла бы быть поставлена под сомнение” (п. 69 постановления).

Суд также напомнил, что “отсутствие явной ссылки на определенные положения национального законодательства или использование определенных терминов само по себе не означает, что постановление о заключении под стражу является незаконным” (п. 70 постановления).

Кроме того, Суд отметил, что “областной суд отдельно рассмотрел довод второго заявителя о том, что термин “исключительные обстоятельства”, содержащийся в статье 100 УПК РФ, представляет собой дополнительный критерий, который должен был быть соблюден в отношении задержания подозреваемых (в отличие от обвиняемых). Суд пояснил, что данное выражение должно было подчеркнуть особенность ситуации заключенного под стражу подозреваемого в отличие от обвиняемого, в том смысле, что вышеуказанная мера пресечения должна автоматически отменяться в том случае, если подозреваемому не будут предъявлены обвинения в течение установленного законом десятидневного срока... Суд не усматривает оснований для сомнения в толковании соответствующего положения национальными судами; кроме того, Суд также не усматривает каких-либо элементов, демонстрирующих, что власти действовали недобросовестно или пренебрегли надлежащим применением соответствующего законодательства” (п. 71 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “ничто в настоящем деле не демонстрирует, что применение соответствующего национального законодательства в делах заявителей являлось настолько произвольным или необоснованным, что привело к незаконности их заключения под стражу... Соответственно, нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции по настоящему делу допущено не было” (пп. 72—73 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 17564/06 “Садретдинов против России” (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Кон-

венция) в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе, пп. 3 и 4 ст. 5 Конвенции — в связи с необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей, а также ненадлежащим рассмотрением его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Одновременно исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба заявителя на необеспечение ему надлежащих условий содержания в следственном изоляторе в Москве и чрезмерную длительность содержания его под стражей в связи с принятием условий односторонней декларации властей.

Заявитель жаловался на нарушения ст. 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей, а также п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с необоснованным содержанием под стражей. Власти представили свою одностороннюю декларацию с целью разрешения вопросов, касающихся названных нарушений. Заявитель не ответил на предложение властей.

Европейский Суд был удовлетворен тем, что “власти не оспаривали эту часть утверждений заявителя и открыто признали нарушение статьи 3 в связи с условиями его содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с его предварительным заключением под стражу во время второго раунда слушаний по уголовному делу против него” (п. 53 постановления).

Власти также обязались выплатить заявителю 4400 евро в качестве справедливой компенсации. Европейский Суд отметил, что “предлагаемая сумма не является необоснованной по сравнению с суммами, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах” (п. 54 постановления).

Суд заключил, что “будет целесообразным прекратить производство по части жалобы, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе... и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия” (п. 57 постановления).

Заявитель также утверждал, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, что не получал надлежащей медицинской помощи во время нахождения под стражей.

Суд установил, что “записи в медицинской карте заявителя, сделанные фельдшером следственного изолятора, были неполными и не отражали фактическое состояние здоровья заявителя” (п. 72 постановления).

Европейский Суд отметил, что “при своем поступлении в следственный изолятор заявитель сообщил медицинским работникам о своей инвалидности... Однако это не заставило администрацию следственного изолятора выяснить причину инвалидности; также это не побудило их запросить прежнюю информацию о состоянии здоровья заявителя несмотря на тот факт, что это было явно рекомендовано сделать... Заявитель был помещен в обычный следственный изолятор. На протяжении нескольких месяцев после задержания заявителя состояние его здоровья находилось под наблюдением в основном фельдшера следственного изолятора, который по неизвестным причинам абсолютно игнорировал состояние здоровья заявителя... [Х]отя записи, сделанные врачами скорой помощи, были приложены к медицинской карте заявителя, медицинские работники следственного изолятора не приняли содержание этих записей во внимание” (п. 73 постановления).

Европейский Суд заключил, что “серьезное упущение российских властей в том, что они не выявили потребности заявителя в медицинской помощи и не предоставили ему медицинскую помощь соответствующего уровня во время его содержания под стражей. В результате неспособность властей предоставить заявителю медицинскую помощь, в которой он нуждался,

подвергла его длительным психологическим и физическим страданиям, унижающим его человеческое достоинство. Эта неспособность властей представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции” (п. 75 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что длительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовала требованию “разумного срока”, установленного в п. 3 ст. 5 Конвенции. Рассматриваемый период составляет более одиннадцати месяцев.

Суд напомнил, что “[в]сякий раз, выявляя нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечал слабость аргументации российских судов, распорядившихся о продлении срока содержания заявителей под стражей. От дела к делу он указывал на следующие основные недостатки в аргументации судов: ссылка на тяжесть обвинений как на основное оправдание вероятности того, что заявитель скроется от правосудия; подозрение в отсутствие какой-либо доказательной базы в том, что заявитель может воздействовать на свидетелей или использовать свои связи в государственных органах для препятствования отправлению правосудия; неспособность тщательно изучить возможность применения другой, менее суровой меры пресечения, такой как освобождение под залог; а также совместное продление срока содержания под стражей заявителя и его сообщников без надлежащего рассмотрения личных обстоятельств каждого из обвиняемых” (п. 84 постановления).

Европейский Суд отметил, что в настоящем деле “российские суды... постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений и вероятность того, что заявитель скроется или будет препятствовать отправлению правосудия, основывая свои опасения на тех же предположениях, что и в делах, ссылки на которые приведены выше... [П]ри принятии доводов следствия о том, что заявитель способен уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, суды не уделяли внимания важным и насущным обстоятельствам, поддерживающим ходатайства заявителя об освобождении и снижающим вероятность того, что он скроется от правосудия или вступит в сговор. Такие обстоятельства... включали в себя слабое здоровье заявителя, его сильные связи с сообществом и отсутствие каких-либо доказательств того, что он когда-либо пытался связаться с жертвами или свидетелями в ходе разбирательства по уголовному делу. В данных обстоятельствах Европейский Суд не может не сделать вывод о том, что российские суды не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу его содержания под стражей” (п. 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что “не сославшись на конкретные факты, имеющие отношение к делу, или не рассмотрев возможность применения альтернативных “мер пресечения”, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться “достаточными”. Таким образом, власти не смогли обосновать продление лишения заявителя свободы почти на один год... Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей” (пп. 86—87 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 4 ст. 5 Конвенции, на ненадлежащее рассмотрение его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Европейский Суд установил, что “городской суд отказался рассматривать кассационные жалобы [заявителя], заключив, что они не подлежали обжалованию, так как были вынесены в ходе производства в суде первой инстанции” (п. 94 постановления).

Суд пришел к выводу, что “было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что кассационные жалобы заявителя на постановления, отказывающие в удовлетворении ходатайств об освобождении, не были рассмотрены” (п. 95 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 32013/07 “Попов против России” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение пп. 1 и 5 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием Попова Б.А. под стражей в отделении полиции, а также в связи с отказом национальных судов в предоставлении компенсации за соответствующее нарушение.

Установлено также нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишённого свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 5 Конвенции, на незаконность своего содержания под стражей в отделении полиции, а также на то, что национальные суды отклонили его исковое заявление о возмещении вреда.

Европейский Суд напомнил, что “различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности... Защита от произвольного задержания, закрепленная в п. 1 ст. 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было” (п. 19 постановления).

Суд отметил, что “по словам заявителя, сотрудники милиции воспрепятствовали его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя... В своих заявлениях власти не утверждали, что заявитель мог свободно покинуть отделение милиции, по крайней мере, до того момента, пока ему не было разрешено это сделать. Кроме того, они не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделении милиции во время нахождения в нем заявителя. После того как был установлен тот факт, что заявитель не мог свободно покинуть отделение милиции, вопрос о том, прибыл ли он туда добровольно или же он был туда доставлен, который также был поднят государством-ответчиком, становится неприципиальным... Тот факт, что российские власти считали, что заявитель не являлся задержанным по смыслу российского законодательства, не означает, что он не был лишен свободы в соответствии с положениями Конвенции” (п. 20 постановления).

В данных обстоятельствах Суд посчитал установленным тот факт, что “в рамках настоящего дела имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции” (п. 20 постановления).

Европейский Суд заключил, что “заявитель ответил на вопросы сотрудников милиции и повиновался их приказам... Кроме того, сторонами не оспаривается тот факт, что заявитель не являлся официально подозреваемым или обвиняемым в совершении какого-либо преступления... Совершенно очевидно, что лишение заявителя свободы... не могло быть осуществлено “с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления” по смыслу подпункта “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции... Следовательно, лишение свободы не имело никакой законной цели в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции и являлось произвольным...

[Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции” (пп. 21—22 постановления).

Европейский Суд также напомнил, что “право на получение компенсации, закрепленное п. 5 ст. 5 Конвенции, возникает в случае установления Судом или национальными судами, прямо или по существу, нарушения одного из других четырех пунктов данной статьи” (п. 23 постановления).

Суд пришел к выводу, что “заявитель не обладал осуществимым правом на получение компенсации за лишение его свободы, что, как было установлено, являлось нарушением статьи 5 Конвенции... Таким образом, по настоящему делу было допущено нарушение п. 5 ст. 5 Конвенции” (пп. 24—25 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся, в том числе — в кассационных слушаниях.

Европейский Суд отметил, что “в рамках обоих разбирательств заявитель выразил желание присутствовать на... слушании лично. Но... ему было отказано в предоставлении разрешения на личное присутствие в зале суда со ссылкой на отсутствие какой-либо правовой нормы, делающей его присутствие обязательным... Европейский Суд отверг данный подход как чрезмерно формалистический, поскольку отсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявитель мог бы эффективно представить объяснения по своему делу в судах, поскольку он был надлежащим образом проинформирован о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителя о сроках кассационного слушания было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло ему лично присутствовать в зале суда” (п. 29 постановления).

Суд отметил, что “[в] настоящем деле суды... не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителем и имело ли его непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, кассационный суд отказал заявителю в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существа соответствующих разбирательств и не известил его о данном решении в достаточной мере заблаговременно” (п. 30 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что “эффективное участие заявителя в... слушаниях также могло быть обеспечено путем [имеющихся] процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания... [С]уды вообще не рассматривали данные варианты и приступили к слушанию соответствующего дела, по сути, не информируя заявителя о возможных способах компенсировать его отсутствие в зале суда. В результате заявитель не смог принять решение о дальнейшем плане действий по защите своих прав и был лишен возможности эффективно представить свои объяснения по делу в... судах, в нарушение статьи 6 Конвенции” (п. 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что “отказав заявителю на основании недостатков отечественного законодательства в предоставлении возможности присутствовать на кассационных слушаниях в рамках гражданского процесса, стороной которого он являлся, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволявшие обеспечить заслушивание доводов заявителя, национальные суды не выполнили свои

обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции” (пп. 32—33 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, на чрезмерную длительность исполнения решения районного суда.

Европейский Суд установил, что “[в]ласти не оспаривали тот факт, что несвоевременное исполнение судебного решения... было несовместимым с нормами Конвенции” (п. 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что “неисполнение национальными властями судебного решения, вынесенного в пользу заявителя, помешало ему получить денежные средства, право на получение которых он имел в соответствии с окончательным и обязательным для исполнения судебным решением... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 в связи с несвоевременным исполнением судебного решения” (пп. 37—38 постановления).

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 78774/13 “Топехин против России” (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым в том числе отклонена жалоба Топехина В.А. на нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем установлено нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции — в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пп. 3 и 4 ст. 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде

заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам № 3400/06, 1134/12, 27903/12, 15155/13, 1454/14, 43335/14, 43527/14, 60371/14, 68060/14, 36550/15, 39181/15, 41633/15 и 51162/15 “Клепиков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), № 611/15 и 6 других “Сарбахтин и другие против России” (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), № 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13, 6503/14 “Маевский и другие против России” (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), № 69863/13 “Давляшова против России” (вынесено и вступило в силу 18 октября 2016 г.), № 28484/06, 4613/09, 29899/09, 20064/13, 23850/13, 69323/13 и 76881/13 “Кирильчук и другие против России” (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.), № 24967/06, 13708/08, 43584/11, 2906/14, 68255/14, 72879/14 и 77966/14 “Девятов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 20 декабря 2016 г.), № 72986/10, 5441/11, 21051/11, 32021/14 и 40987/14 “Хамзин и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), № 39399/08, 39554/08, 45510/09, 21744/10 и 23272/16 “Котов и другие против России” (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 50483/07, 21974/09, 53102/10, 66061/13 и 8351/15 “Федоров и другие против России” (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 6116/10, 53833/10, 1164/15, 1405/15, 10164/15 и 42708/15 “Носенко и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), № 32357/05, 49012/13, 42110/15, 1827/16, 8773/16, 16417/16 “Вихарев и другие против России” (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), № 51182/10 и 5 других “Джабаров и другие против России” (вынесено и вступило в силу 2 февраля 2017 г.).

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
15 ноября 2017 г.)*

ОБЗОР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫМ С ДОБРОВОЛЬНЫМ СТРАХОВАНИЕМ ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН

Рынок добровольного имущественного страхования в настоящее время характеризуется расширением спектра оказываемых финансовых услуг и предлагаемых субъектами страхового дела страховых продуктов, а также ростом числа граждан, использующих страховые услуги для защиты своих имущественных интересов.

Согласно Федеральному закону от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков” Банк России наделен полномочиями по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков за некредитными финансовыми организациями, включая субъектов страхового дела.

В соответствии с изменениями, внесенными указанным Законом, усилен контроль за соблюдением прав потребителей страховых услуг, законностью и добросовестностью поведения на страховом рынке.

Верховным Судом РФ проводится систематическая работа по обобщению практики рассмотрения дел, связанных с добровольным имущественным страхованием.

Пленумом Верховного Суда РФ приняты постановления от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, в котором разъяснены в том числе вопросы применения законодательства о защите прав потребителей к страховым отношениям, а также постановления от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан”, содержащее системные разъяснения всех аспектов регулирования добровольного страхования имущества.

К настоящему моменту накоплена значительная практика применения судами правовых норм, регулирующих имущественное страхование, с учетом названных постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Отдельные правовые позиции излагались в периодических обзорах Верховного Суда РФ.

Настоящий Обзор подготовлен в целях обеспечения эффективной защиты нарушенных прав и законных интересов страхователей, выгодоприобретателей и страховщиков, правильного и единообразного применения законов при рассмотрении дел соответствующей категории.

1. Страховая стоимость имущества, указанная в договоре страхования, не может быть впоследствии оспорена, за исключением случая, когда страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска, был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости.

К. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании невыплаченной суммы страхового возмещения, убытков, неустойки, процентов, штрафа и судебных расходов, сославшись на то, что 30 сентября 2014 г. между ним и ответчиком заключен договор добровольного комбинированного страхования принадлежащего истцу автотранспортного средства. В период действия договора страхования — 2 января 2015 г. — машина была похищена, однако сумма страхового возмещения ответчиком не выплачена.

Страховая компания обратилась в суд со встречным иском с требованием к К. о признании договора страхования ничтожным в части страховой суммы, взыскании судебных расходов.

Разрешая спор и отказывая в иске в части требования К. о взыскании в его пользу суммы невыплаченного страхового возмещения, суд первой инстанции сослался на то, что при страховании транспортного средства истца по первоначальному иску страховая сумма по договору была завышена.

С этим выводом согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций не соответствующими требованиям закона.

В соответствии со ст. 945 ГК РФ при заключении договора страхования имущества страховщик вправе произвести осмотр страхуемого имущества, а при необходимости назначить экспертизу в целях установления его действительной стоимости. При заключении договора личного страхования страховщик вправе провести обследование страхуемого лица для оценки фактического состояния его здоровья. Оценка страхового риска страховщиком на основании названной статьи необязательна для страхователя, который вправе доказывать иное.

На основании п. 1 ст. 947 ГК РФ сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными этой статьей. При страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховую стоимость).

Согласно ст. 948 ГК РФ страховая стоимость имущества, указанная в договоре страхования, не может быть впоследствии оспорена, за исключением случая, когда страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска (п. 1 ст. 945 ГК РФ), был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости.

Пунктом 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” разъяснено, что на основании ст. 945 ГК РФ при заключении договора страхования имущества страховщик вправе произвести осмотр

страхуемого имущества, а при необходимости — назначить экспертизу в целях установления его действительной стоимости. В силу ст. 948 ГК РФ страховая стоимость имущества не может быть оспорена, если при заключении договора добровольного страхования между сторонами было достигнуто соглашение о ее размере. Вместе с тем, если страховщик, не воспользовавшийся до заключения договора своим правом на оценку страхового риска, был умышленно введен в заблуждение относительно его стоимости, то страховая стоимость имущества может быть оспорена.

Таким образом, действующие нормы Гражданского кодекса РФ и разъяснения Верховного Суда РФ указывают на то, что проверка наличия и характера страхуемого интереса при заключении договора проводится по инициативе страховщика. Несовержшение страховщиком этих действий впоследствии лишает его возможности ссылаться на несоответствие установленной в договоре страховой суммы действительной (рыночной) стоимости объекта страхования. После заключения договора страхования основанием оспаривания страховой стоимости имущества может служить только введение страховщика в заблуждение относительно действительной стоимости имущества.

Из полиса страхования следует, что стоимость застрахованного имущества не определена. При этом обстоятельства введения страховщика истцом в заблуждение установлено не было.

При таких обстоятельствах суды в нарушение приведенных выше правовых норм и акта их толкования не учли, что, если умышленных действий (обмана) со стороны страхователя, повлекших за собой введение страховщика в заблуждение относительно стоимости страхуемого объекта, не будет установлено, основания для определения иной, чем указано в договоре страхования, страховой суммы отсутствуют, а признание недействительным договора страхования в части превышения страховой стоимости над страховой суммой будет неправомерным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 78-КГ17-27)

2. Если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами, стороны договора добровольного страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, штрафа, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что 19 октября 2011 г. между К. и ответчиком был заключен договор добровольного страхования принадлежащего К. автофургона по рискам “хищение (угон)”; “ущерб”.

Согласно п. 5.1.9 Правил страхования, являющихся частью указанного договора, по всем рискам не являются страховыми случаями события, произошедшие в случае передачи застрахованного транспортного средства в лизинг, аренду, прокат или залог без письменного согласования со страховщиком.

19 сентября 2012 г. между истцом и неизвестным лицом, представившим паспорт на имя Х., был заключен договор аренды автомобиля, на основании которого К. передал этому лицу застрахованный автомобиль с прилагающимися к нему документами, а также выдал доверенность на управление этим автомобилем.

16 октября 2012 г. К. обратился к страховщику с заявлением о наступлении страхового случая по риску “хищение”.

14 января 2013 г. страховщик отказал истцу в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что факта неправомерного завладения транспортным средством не установлено.

23 апреля 2014 г. было возбуждено уголовное дело по факту хищения у истца автомобиля.

10 ноября 2014 г. ответчик повторно отказал истцу в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что в нарушение условий договора страхования К. передал автомобиль в аренду третьему лицу без согласия страховщика.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что доказательств вины К. в хищении принадлежащего ему транспортно-го средства, а также наличия причинно-следственной связи между передачей автомобиля в аренду и его хищением ответчиком представлено не было, в связи с чем страховщик не может быть освобожден от обязанности по выплате страхового возмещения.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что поскольку передача автомобиля К. в аренду третьему лицу не была согласована со страховщиком, то хищение автомобиля по условиям договора страхования не может быть признано страховым случаем.

Отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, президиум городского суда указал, что страховщик может быть освобожден от обязанности по выплате страхового возмещения только по основаниям, предусмотренным законом, а именно ст.ст. 963, 964 ГК РФ. Суд кассационной инстанции указал, что поскольку неисполнение обязанности по согласованию со страховщиком передачи автомобиля в аренду не предусмотрено законом в качестве такого основания, то страховщик не может быть освобожден от обязанности по уплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы президиума городского суда ошибочными.

В соответствии с п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422).

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 942 названного Кодекса при заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страховой случай).

Пунктом 2 ст. 9 Закона об организации страхового дела предусмотрено, что страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Из приведенных правовых норм следует, что стороны договора страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми.

Статьей 431 ГК РФ предусмотрено, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если это не позволяет определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных

отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Судами установлено, что исходя из условий договора страхования событие, произошедшее после передачи застрахованного транспортного средства в аренду без письменного согласования со страховщиком, страховым случаем не является.

При таких обстоятельствах суд второй инстанции пришел к правильному выводу о том, что поскольку автомобиль истца был похищен после передачи последним застрахованного автомобиля в аренду третьему лицу без получения согласия страховщика, то такое событие не является страховым случаем и обязанность по уплате истцу страхового возмещения у страховщика не возникает.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 78-КГ17-5)

В другом деле Р. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения, неустойки, штрафа.

Судом установлено, что 21 апреля 2015 г. между Р. и страховщиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего Р. транспортного средства по рискам “ущерб” и “хищение”, Р. выдан страховой полис.

3 июня 2015 г. Ш., управляя застрахованным автомобилем, не избрала безопасную скорость движения, не справилась с управлением, в результате чего автомобилю Р. причинены механические повреждения. На момент ДТП Ш. не имела водительского удостоверения на право управления транспортным средством.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Р. о взыскании страхового возмещения, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что произошедший случай страховым не является. При этом суд исходил из того, что в соответствии с условиями заключенного сторонами договора страхования событие, произошедшее в результате управления транспортным средством лицом, не имеющим на момент ДТП водительского удостоверения, а также управляющим транспортным средством в отсутствие законных оснований, не относится к страховому случаю.

Отменяя решение суда и частично удовлетворяя исковые требования Р., суд апелляционной инстанции указал, что договор страхования должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом на момент его заключения, при этом правила страхования и сам страховой полис не могут ухудшать права страхователя по сравнению с правилами, установленными законом. Указывая, что отсутствие у лица, управляющего транспортным средством, водительского удостоверения, а также отсутствие указания в договоре страхования на лицо, допущенное к управлению транспортным средством, не предусмотрено законом в качестве основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, судебная коллегия пришла к выводу о том, что произошедший случай следует признать страховым.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из положений ст. 943 ГК РФ следует, что условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования), и являются обязательными для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе) прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложением к нему. В последнем случае вручение страховате-

лю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Договор страхования транспортного средства заключен сторонами в соответствии с Правилами добровольного страхования транспортных средств и спецтехники (далее — Правила страхования), а также в соответствии с дополнительными условиями страхования по страховому продукту (далее — дополнительные условия страхования), утвержденными страховщиком и являющимися частью договора страхования.

На полисе имеется отметка о получении Р. Правил страхования и дополнительных условий страхования, о ее ознакомлении с ними при заключении договора, что подтверждается ее подписью.

Пунктом 3.2 дополнительных условий страхования предусмотрен перечень событий, признаваемых страховыми случаями. Среди них гибель и повреждение транспортного средства в результате ДТП.

Согласно подп. “б” п. 4.1 дополнительных условий страхования не являются страховыми случаями указанные в п. 3.2 случаи, произошедшие в результате управления транспортным средством лицом, не имеющим на момент ДТП водительского удостоверения на право управления транспортным средством соответствующей категории, а также управляющим застрахованным транспортным средством в отсутствие законных оснований (не являющимся собственником застрахованного транспортного средства, либо не имеющим доверенности на право управления застрахованным транспортным средством или путевого листа, либо не имеющим другого законного основания).

Таким образом, условиями заключенного сторонами договора страхования предусмотрено, что к страховым рискам относятся только те ДТП, в которых застрахованным транспортным средством управляло лицо, имеющее право на управление транспортным средством.

Поскольку автомобилем в момент ДТП управляла Ш., не имевшая водительского удостоверения, т.е. документа, подтверждающего ее право управления транспортными средствами, данное ДТП не относится к страховым случаям, наступление которых влечет обязанность страховщика по выплате страхового возмещения.

Удовлетворяя искивые требования Р., суд апелляционной инстанции указал, что закон не предусматривает такого основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения, как отсутствие у лица, управлявшего транспортным средством в момент ДТП, водительского удостоверения. Освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения возможно только по основаниям, предусмотренным ст.ст. 961, 963, 964 ГК РФ.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что данные нормы устанавливают случаи, когда страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения в той ситуации, когда страховой случай наступил.

Однако в настоящем споре страховой случай не наступил, в связи с чем оснований для применения указанных норм материального закона не имелось.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 49-КГ17-3)

3. Договором добровольного страхования может быть предусмотрено, что утрата товарной стоимости не подлежит возмещению страховщиком.

А. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что принадлежащий истцу автомобиль застрахован ответчиком на основании договора добровольного комплексного страхования транспортного средства от 24 сентября 2013 г.

29 августа 2014 г. указанному автомобилю причинены механические повреждения, в связи с чем истец обратился к обществу с заявлением о наступлении страхового случая.

18 ноября 2014 г. автомобиль направлен на станцию технического обслуживания для проведения восстановительного ремонта.

31 августа 2016 г. А. направила страховой компании претензию с требованием возместить утрату товарной стоимости застрахованного автомобиля.

9 сентября 2016 г. страховая компания выплатила истцу денежную сумму в счет возмещения утраты товарной стоимости.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что утрата товарной стоимости добровольно выплачена истцу в полном объеме.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа во взыскании неустойки, компенсации морального вреда, штрафа и принимая в этой части новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал, что восстановительный ремонт транспортного средства был проведен без учета утраты товарной стоимости, в связи с чем за период с момента направления автомобиля на ремонт до момента возмещения утраты товарной стоимости с общества подлежит взысканию неустойка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Пунктом 5 ст. 28 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) предусмотрено, что в случае нарушения установленных сроков выполнения работы (оказания услуги) или назначенных потребителем новых сроков исполнитель уплачивает потребителю за каждый день (час, если срок определен в часах) просрочки неустойку (пеню) в размере трех процентов цены выполнения работы (оказания услуги), а если цена выполнения работы (оказания услуги) договором о выполнении работ (оказании услуг) не определена — общей цены заказа. Договором о выполнении работ (оказании услуг) между потребителем и исполнителем может быть установлен более высокий размер неустойки (пени).

Таким образом, неустойка является мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется только в случае нарушения исполнителем установленных законом или договором сроков выполнения работы (оказания услуги).

В соответствии с пп. 1 и 4 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422 ГК РФ). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Пунктом 3 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” (далее — Закон об организации страхового дела) установлено, что под страховой выплатой

понимается денежная сумма, которая определена в порядке, установленном федеральным законом и (или) договором страхования, и выплачивается страховщиком страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю при наступлении страхового случая.

Согласно п. 11.3.2 Правил добровольного комплексного страхования транспортных средств, являющихся частью заключенного сторонами договора страхования, страховщиком не возмещаются убытки, возникшие в результате утраты товарной стоимости.

Таким образом, страховщик и страхователь заключили договор страхования, не предусматривающий обязанности возместить утрату товарной стоимости автомобиля.

Данное условие договора не противоречит каким-либо императивным правовым нормам и не ущемляет права страхователя.

Возмещение утраты товарной стоимости было осуществлено ответчиком исключительно по собственной инициативе и по собственному усмотрению, несмотря на отсутствие обязанности осуществить такое возмещение.

Однако суд апелляционной инстанции оставил без какой-либо оценки отсутствие у ответчика обязанности возместить истцу утрату товарной стоимости и взыскал с общества неустойку за просрочку исполнения несущего обязательства.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 16-КГ17-38)

4. В случае сомнений относительно толкования условий договора добровольного страхования, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться толкование, наиболее благоприятное для потребителя (*contra proferentem*).

К. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, неустойки, штрафа и компенсации морального вреда.

Судом установлено, что К. является собственником автомобиля.

Указанное транспортное средство застраховано у ответчика по договору добровольного страхования по рискам КАСКО — “ущерб” и “хищение”.

17 августа 2013 г. автомобиль истца был похищен.

Постановлением следователя по факту хищения неустановленным лицом автомобиля истца возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что в соответствии с Правилами страхования транспортных средств, утвержденными страховщиком, хищение автомобиля путем мошенничества не является страховым случаем.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и частично удовлетворяя исковые требования К., пришел к выводу о том, что поскольку договором страхования предусмотрена обязанность страховщика выплатить страховое возмещение в случае хищения автомобиля, постольку требование истца подлежит удовлетворению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав, в частности, следующее.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 943 ГК РФ условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков (правилах страхования).

Условия, содержащиеся в правилах страхования и не включенные в текст договора страхования (страхового полиса), обязательны для страхователя (выгодоприобретателя), если в договоре (страховом полисе)

прямо указывается на применение таких правил и сами правила изложены в одном документе с договором (страховым полисом) или на его оборотной стороне либо приложены к нему. В последнем случае вручение страхователю при заключении договора правил страхования должно быть удостоверено записью в договоре.

Вместе с тем при заключении договора страхования страхователь и страховщик могут договориться об изменении или исключении отдельных положений правил страхования и о дополнении правил (п. 3 ст. 943 ГК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Как установлено судом, договор страхования между сторонами заключен путем выдачи страховщиком страхового полиса, в котором в качестве событий, на случай которых осуществляется страхование, указаны ущерб и хищение. Каких-либо исключений относительно данных страховых рисков в полисе не содержится.

Заключительные положения страхового полиса содержат указание на то, что Правилами страхования стороны договора руководствуются по вопросам, не урегулированным данным полисом.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции, исходя из буквального толкования условий, изложенных в страховом полисе, пришел к правильному выводу о том, что при заключении договора страхования сторонами в соответствии с приведенным выше п. 3 ст. 943 ГК РФ страховой риск (а при его наступлении — страховой случай) определен как хищение, независимо от его формы и способа.

Толкование судом апелляционной инстанции условия договора о страховом случае соответствует также и положениям законодательства о защите прав потребителей.

Согласно п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

Данная норма, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, направлена на защиту прав потребителей как экономически более слабой и зависимой стороны в гражданских отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями (Определение от 4 октября 2012 г. № 1831-О и др.).

Пунктом 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан” прямо разъяснено, что стороны вправе включать в договор добровольного страхования имущества условия о действиях страхователя, с которыми связывается вступление в силу договора, об основаниях для отказа в страховой выплате, о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая, и другие условия, если они не противоречат действующему законодательству, в частности ст. 16 Закона о защите прав потребителей.

С учетом изложенного в случае сомнений относительно толкования условий договора, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться толкование *contra proferentem*, наиболее благоприятное для потребителя, особенно тогда, когда эти условия не были индивидуально с ним согласованы.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2015 г. № 18-КГ15-47)

5. В случае причинения вреда имуществу в период действия договора добровольного страхования страхователь имеет право на выплату страхового возмещения, которая не может быть поставлена в зависимость от того, что подача заявления о выплате страхового возмещения имела место после прекращения действия договора добровольного страхования.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения, неустойки и штрафа в размере 50% от определенной к взысканию денежной суммы.

Судами установлено, что К. на праве собственности принадлежит автомобиль, застрахованный ответчиком по договору добровольного страхования транспортного средства. Срок действия договора страхования установлен с 7 июня 2013 г. по 6 июня 2014 г.

По утверждению истца, 2 июня 2014 г. в результате вылета камней из-под колес встречного транспортного средства было повреждено ветровое стекло его автомобиля.

11 июня 2014 г. истец обратился к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения, 18 июня 2014 г. транспортное средство было представлено страховщику на осмотр.

1 июля 2014 г. страховщик отказал в выплате страхового возмещения, мотивировав свой отказ тем, что истец подал заявление о выплате страхового возмещения после прекращения действия договора страхования.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай наступил в период действия договора страхования, о наступлении страхового случая страховая компания была уведомлена истцом по телефону “горячей линии” в период срока действия договора.

Суд апелляционной инстанции не согласился с этими выводами, указав, что в деле отсутствуют доказательства о сообщении истцом о страховом событии ответчику 2 июня 2014 г. по телефону “горячей линии”.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, признавая выводы суда апелляционной инстанции ошибочными, указала следующее.

Согласно ст. 9 (п. 2) Закона об организации страхового дела страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Как разъяснено в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан”, страховой случай включает в себя опасность, от которой производится страхование, факт причинения вреда и причинную связь между опасностью и вредом и считается наступившим с момента причинения вреда (утраты, гибели, установления недостачи или повреждения застрахованного имущества) в результате действия опасности, от которой производилось страхование. При выявлении причиненного вреда за пределами срока действия договора лицо, в пользу которого заключен договор страхования (страхователь, выгодоприобретатель), имеет право на страховую выплату, если вред был причинен либо начал причиняться в период действия договора. Если по обстоятельствам дела момент причинения вреда не может быть достоверно определен, вред считается причиненным в момент его выявления.

Таким образом, в случае причинения вреда имуществу в период действия договора страхования страхователь имеет право на выплату страхового возмещения, которая не может быть поставлена в зависимость от

того, что подача заявления о выплате страхового возмещения имела место после прекращения действия договора страхования.

Статьей 961 ГК РФ установлено, что страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в условленный срок и указанным в договоре способом. Такая же обязанность лежит на выгодоприобретателе, которому известно о заключении договора страхования в его пользу, если он намерен воспользоваться правом на страховое возмещение (п. 1).

Неисполнение обязанности, предусмотренной п. 1 ст. 961, дает страховщику право отказать в выплате страхового возмещения, если не будет доказано, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая либо что отсутствие у страховщика сведений об этом не могло сказаться на его обязанности выплатить страховое возмещение (п. 2).

Как разъяснено в абз. 3 п. 29 указанного постановления, страхователь или выгодоприобретатель имеет возможность оспорить отказ страховщика в выплате страхового возмещения, предъявив доказательства того, что страховщик своевременно узнал о наступлении страхового случая.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требований, необоснованно не учел, что срок действия договора страхования, заключенного с истцом, истек 6 июня 2014 г., о наступлении страхового случая страховщик был уведомлен в период действия договора страхования.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 августа 2016 г. № 44-КГ16-14)

6. Страховщик не может быть освобожден от выплаты страхового возмещения по мотивам несовершения страхователем действий по обжалованию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда застрахованному имуществу.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ремонта, расходов по оценке, штрафа, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что поврежденное транспортное средство, принадлежащее истцу, было им застраховано 20 марта 2013 г. по договору имущественного страхования у ответчика по риску КАСКО — “хищение” и “ущерб”.

18 декабря 2013 г. истец обнаружил на своем автомобиле механические повреждения, в связи с чем обратился в органы внутренних дел.

Из постановления органа дознания следует, что в ходе проведенной проверки по заявлению М. установлено, что на автомобиле истца обнаружены механические повреждения, однако в возбуждении уголовного дела было отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ со ссылкой на то, что в действиях неустановленного лица отсутствуют признаки состава преступления, поскольку потерпевший не может определить причиненную сумму ущерба.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что отсутствуют основания для выплаты страхового возмещения из-за недоказанности наступления страхового случая, т.е. причинения истцу ущерба в заявленном размере вследствие повреждения транспортного средства в указанную истцом дату. Суд пришел к выводу о том, что, поскольку истец не оспаривал постановление органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в действиях неустановленного лица состава преступления, предусмотренно-

го ч. 1 ст. 167 УК РФ, он согласился с указанной формулировкой.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с такими выводами судов не согласилась и признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

В силу п. 4 ст. 965 ГК РФ, если страхователь (выгодоприобретатель) отказался от своего права требования к лицу, ответственному за убытки, возмещенные страховщиком, или осуществление этого права стало невозможным по вине страхователя (выгодоприобретателя), страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения полностью или в соответствующей части и вправе потребовать возврата излишне выплаченной суммы возмещения.

В п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" разъяснено, что не может свидетельствовать об отказе страхователя (выгодоприобретателя) от права требования к лицу, ответственному за убытки, а также о невозможности осуществления этого права по вине страхователя (выгодоприобретателя) несовершение им действий по обжалованию постановлений органов дознания и предварительного следствия, которыми отказано в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда (например, в связи с тем что размер ущерба является незначительным, поскольку имущество застраховано, либо в связи с выводом об отсутствии состава преступления в действиях неустановленных лиц, причинивших повреждения застрахованному имуществу) или приостановлено производство по уголовному делу до исчерпания всех возможностей установления лица, ответственного за вред.

Сам факт обращения в полицию с сообщением о противоправных действиях третьих лиц требует от правоохранительных органов проведения необходимых мероприятий, предполагающих розыск и установление лиц, совершивших правонарушение. Исходя из этого несовершение истцом действий по обжалованию постановления органа дознания от 26 декабря 2013 г., которым в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда отказано, не может свидетельствовать об отказе истца от права требования к лицу, ответственному за убытки, а также о невозможности осуществления этого права по вине страхователя.

Кроме того, отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что М. не представлено доказательств, свидетельствующих о наступлении страхового случая в соответствии с условиями заключенного между сторонами договора страхования.

Данный вывод сделан судом апелляционной инстанции с нарушением норм процессуального права, а именно ч. 1 ст. 196 ГПК РФ, согласно которой при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Так, суд безосновательно не принял в качестве доказательства, свидетельствующего о наступлении страхового случая, постановление органа дознания, которым установлено, что транспортному средству истца были причинены механические повреждения.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 ноября 2015 г. № 80-КГ15-19)

7. Если договором добровольного страхования предусмотрено изменение в течение срока его действия размера страховой суммы, исходя из которой страхователем уп-

лачена страховая премия по соответствующему для такой дифференцированной страховой суммы тарифу, то под полной страховой суммой при отказе страхователя от прав на имущество в пользу страховщика (абандон) следует понимать страховую сумму, определенную договором на день наступления страхового случая.

Ю. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании недоплаченного страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, штрафа.

Как установлено судом, 3 сентября 2015 г. между Ю. и страховой организацией заключен договор добровольного страхования автомобиля по страховому риску "хищение" на срок с 9 сентября 2015 г. по 8 сентября 2016 г.

Дополнительным соглашением от 3 сентября 2015 г. к договору страхования предусмотрено изменение размера страховой суммы в течение срока действия договора страхования.

21 июля 2016 г. автомобиль Ю. был похищен.

16 августа 2016 г. страховая компания выплатила Ю. страховое возмещение в размере страховой суммы, установленной дополнительным соглашением от 3 сентября 2015 г., на день наступления страхового случая.

17 августа 2016 г. Ю. направил страховой компании претензию с требованием о выплате страхового возмещения в размере действительной стоимости имущества на момент заключения договора, однако данная претензия была оставлена без удовлетворения.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что размер страховой выплаты, полученной Ю., установлен условиями договора страхования и не противоречит п. 5 ст. 10 Закона об организации страхового дела.

С таким выводом согласилась Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Статьей 947 ГК РФ в пп. 1 и 2 установлено, что сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными названной статьей.

При страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховую стоимость). Такой стоимостью считается для имущества его действительная стоимость в месте его нахождения в день заключения договора страхования; для предпринимательского риска убытки от предпринимательской деятельности, которые страхователь, как можно ожидать, понес бы при наступлении страхового случая.

В развитие положения ст. 947 ГК РФ Закон об организации страхового дела в абз. 1 п. 3 ст. 3 предусматривает, что добровольное страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования, определяющих общие условия и порядок его осуществления. Правила страхования принимаются, утверждаются страховщиком или объединением страховщиков самостоятельно в соответствии с Гражданским кодексом РФ, названным Законом и федеральными законами и содержат положения о субъектах страхования, об объектах страхования, о страховых случаях, о страховых рисках, о порядке определения страховой суммы, страхового тарифа, страховой премии (страховых взносов), о порядке заключения, исполнения и прекращения договоров страхования, о правах и обязанностях сторон, об определении размера убытков

или ущерба, о порядке определения страховой выплаты, о сроке осуществления страховой выплаты, а также исчерпывающий перечень оснований отказа в страховой выплате и иные положения.

По требованиям страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей, а также лиц, имеющих намерение заключить договор страхования, страховщики обязаны разъяснять положения, содержащиеся в правилах страхования и договорах страхования, и предоставлять, в частности, информацию о расчетах изменения в течение срока действия договора страхования страховой суммы, расчетах страховой выплаты или выкупной суммы (если такие условия предусмотрены договором страхования жизни) (абз. 4).

Согласно п. 5 ст. 10 Закона об организации страхового дела в случае утраты, гибели застрахованного имущества страхователь, выгодоприобретатель вправе отказаться от своих прав на него в пользу страховщика в целях получения от него страховой выплаты (страхового возмещения) в размере полной страховой суммы.

В п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" в случае полной гибели имущества, т.е. при полном его уничтожении либо таком повреждении, когда оно не подлежит восстановлению, страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы в соответствии с п. 5 ст. 10 Закона об организации страхового дела (абандон).

Из содержания указанных норм и акта их разъяснения следует, что в случае полной утраты имущества и при отказе страхователя от прав на это имущество в пользу страховщика (абандон) страхователю подлежит выплата полная страховая сумма, которая определяется по соглашению страховщика со страхователем при заключении договора страхования.

При этом законом установлен запрет лишь на установление страховой суммы выше действительной стоимости имущества на момент заключения договора страхования.

Запрета на установление при заключении договора размера страховой суммы ниже действительной стоимости застрахованного имущества, в том числе путем последовательного уменьшения размера страховой суммы в течение действия договора страхования, законом не предусмотрено.

Требований о том, что определяемая при заключении договора страхования сумма должна быть равной страховой стоимости имущества, либо о том, что при полной утрате имущества страхователю подлежит выплата не полная страховая сумма, а действительная стоимость утраченного имущества, нормы Гражданского кодекса РФ и Закона об организации страхового дела не содержат.

Из обстоятельств дела, как они установлены судом, следует, что стороны при заключении договора определили конкретную страховую сумму по договору, уменьшающуюся по периодам в течение действия договора страхования, исходя из которой страхователем уплачена страховая премия по соответствующему для такой дифференцированной страховой суммы тарифу.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 91-КГ17-7)

8. В случае неисполнения страховщиком предусмотренного договором добровольного страхования обязательства произвести восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей страхователь вправе потребовать возмещения стоимости восстановительного ремонта в пределах страховой суммы.

М. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании стоимости восстановительного ре-

монта автомобиля, утраты его товарной стоимости, неустойки, штрафа и судебных расходов.

В обоснование требований истец указал, что 6 февраля 2015 г. между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования принадлежащего истцу автомобиля на срок с 8 февраля 2015 г. по 7 февраля 2016 г. по страховым рискам "ущерб + хищение". Форма выплаты страхового возмещения определена сторонами путем ремонта транспортного средства на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

10 августа 2015 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобиль истца был поврежден.

11 августа 2015 г. М. обратился к страховщику для подачи заявления о страховом случае, однако в принятии заявления ему было отказано. В этот же день заявление о страховом случае было направлено истцом по электронной почте, а 2 сентября 2015 г. направлена претензия.

В связи с отказом ответчика принять заявление и оценить размер ущерба истец был вынужден обратиться в дилерский центр, который произвел оценку стоимости восстановительного ремонта.

Удовлетворяя искивые требования М. частично, суд первой инстанции исходил из того, что страховой случай имел место, факт обращения истца к страховщику с заявлением о страховом случае и выплата возмещения, а также с претензией по поводу неисполнения страховщиком обязательств установлен. Доказательств рассмотрения заявления истца и оснований для отказа в страховой выплате страховщик не представил.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что страховой случай имеет место, но по условиям договора между истцом и ответчиком страховая выплата производится путем ремонта автомобиля на станции технического осмотра автомобилей по направлению страховщика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными.

По общему правилу, установленному п. 3 ст. 10 Закона об организации страхового дела, обязательство по выплате страхового возмещения является денежным.

Согласно п. 4 названной статьи Закона условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, — организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

В соответствии с п. 1 ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения.

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2).

Согласно п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан", если договором добровольного страхования предусмотрен восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, осуществляемый за счет страховщика, то в случае неисполнения обязательства по производству восстановительного ремонта в установленные договором страхования сроки страхователь вправе поручить производство восстано-

вительного ремонта третьим лицам либо произвести его своими силами и потребовать от страховщика возмещения понесенных расходов в пределах страховой выплаты.

Таким образом, в случае нарушения страховщиком обязательства произвести ремонт транспортного средства страхователь вправе потребовать возмещения стоимости ремонта в пределах страховой суммы.

С учетом изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что при указанных выше обстоятельствах у истца отсутствует право требовать выплаты стоимости восстановительного ремонта, противоречит приведенным нормам права и постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан».

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 49-КГ17-19)

9. Если обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена страховщиком в большем размере, излишне выплаченная сумма подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, в обоснование исковых требований указав, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства О. по рискам «хищение» и «ущерб». 15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было. В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая компания произвела выплату страхового возмещения в размере, значительно превышающем стоимость восстановительного ремонта автомобиля, впоследствии определенную судом на основе выводов судебной экспертизы.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, руководствовался ст. 1102 ГК РФ и исходил из того, что обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Суд второй инстанции принял новое решение об отказе в удовлетворении иска, указав на то, что выплаченное страховой компанией страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на п. 4 ст. 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательного обогащения не подлежала возврату.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного Кодекса.

В силу ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям

одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания.

Согласно подп. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

По смыслу данной нормы не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства.

Судом апелляционной инстанции установлено, что при наступлении страхового случая у страховщика возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О. денежной суммы. При определении размера этой суммы страховщик исходил из экспертного заключения, подготовленного по его заказу.

Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем.

При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения подп. 4 ст. 1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 октября 2016 г. № 1-КГ16-23)

10. Страхователь (выгодоприобретатель) по договору добровольного страхования вправе после совершения действий, указанных в п. 2 ст. 956 ГК РФ, заменить себя другим лицом, заключив договор цессии, если иное не следует из договора и существа отношений между его сторонами.

Л. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Судом установлено, что по договору страхования от 17 октября 2013 г. застраховано транспортное средство на период с 17 октября 2013 г. по 16 октября 2016 г. Согласно указанному договору страхователем является ОАО «В.-Л.», выгодоприобретателем (кроме страховых случаев, «хищение» и «ущерб», на условиях «полная гибель») — ИП Г.

18 сентября 2014 г. произошел страховой случай.

4 марта 2015 г. с заявлением о наступлении страхового случая к страховщику обратился ИП Г.

8 апреля 2015 г. между ИП Г. и Л. заключен договор цессии, согласно которому Л. принимает права требования по взысканию ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия 18 сентября 2014 г., со страховщика.

Разрешая спор по существу и частично удовлетворяя заявленные исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что автомобиль получил повреждение в период действия договора страхования и основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения отсутствуют.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что в результате договора цессии произошла смена выгодоприобретателя,

не допускаемая ст. 956 ГК РФ, а потому Л. не вправе требовать выплаты страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенными нарушениями норм материального права.

Согласно п. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона.

Для перехода к другому лицу прав кредитора не требуется согласие должника, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 2 ст. 382 ГК РФ).

На основании п. 1 ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 388 ГК РФ уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону. Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника.

Пунктом 1 ст. 956 ГК РФ предусмотрено, что страхователь вправе заменить выгодоприобретателя, названного в договоре страхования, другим лицом, письменно уведомив об этом страховщика. Выгодоприобретатель не может быть заменен другим лицом после того, как он выполнил какую-либо из обязанностей по договору страхования или предъявил страховщику требование о выплате страхового возмещения или страховой суммы (п. 2 названной статьи). Указанная норма, регламентирующая замену выгодоприобретателя по требованию страхователя, направлена на защиту прав выгодоприобретателя, который своими действиями выразил волю на получение страхового возмещения, от действий страхователя, направленных на исключение выгодоприобретателя из страховых отношений.

Статья 956 ГК РФ не содержит каких-либо положений, ограничивающих уступку самим выгодоприобретателем либо страхователем, являющимся одновременно выгодоприобретателем, принадлежащих ему прав третьему лицу после того, как выгодоприобретатель выполнил какую-либо из обязанностей по договору страхования или предъявил страховщику требование о выплате страхового возмещения или страховой суммы.

В связи с этим страхователь (выгодоприобретатель) по договору страхования не лишен права после совершения действий, указанных в п. 2 ст. 956 ГК РФ, заменить себя другим лицом, заключив договор цессии, если иное не следует из договора страхования и существа отношений между его сторонами.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 октября 2016 г. № 18-КГ16-148)

11. Страхователь (выгодоприобретатель), предъявивший к страховщику иск о взыскании страхового возмещения, обязан доказать наличие договора добровольного страхования с ответчиком, а также факт наступления предусмотренного указанным договором страхового случая. Страховщик, возражающий против выплаты страхового возмещения, обязан доказать обстоятельства, с которыми закон или договор связывают возможность освобождения от выплаты страхового возмещения, либо вправе оспорить доводы страхователя о наступлении страхового случая, в частности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

З. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда, судебных расходов, штрафа.

В обоснование исковых требований истец указал, что 28 марта 2012 г. между ним и ответчиком заключен договор страхования автомобиля со сроком действия с 28 марта 2012 г. по 27 марта 2013 г. В период действия договора страхования автомобиль сгорел, а его остатки были похищены, в связи с чем истец обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения, представив все документы на транспортное средство и ключи. Ссылаясь на п. 5 ст. 10 Закона об организации страхового дела, он считал, что отказался от своих прав на автомобиль в пользу страховщика и имеет право на получение от него страховой выплаты в размере полной страховой суммы.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции исходил из того, что истцом не было представлено достаточных допустимых доказательств, подтверждающих, что в результате произошедшего 18 мая 2012 г. пожара сгорело именно застрахованное ответчиком транспортное средство, остатки которого были похищены. При этом суд указал, что юридически значимыми обстоятельствами по делу о взыскании страхового возмещения являются наступление страхового случая и размер ущерба.

Отказывая в удовлетворении требований, суд указал, что истцом не было доказано наступление страхового случая, поскольку идентифицировать сгоревший автомобиль не представляется возможным ввиду необеспечения истцом сохранности застрахованного имущества. Также суд указал, что по указанной причине невозможно определить размер ущерба, причиненного как в результате пожара, так и в результате хищения.

Суд второй инстанции поддержал позицию районного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

В соответствии с п. 2 ст. 9 Закона об организации страхового дела страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения предусмотрены ст.ст. 961, 963, 964 ГК РФ.

По смыслу указанных норм на истце (страхователе) лежит обязанность доказать наличие договора страхования с ответчиком, а также факт наступления предусмотренного указанным договором страхового случая. Страховщик, возражающий против выплаты страхового возмещения, обязан доказать обстоятельства, с которыми закон или договор связывают возможность освобождения от выплаты возмещения, либо вправе оспорить доводы страхователя о наступлении страхового случая, в частности представить доказательства суще-

ствования иной причины возникновения этих убытков.

Применительно к данному делу с учетом заявления истца о том, что застрахованный автомобиль был похищен, и наличием постановления о возбуждении уголовного дела по указанному факту страховая компания могла быть освобождена от обязанности выплатить возмещение только в случае представления ею доказательств о том, что автомобиль у истца не был похищен.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ неправильно распределил бремя доказывания и не предложил страховщику представить доказательства в обоснование его возражений.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2015 г. № 5-КГ15-188)

12. В случае предъявления к страховщику требований, предусмотренных Законом о защите прав потребителей, бремя доказывания того, что застрахованное имущество использовалось страхователем (выгодоприобретателем) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, возлагается на истца.

Общественная организация по защите прав потребителей, действующая в интересах А., обратилась в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда, штрафа.

В обоснование иска общественная организация указала, что 17 июля 2013 г. между А. и страховой компанией заключен договор страхования имущества — кафе-шашлычной, принадлежащей А. В период с 1 марта 2014 г. по 1 апреля 2014 г. произошло событие, имеющее признаки страхового случая — на наружной и внутренней стенах указанного строения появились трещины. А. обратилась к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения, однако ответчик отказал со ссылкой на то, что заявленное событие страховым случаем не является.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на то, что истцом не представлено доказательств наступления страхового случая — стихийного бедствия (паводка).

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что ущерб застрахованному имуществу был причинен в результате воздействия воды, вызванного повышением уровня грунтовых вод, что является страховым случаем согласно договору страхования. Суд также указал, что поскольку А. не зарегистрирована в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя и взаимосвязанных действий, направленных на получение прибыли, не осуществляла, то ее деятельность по сдаче в аренду застрахованного нежилого строения предпринимательской деятельностью не является и к спорным правоотношениям подлежит применению Закон о защите прав потребителей, в связи с чем взыскал неустойку и штраф.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела были допущены нарушения норм материального и процессуального права.

Как установлено судом, объектом страхования является кафе-шашлычная, сдаваемая А. в аренду В.

Согласно преамбуле к Закону о защите прав потребителей потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Бремя доказывания того, что застрахованное имущество использовалось А. исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, возлагается на истца.

Суд апелляционной инстанции в нарушение ст. 56 ГПК РФ неправильно распределил бремя доказывания и не предложил истцу представить доказательства, подтверждающие использование ею застрахованного имущества исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, сама А. их также не представила.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 47-КГ16-12)

13. Перечисление на счет страхователя (истца) требуемой им денежной суммы не свидетельствует о необоснованности иска и не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований в части этой суммы. Данное обстоятельство может служить основанием для указания суда о том, что уплаченная сумма подлежит зачету в счет исполнения решения об удовлетворении иска.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании недоплаченного страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа.

Судом установлено, что 19 июня 2011 г. между О. и страховой компанией заключен договор страхования автомобиля в том числе по риску “ущерб” сроком на 1 год.

В период действия договора страхования 23 мая 2012 г. в результате противоправных действий третьих лиц произошло возгорание автомобиля, что привело к его конструктивной гибели, в связи с чем О. обратилась к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения.

Ответчиком указанный случай был признан страховым, и 9 октября 2012 г. осуществлена страховая выплата.

Не согласившись с размером страхового возмещения, О. 12 октября 2012 г. обратилась к ответчику с претензией о дополнительном страховом возмещении, которая была оставлена без удовлетворения.

5 июля 2013 г. между О. и К. заключен договор уступки права требования, по условиям которого К. перешло право требования на получение надлежащего исполнения по обязательству, возникшему вследствие гибели указанного автомобиля.

После обращения К. в суд ответчиком была перечислена не выплаченная ранее часть страхового возмещения.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для взыскания с ответчика в пользу истца страхового возмещения в связи с исполнением страховщиком обязательств по выплате страхового возмещения в ходе судебного разбирательства.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Статьей 195 ГПК РФ установлены требования к решению суда, в соответствии с которой решение суда должно быть законным и обоснованным.

Верховный Суд РФ в п. 3 постановления Пленума от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении” разъяснил, что решение может считаться законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для

дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59—61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

В ходе рассмотрения дела суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии у страховой компании перед истцом обязательств по выплате страхового возмещения.

При этом суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований в части взыскания страхового возмещения в связи с выплатой ответчиком суммы указанного возмещения в пользу истца до вынесения судом решения по делу.

Между тем отказ в иске может иметь место лишь в случае признания исковых требований незаконными или необоснованными.

Установление судом того факта, что в процессе рассмотрения дела до вынесения судом решения ответчик перечислил на счет истца требуемую им денежную сумму, не свидетельствует о необоснованности иска и не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований в данной части.

Данное обстоятельство может служить основанием для указания суда о том, что решение суда в этой части не подлежит исполнению, или о том, что уплаченные суммы подлежат зачету в счет исполнения решения об удовлетворении иска.

Вопрос о зачете выплаченных ответчиком денежных средств может быть разрешен в исполнительном производстве.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2015 г. № 45-КГ15-16)

14. Уточнение страхователем (выгодоприобретателем) заявленных исковых требований после перечисления ответчиком части суммы страхового возмещения не свидетельствует о наличии оснований для освобождения ответчика от уплаты штрафа, исчисляемого с учетом суммы, выплаченной истцу после обращения с иском в суд.

К. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа.

В судебном заседании суда первой инстанции истец уменьшил размер исковых требований в части страхового возмещения с учетом денежной суммы, выплаченной страховщиком в счет страхового возмещения после предъявления иска в суд.

При этом об отказе от иска истец не заявлял, а также не уменьшил исковые требования в части штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя.

Разрешая заявленные исковые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, при определении суммы штрафа за отказ в добровольном порядке выполнить требования потребителя исходил из суммы, подлежащей взысканию с учетом уменьшения исковых требований в связи с частичной выплатой страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

В соответствии с п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований

потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей).

Как разъяснено в п. 47 названного постановления Пленума, если после принятия иска к производству суда требования потребителя удовлетворены ответчиком по делу (продавцом, исполнителем, изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) добровольно, то при отказе истца от иска суд прекращает производство по делу в соответствии со ст. 220 ГПК РФ. В этом случае штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, с ответчика не взыскивается.

Исходя из приведенных выше правовых норм и разъяснений штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, не подлежит взысканию с исполнителя услуги при удовлетворении им требований потребителя после принятия иска к производству суда только при последующем отказе истца от иска и прекращении судом производства по делу.

Следовательно, в случае отсутствия отказа истца от иска, в том числе в части заявленного требования о взыскании штрафа, исчисляемого от всей подлежащей выплате истцу денежной суммы, несмотря на удовлетворение исполнителем услуги требований потребителя о выплате причитающейся денежной суммы после принятия иска и до вынесения решения суда, в пользу потребителя подлежит взысканию предусмотренный Законом о защите прав потребителей штраф, исчисляемый от присужденной судом суммы с учетом невыплаченной денежной суммы в добровольном порядке исполнителем услуги до принятия иска к производству суда.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Иных оснований освобождения указанных лиц от ответственности за нарушение прав потребителя законом не предусмотрено.

Наличие судебного спора о страховом возмещении указывает на несоблюдение страховщиком добровольного порядка удовлетворения требований потребителя, в связи с чем удовлетворение требований потерпевшего в период рассмотрения спора в суде при условии, что истец не отказался от иска, в том числе в части заявленного требования о взыскании штрафа, исходя из всей причитающейся истцу денежной суммы, само по себе не является основанием для освобождения страховщика от ответственности в виде штрафа за ненадлежащее исполнение обязательств.

Истец К. от заявленного иска не отказывался, производство по делу в связи с отказом истца от иска судом не прекращалось.

Уточнение заявленных исковых требований К. после перечисления ему ответчиком части суммы страхового возмещения не свидетельствует о наличии оснований для освобождения ответчика от выплаты штрафа, исчисляемого с учетом суммы, выплаченной истцу после обращения с иском в суд, поскольку уточнение исковых требований не является отказом от иска, так как данные процессуальные действия в силу гражданского процессуального закона не являются тождественными и влекут разные правовые последствия.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 78-КГ15-46)

15. Добровольная выплата страховщиком части страхового возмещения свидетельствует о признании им факта наступления страхового случая, влекущем обязанность по доплате страхового возмещения. Страховщик не освобождается от уплаты штрафа и компенсации морального вреда, если судом удовлетворены требования страхователя о доплате страхового возмещения.

М. обратился в суд с иском о взыскании страхового возмещения и компенсации морального вреда, в обоснование которого указал, что между ним и ответчиком был заключен договор добровольного имущественного страхования автомобиля на период с 28 мая 2012 г. по 27 мая 2013 г. по риску “ущерб”.

В период действия договора страхования 18 октября 2013 г. в результате дорожно-транспортного происшествия автомобиль истца был поврежден, в связи с чем М. обратился к ответчику с заявлением о выплате страхового возмещения.

13 февраля 2014 г. ответчик перечислил истцу денежную сумму в счет страхового возмещения.

Не согласившись с размером страхового возмещения, истец обратился в ООО “Р.” в целях подготовки заключения о стоимости восстановительного ремонта автомобиля и размере утраты товарной стоимости.

Суд первой инстанции согласился с доводами истца и удовлетворил исковые требования.

Отменяя решение суда в части взыскания с компенсации морального вреда и штрафа и отказывая в удовлетворении иска в этой части, суд апелляционной инстанции сослался на то, что заявителем не представлено доказательств его обращения с требованием о доплате страхового возмещения после произведенной им оценки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

Как установлено судом, М. обратился к ответчику с заявлением о наступлении страхового случая, после чего ответчик перечислил истцу часть страховой выплаты.

Сумма недоплаты взыскана решением суда, оставленным в этой части судом апелляционной инстанции без изменения.

Таким образом, установлено, что ответчик исполнил обязательство не в полном объеме.

В соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Согласно п. 4 ст. 13 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается

от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Таким образом, обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств в данном случае возложена законом на ответчика.

Как установлено судом, ответчиком таких доказательств представлено не было.

Отсутствие повторного обращения страхователя за доплатой страхового возмещения само по себе не освобождает от ответственности (в том числе от уплаты штрафа) страховщика, который обязан был надлежащим образом исполнить обязательства при первом обращении страхователя.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 57-КГ15-10)

16. В тех случаях, когда страхователь в связи с нарушением страховщиком обязанности выплатить страховое возмещение заявляет требование о взыскании неустойки, предусмотренной ст. 28 Закона о защите прав потребителей, такое требование подлежит удовлетворению, а неустойка — исчислению в зависимости от размера страховой премии.

Д. обратилась в суд с иском (с учетом уточнения требований) к страховой компании о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, компенсации морального вреда, взыскании штрафа, неустойки.

Судом установлено, что 26 марта 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия поврежден принадлежащий истцу автомобиль, застрахованный ответчиком по полису добровольного страхования транспортных средств.

27 мая 2014 г. Д. обратилась к страховщику с заявлением о страховой выплате, приложив необходимые документы.

Ответчик признал дорожно-транспортное происшествие страховым случаем и 20 июня 2014 г. произвел страховую выплату.

16 сентября 2014 г. после обращения истца в суд и проведения судебной экспертизы ответчик перечислил Д. ранее не выплаченную часть страхового возмещения.

Разрешая спор по существу и отказывая истцу в части удовлетворения требования о взыскании неустойки, предусмотренной ст. 28 Закона о защите прав потребителей, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что на несвоевременно выплаченную сумму подлежат начислению проценты на основании ст. 395 ГК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, указав в том числе следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пп. 1 и 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан”, отношения по добровольному страхованию имущества граждан регулируются нормами главы 48 “Страхование” ГК РФ, Законом об организации страхового дела и Законом о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами.

На договоры добровольного страхования имущества граждан Закон о защите прав потребителей распространяется в случаях, когда страхование осуществляется исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Специальными законами, регулируемыми правоотношения по договору добровольного страхования имущества граждан (глава 48 “Страхование” ГК РФ, Закон об организации страхового дела), ответственность страховщика за нарушение сроков выплаты страхового возмещения не предусмотрена.

Пунктом 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей предусмотрена ответственность за нарушение сроков оказания услуги потребителем в виде уплаты неустойки, начисляемой за каждый день просрочки в размере 3 процентов цены оказания услуги, а если цена оказания услуги договором об оказании услуг не определена — общей цены заказа.

Цена страховой услуги определяется размером страховой премии (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20).

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 8 октября 1998 г. “О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами” (в настоящее время не применяется в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”) в денежных обязательствах, возникших из договоров, в частности, предусматривающих обязанность должника произвести оплату товаров, работ или услуг либо уплатить полученные на условиях возврата денежные средства, на просроченную уплатой сумму подлежат начислению проценты на основании ст. 395 ГК РФ.

Этим же пунктом разъяснено, что если законом либо соглашением сторон предусмотрена обязанность должника уплачивать неустойку (пеню) при просрочке исполнения денежного обязательства, то в подобных случаях суду следует исходить из того, что кредитор вправе предъявить требование о применении одной из этих мер, не доказывая факта и размера убытков, понесенных им при исполнении денежного обязательства, если иное прямо не предусмотрено законом или договором.

Таким образом, в тех случаях, когда страхователь заявляет требование о взыскании за неисполнение страховщиком обязательства неустойки, предусмотренной ст. 28 Закона о защите прав потребителей, такое требование подлежит удовлетворению, а неустойка — исчислению в зависимости от размера страховой премии.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 11-КГ15-34)

В настоящее время надлежит руководствоваться п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, согласно которому в случае, если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абз. 1 п. 1 ст. 394 ГК РФ, то положения п. 1 ст. 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ (п. 4 ст. 395 ГК РФ).

17. Неустойка за просрочку выплаты страхового возмещения, предусмотренная п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, не может превышать размера страховой премии.

К. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения.

При рассмотрении дела судом установлено, что 15 июля 2014 г. между ООО “К.Э.Ц.” и страховщиком заключен договор добровольного страхования автомобиля по рискам “ущерб” и “хищение”.

Дополнительным соглашением от 23 апреля 2015 г., заключенным между страховщиком и К., последний как собственник указанного автомобиля признан страхователем и выгодоприобретателем по договору страхования.

22 июня 2015 г. автомобилю причинены повреждения.

22 июля 2015 г. К. обратился к страховщику за выплатой страхового возмещения. Страховое возмещение выплачено не было.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу, что с ответчика в пользу истца подлежат взысканию сумма страхового возмещения. Суд также пришел к выводу о взыскании с ответчика в пользу истца неустойки, предусмотренной п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей и подлежащей исчислению исходя из размера страхового возмещения.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда в части размера взысканной неустойки, указав, что судом первой инстанции размер неустойки ошибочно исчислен из размера страхового возмещения, поскольку в настоящем случае следовало руководствоваться размером страховой премии, составляющим 341 565 руб. При таких обстоятельствах судебная коллегия по гражданским делам краевого суда пришла к выводу, что размер неустойки составляет 1 280 871 руб., и снизила ее на основании ст. 333 ГК РФ до 800 тыс. рублей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что судом апелляционной инстанции были нарушены нормы материального и процессуального права.

Изменяя решение суда в части размера взысканной неустойки, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей и правильно указал, что размер неустойки подлежит исчислению исходя из размера страховой премии, а не страхового возмещения.

Вместе с тем суд не принял во внимание положения п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, в соответствии с которым сумма неустойки, взыскиваемой на основании п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, не может превышать цену отдельного вида выполнения работы (оказания услуги), в настоящем случае — размер страховой премии.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 18-КГ17-25)

18. Взыскание штрафа в связи с неисполнением страховщиком требований потребителя в добровольном порядке не зависит от того, обратился в страховую компанию с заявлением о страховой выплате сам выгодоприобретатель или его представитель по доверенности, удостоверенной в соответствии с действующим законодательством.

К. обратилась в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что 14 августа 2012 г. сторонами заключен договор страхования имущества — жилого дома сроком по 13 августа 2013 г. Выгодоприобретателем по данному договору является К. Имущество застраховано в том числе по риску его уничтожения в случае пожара. В период действия договора страхования — 29 июня 2013 г. — произошел пожар, в результате которого огнем уничтожен застрахованный жилой дом.

Удовлетворяя частично требования истца, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что событие, произошедшее 29 июня 2013 г., является страховым случаем, в связи с чем у страховщика возникла обязанность по выплате страхового возмещения.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания штрафа и отказывая в его взыскании, суд

апелляционной инстанции указал, что К. к страховщику за получением причитающейся ей как выгодоприобретателю страховой выплаты во внесудебном порядке лично не обращалась, с заявлением о наступлении страхового случая обращался М.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с данным выводом суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Пунктом 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей" разъяснено, что при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке исполнителем, суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (п. 6 ст. 13 Закона).

Судом установлено, что с заявлением о наступлении страхового случая и о выплате страхового возмещения обратился М., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности от имени К.

В соответствии с п. 1 ст. 182 ГК РФ сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

В силу п. 1 ст. 185 ГК РФ доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами.

При таких обстоятельствах взыскание штрафа не зависит от того, обратился в страховую компанию с заявлением о страховой выплате сам выгодоприобретатель либо его представитель по доверенности, удостоверенной в соответствии с действующим законодательством.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. № 43-КГ15-1)

19. В случае некачественного выполнения ремонта автомобиля, т.е. ненадлежащего исполнения страховщиком обязательства по предоставлению страхового возмещения в натуральной форме, страхователь может воспользоваться правами, предоставленными ему п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей (например, потребовать возмещения страховщиком расходов по устранению недостатков выполненного ремонта).

С. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, штрафа, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что 17 августа 2012 г. С. заключил с ответчиком договор добровольного страхования транспортного средства на период до 18 августа 2013 г.

В соответствии с условиями договора предусмотрена одна из форм страхового возмещения — ремонт на станции технического обслуживания автомобилей (СТОА) по согласованию со страховщиком.

28 мая 2013 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого застрахованному автомобилю были причинены механические повреж-

дения. Страховщик признал случай страховым и выдал С. направление на ремонт автомашины в СТОА.

13 сентября 2013 г. истец уведомил ответчика о наличии претензий по качеству проведенного ремонта своей автомашины.

Разрешая спор по существу и отказывая С. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с позицией которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что общество выдало направление на ремонт автомашины и оплатило его, реализовав тем самым право истца на получение страхового возмещения путем восстановительного ремонта на станции технического обслуживания, осуществляемого за счет страховщика, в связи с чем оснований для возложения на страховщика ответственности за некачественный ремонт не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

Из положений ст.ст. 9 и 10 Закона об организации страхового дела следует, что обязательство по выплате страхового возмещения является денежным. Страховое возмещение может осуществляться в денежной или натуральной форме (направление на станцию технического обслуживания автомобилей).

В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" разъяснено, что в силу ст. 313 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) за качество произведенного по направлению страховщика станцией технического обслуживания восстановительного ремонта в рамках страхового возмещения по договору добровольного страхования имущества ответственность несет страховщик.

В случае некачественного выполнения ремонта автомобиля, т.е. ненадлежащего исполнения страховщиком обязательства по предоставлению страхового возмещения в натуральной форме, страхователь может воспользоваться правами, предоставленными ему п. 1 ст. 29 Закона о защите прав потребителей.

Согласно п. 1 указанной статьи потребитель при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать: безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);

соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);

безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь;

возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

По настоящему делу истец, установив, что ремонт его автомобиля произведен ненадлежащим образом, просил взыскать с ответчика-страховщика возмещение расходов по устранению недостатков выполненной работы, которое предполагал осуществить своими силами или с привлечением третьих лиц. Данное требование соответствует положениям ст. 29 Закона о защите прав потребителей и не является по своей природе повторным взысканием страхового возмещения со страховщика, из чего ошибочно исходил суд апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 78-КГ16-22)

20. К отношениям между страховщиком и наследниками страхователя, которому страховая услуга оказывалась для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской дея-

тельности, применяются положения Закона о защите прав потребителей.

З. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании убытков, процентов за пользование чужими денежными средствами, неустойки, штрафа в размере 50% от присужденных денежных средств, компенсации морального вреда, указав, что является наследником своего отца Н., который 29 мая 2012 г. с использованием кредитных денежных средств приобрел автомобиль и застраховал его у ответчика в пользу банка по договору комплексного страхования. 29 ноября 2012 г. произошел страховой случай, однако в получении страховой выплаты Н. было отказано, что послужило основанием для обращения последнего в суд с иском о взыскании страхового возмещения.

Вступившим в законную силу решением суда с ответчика в пользу банка взыскана сумма страхового возмещения, в пользу Н. — штраф, сумма компенсации морального вреда. После смерти Н. право требования исполнения обязательств в порядке правопреемства перешло к истцу, который полагал, что несвоевременной выплатой страхового возмещения ответчиком ему были причинены убытки.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований З. о взыскании неустойки, предусмотренной Законом о защите прав потребителей, убытков, причиненных вследствие несвоевременного перечисления банку суммы страхового возмещения, а также иных требований, суд исходил из того, что при жизни Н. такие исковые требования не заявлялись. Суд также указал, что на спорные правоотношения Закон о защите прав потребителей не распространяется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

В соответствии с преамбулой Закона о защите прав потребителей он регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную за-

щите их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей”, если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальными законами.

Подпунктом “а” п. 3 названного постановления разъяснено, что правами, предоставленными потребителю Законом и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.).

Таким образом, по смыслу Закона о защите прав потребителей в результате заключения договора страхования, банковского счета гражданин, заказавший и оплативший соответствующую финансовую услугу, и его наследники являются потребителями финансовой услуги, а на возникшие правоотношения распространяется Закон о защите прав потребителей.

Эти положения Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 17 судебными инстанциями учтены не были.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 марта 2016 г. № 44-КГ15-20)

Признать утратившим силу Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 30 января 2013 г.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 декабря 2017 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**, **Хаменков В.Б.**, **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 29.10.2018.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 14,98. Тираж 8929 экз. Заказ 0273-2018.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
